

Марк Блауг

1000

**ВЕЛИКИХ
ЭКОНОМИСТОВ
ДО
Кейнса**

Марк Блауг

**100
ВЕЛИКИХ
ЭКОНОМИСТОВ
ДО
Кейнса**

Great Economists before Keynes

**An introduction
to the lives & works
of one hundred great economists
of the past**

Mark Blaug

**Professor Emeritus, University of London
Professor Emeritus, University of Buckingham
and Visiting Professor, University of Exeter, UK**

**Edward Elgar
Cheltenham, UK
Lyme, US**

Марк Блауг

100 ВЕЛИКИХ ЭКОНОМИСТОВ ДО Кейнса

Перевод с английского
под редакцией А. А. Фофонова

«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА» ГУ ВШЭ

«ЭКОНОМИКУС»

ОМЕГА-Л

Санкт-Петербург 2009

БИБЛИОТЕКА «ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

ВЫПУСК 42

ББК 65.02

Б-70

Издатели:

**ИНСТИТУТ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ШКОЛА»
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА — ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ
«ЭКОНОМИКУС», САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

Перевод с английского

**А. Михайлова, А. Попова, И. Розмаинский,
А. Скоробогатов, Н. Смирнова**

Copyright © Mark Blaug 1986

All rights reserved

© ООО «Экономикус». 2008

ISBN 978-5-903816-01-9

Все права защищены

Содержание

От редактора.....	стр. 7
Предисловие.....	стр. 9
Благодарности.....	стр. 11
Перечень статей.....	стр. 13

От редактора

Изучая экономическую науку и ее историю, мы знакомимся с именами великих экономистов прошлого, их теориями, формулами, социальными взглядами... Мы получаем массу информации об их научном вкладе и о месте их достижений в системе знания. Но иногда для понимания той или иной общественно-научной доктрины бывает очень важно знать, в каких обстоятельствах ее авторы жили, как складывалась их карьера, отношения с коллегами, окружением, обществом; наконец, как они выглядели.

Особенность книг Марка Блауга «100 великих экономистов до Кейнса» и «100 великих экономистов после Кейнса» заключается в том, что они могут быть полезны не только студентам и профессионалам, но и самому широкому кругу читателей. Автор, несомненно, старался охватить максимально широкую аудиторию, выбрав форму краткого энциклопедического справочника: статья о каждом ученом занимает 2–4 страницы; большинство статей сопровождаются уникальными фотографиями; идеи экономистов излагаются достаточно простым языком и занимают ненамного больше места, чем биографические детали.

При подготовке перевода к изданию мы старались следовать этой концепции автора: так, большая часть иностранных имен, названий учебных заведений и литературных источников переведена нами на русский язык, несмотря на противоположную тенденцию в современной научной литературе, а также на то, что во многих случаях это пришлось сделать впервые. В некоторых местах даны пояснения и ссылки на переведенную литературу. Если возле фамилии в тексте стоит звездочка, значит в книге имеется отдельный очерк об этом ученом.

Для российского читателя эти книги могут дать немало полезной и пока еще не совсем усвоенной информации о точках отсчета и акцентах, расставляемых западными историками экономической мысли: характерное деление на «до Кейнса» и «после Кейнса»; оценка экономистов, которых в нашей стране в советские времена считали предшественниками или последователями Маркса; трактовка вклада русских экономистов, которые заняли свое

достойное место среди двух сотен великих, избранных автором; наконец, собственные открытия Блауга относительно некоторых непризнанных или незаслуженно забытых гениев экономической науки.

Книги Марка Блауга «100 великих экономистов до Кейнса» и «100 великих экономистов после Кейнса» продолжают линию переводов экономической классики и выдающихся трудов по истории экономической науки, выпускаемую издательством Института «Экономическая школа».

Желаем Вам приятного чтения!

Андрей Фофонов

Предисловие

Эта книга — дополнение к моей работе «Великие экономисты после Кейнса» (*Great Economists since Keynes*) и, подобно ей, адресована тем, кто изучает экономическую науку впервые, кто слышит от преподавателей имена Рикардо, Вальраса и Маршалла и желает получить краткую информацию о жизни и идеях этих великих экономистов прошлого.

Почему только 100 имен, а не 200 или 300? Число 100 является произвольным: мы должны чем-то ограничиться, а 100 — хорошее круглое число. Тем не менее, удивительно, что числа 100, по-видимому, вполне достаточно, чтобы охватить всех основных и даже второстепенных экономистов прошлого вплоть до Кейнса, включая его самого. Необходимо отметить, что это мой персональный список великих имен в истории экономической мысли, и другой автор мог бы составить несколько иной перечень экономистов. Однако, я уверен, что референдум среди историков экономической мысли подтвердил бы 90 или, возможно, даже 95 процентов из моего списка.

Эту книгу можно вполне порекомендовать как энциклопедический справочник: каждая статья является самодостаточной и, надеюсь, не требует дополнительных пояснений; если имеется портрет экономиста прошлого — он приводится в тексте соответствующей статьи. Книгу также можно читать и в хронологическом порядке. Для такого случая я рекомендую, чтобы статьи читались в следующей последовательности:

Ман	Галиани	Лодердейл
Петти	Юм	Бентам
Локк	Кенэ	Торнтон
Норт	Кантильон	Рикардо
Давенант	Тюрго	Оуэн
Ло	Стюарт	Сэй
Мандевиль	Смит	Сисмонди
Бернулли	Мальтус	Сен-Симон

Мак-Куллох
Бейли
Джонс
Кэри
Сениор
Лонгфилд
Рэ
Лист
Торренс
Тук
Бэббедж
Бастиа
Уэйкфилд
Прудон
Курно
Дююи
Милль
Тюнен
Кернс
Маркс
Мангольдт
Госсен
Лесли
Бэджгот
Жугляр
Рошер

Джевонс
Менгер
Вальрас
Бароне
Сиджвик
Джордж
Уикстид
Эджуорт
Лаунхардт
Кейнс Дж.Н.
Маршалл
Кларк Дж.Б.
Шмоллер
Шпитгоф
Афтальян
Парето
Бем-Баверк
Визер
Виксель
Борткевич
Вебер, М.
Каннингем
Кассель
Ньюкомб
Эли
Селигмен

Бернштейн
Зомбарт
Гильфердинг
Фишер
Веблен
Феттер
Гобсон
Люксембург
Мур
Слущкий
Митчелл
Коммонс
Вебер, А.
Шумпетер
Боули
Клэпхем
Пигу
Робертсон
Кларк, Дж.М.
Чемберлин
Кондратьев
Саймонс
Ланге
Кейнс, Дж.М.

Марк Блауг

Благодарности

Я хотел бы сказать слова благодарности следующим людям, организациям и издателям за разрешение перепечатать портреты или фотографии, находящиеся в их распоряжении:

Almqvist & Wiksell (Wicksell); *American Economic Association* (J.B. Clark, J.M. Clark, Commons, Ely, Fetter, Fisher, Mitchell, Schumpeter, Seligman, Simons); *Archiv der Rheinischen Friedrich-Wilhelms Universität Bonn* (Spiethoff); *Archiv der Universität Hannover* (Launhardt); *Cambridge University Press* (Ricardo); *R.D. Collison-Black* (Leslie); *David & Charles* (Senior); *S.R. Dennison* (Robertson); *Econometric Society* (Bowley, Cournot, Edgeworth, Fisher, Lange, Moore, Thünen); *The Economist* (Bagehot); *Guildhall Library* (Tooke); *Harp-er's Weekly* (Carey, Hobson); *Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis*, Netherlands (Bernstein, Hilferding, Luxemburg); *King's College, Cambridge* (Clapham); *Libertarian Press* (Böhm-Bawerk); *Librairie Larousse* (St-Simon, Sismondi); *London School of Economics Li-brary* (Bastiat, George, List, Quesnay, Roscher, Say, Turgot); *Macmill-an* (Jevons, J.M. Keynes, J.N. Keynes, Malthus, Marshall); *J. de Mathan-Juglar* (Juglar); *Memorials of Old Haileybury College*, ed. F.C. Danvers, et al. (1844) (Jones); *P. Moore* (Torrens); *National Gal-leries of Scotland* (Hume, Lauderdale); *National Portrait Gallery*, En-gland (Babbage, Bentham, Cunningham, Law, Locke, McCulloch, Mill, North, Owen, Petty, Pigou, Steuart, Thornton, Wakefield); *North-Hol-land* (Walras); *H.C. Recktenwald* (Cassel, Galiani, Marx, Menger, Pareto, Schmoller, Smith, Weber, Wieser); *P. Roggi* (Barone); *G.J. Stigler and C. Friedland* (Cairnes, Newcomb, Sidgwick, Veblen, Wicksteed); *Ullstein Bilderdienst-Transocean-Gesellschaft* (Bortkiewicz); *University of Illinois* (Proudhon); *Wiley & Son* (Chamberlin).

Я выражаю особую благодарность С. Friedland, R.D. Collison-Black, F.W. Fetter, К.Н. Hennings, D.P. O'Brien and H.C. Recktenwald за их неоценимую помощь в моих розысках изображений великих экономистов прошлого.

Перечень статей

1. Афталъон	35. Кенэ	69. Пигу
2. Бароне	36. Кернс	70. Прудон
3. Бастиа	37. Кларк, Дж.Б.	71. Рикардо
4. Бейли	38. Кларк, Дж.М.	72. Робертсон
5. Бем-Баверк	39. Клэпхем	73. Рошер
6. Бентам	40. Коммонс	74. Рэ
7. Бернулли	41. Кондратьев	75. Саймонс
8. Бернштейн	42. Курно	76. Селигмен
9. Борткевич	43. Кэри	77. Сениор
10. Боули	44. Ланге	78. Сен-Симон
11. Бэббедж	45. Лаунхардт	79. Сиджвик
12. Бэджгот	46. Лесли	80. Сисмонди
13. Вальрас	47. Лист	81. Слуцкий
14. Вебер, А.	48. Ло	82. Смит
15. Вебер, М.	49. Лодердейл	83. Стюарт
16. Веблен	50. Локк	84. Сэй
17. Визер	51. Лонгфилд	85. Торнтон
18. Виксель	52. Люксембург	86. Торренс
19. Галиани	53. Мак-Куллох	87. Тук
20. Гильфердинг	54. Мальтус	88. Тюнен
21. Гобсон	55. Ман	89. Тюрго
22. Госсен	56. Мангольдт	90. Уикстид
23. Давенант	57. Мандевиль	91. Уэйкфилд
24. Джевонс	58. Маркс	92. Феттер
25. Джонс	59. Маршалл	93. Фишер
26. Джордж	60. Менгер	94. Чемберлин
27. Дюпюи	61. Милль	95. Шмоллер
28. Жугляр	62. Митчелл	96. Шпитгоф
29. Зомбарт	63. Мур	97. Шумпетер
30. Каннингем	64. Норт	98. Эджуорт
31. Кантильон	65. Ньюкомб	99. Эли
32. Кассель	66. Оуэн	100. Юм
33. Кейнс, Дж.М.	67. Парето	
34. Кейнс, Дж.Н.	68. Петти	

**Афтальян,
Альбер**
Aftalion Albert
(1874 — 1956)

Альбер Афтальян с отрывом в несколько лет последовал за Шпитгофом* в попытке создать теорию делового цикла. После ранних работ об экономических идеях Сисмонди* он опубликовал ряд статей по «общему перепроизводству» в 1908 году, а затем последовала объемная работа в двух томах «Периодические кризисы перепроизводства» (*Les crises périodiques de surproduction*, 1913). Лейтмотивом этой книги был принцип акселератора производного спроса, основанный на теории окольного характера капиталистического производства Бем-Баверка*, в соответствии с которой изменения спроса на потребительские товары приводили к ускорению изменений спроса на инвестиционные товары. («Принцип акселератора» независимо от него был заново открыт Дж.М. Кларком* в 1917 году и получил его имя.)

«Окольная» природа производства также объясняла, почему снижение цен после спада приводит не к немедленному оздоровлению, а к нисходящему спиралевидному снижению экономической активности: предприниматели заключают договоры о приобретении факторов производства по ставкам, установленным на основе более высоких цен в прошлом, и соответственно несут убытки, которые ведут к сокращению инвестиций. К принципу акселератора Афтальяна привела не только теория капитала Бем-Ба-

верка, но и его постоянное обращение к теории вменения Визера*, согласно которой ценности потребительских товаров отражаются или вменяются к инвестиционным товарам, с помощью которых они производятся; Афталъон добавил только то, что изменения в ценах потребительских товаров оказывают повышающее воздействие на цены капитальных товаров благодаря длительному сроку протекания производственных процессов. Таким образом, взятая в целом теория Афталъона привязана к «австрийским» корням и все же несколько отличается от так называемой австрийской теории деловых циклов в более поздних работах Мизеса и Хайека. (Согласно Мизесу и Хайеку, причиной экономического спада является избыточная кредитная эмиссия банков, которая действует через ставку процента, вызывая чрезмерное удлинение периода производства.)

Афталъон родился в 1874 году в Болгарии и получил образование во Франции. Он был профессором Лилльского университета в 1904–20 гг., а затем в Парижском университете с 1920 по 1940 гг. Кроме книги о деловых циклах, он опубликовал несколько работ по монетарной экономике, в которых критиковал количественную теорию денег и механизм движения металлических денег Юма-Рикардо.

Литература

D. Villey, *Aftalion, Albert*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 1, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Афталъон А. Периодические кризисы перепроизводства: В 2-х тт. — М., Л.: Госиздат, 1930.

Жамс Э. История экономической мысли XX века / Пер. с фр. Под общей ред. и с пред. И.Г. Блюмина. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. Глава 18. В: Классики кейнсианства: В 2 тт.: Т. 2 / Сост. А.Г. Худокормов. — М.: Экономика, 1997. — (Экономическое наследие). Та же книга вышла отдельным изданием в 1959 году.

**Бароне
Энрико**
Barone Enrico
(1859 — 1924)

Энрико Бароне был одним из выдающихся ранних итальянских математических экономистов. Он потратил почти столько же лет на службу офицером в армии и профессором военной науки в Военном колледже в Турине (1894–1907), сколько проработал профессором экономики в Римском институте экономики (*Istituto di Scienze Economiche*, 1907–24), и написал по военной стратегии столь же много, как и по экономической теории. Как ученик и друг Вальраса* он сыграл значительную роль в развитии теории предельной производительности и оказал влияние на Вальраса в том, что ее можно было бы включить в теорию общего равновесия. Вальрас учил, что совершенная конкуренция делает цены равными средним затратам производства, поэтому попытки предпринимателей максимизировать прибыли парадоксальным образом в конечном результате приводят к нулевой прибыли. С другой стороны, когда факторы производства являются свободно заменяемыми и не фиксируются техническими условиями производства, стремление минимизировать затраты ведет к тому, что они будут использоваться до тех пор, пока ценность их предельных продуктов не будет равняться их цене. Будет ли цена факторов производства в соответствии с принципом предельной производительности в точности «исчерпывать продукт», что приведет к нулевой прибы-

ли? Вальрас сначала считал, что нулевая прибыль несовместима с платой за факторы производства по предельной производительности, и поэтому отказывался принимать идею о взаимозаменяемости факторов. В неопубликованном обзоре работы Уикстида* «Очерк о координации законов распределения» (*Essay on the Coordination of the Laws of Distribution*, 1894), и еще ярче в письме к Вальрасу, Бароне показал, что максимизация прибыли также подразумевает и минимизацию затрат и что именно в случае, когда пропорции факторов являются переменными, плата за факторы производства по предельной производительности формирует функции спроса на них со стороны фирм и, в свою очередь, функции затрат для определения равновесного уровня выпуска фирм. Вальраса это убедило, и в третьем издании «Элементов» (*Elements*, 1896) он открыто поддержал теорию предельной производительности в распределении безо всяких оговорок.

Однако наиболее широко известным вкладом Бароне была демонстрация того, что «Министерство промышленности в коллективистском государстве» (*The Ministry of Production in a Collectivist State*, 1908) могло бы установить совершенное конкурентное равновесие с помощью использования «теневых цен». Эта статья выросла из неудачной попытки Вальраса показать, что совершенное конкурентное равновесие также максимизировало бы экономическое благосостояние. Идея Бароне заключалась в проверке этого вывода с целью посмотреть, зависит ли он на самом деле от режима частной собственности. Он утверждал, что совершенное конкурентное равновесие предполагает, по меньшей мере, два условия: а именно, минимальные затраты производства и цены, равные затратам производства. Как он полагал, эти два условия, в свою очередь, означали максимум благосостояния просто в том смысле, что отказ от них привел бы к уменьшению выпуска и, следовательно, оставил хотя бы одного человека в худшем положении. Предполагалось, что министерство начнет с распределения доходов, унаследованных от прошлого, и свободного выбора уровня потребления и занятости, при условии, что все другие ресурсы общества, за исключением труда, находятся в коллективной собственности. Оно будет методом проб и ошибок осуществлять снижение и повышение заработной платы и цен до тех пор, пока два необходимых условия для оптимума благосостояния не будут выполняться везде. Задачей эссе было показать, что, несмотря на все практи-

ческие трудности, социалистическая экономика могла бы — по крайней мере, в принципе — добиться тех же самых результатов, что и идеализированная капиталистическая экономика. Это было не аргументом в пользу социализма (Бароне был антисоциалистом), а простым теоретизированием в духе теории общего равновесия.

Это эссе привлекло незначительное внимание, когда было впервые опубликовано, и никогда не фигурировало в социалистических дискуссиях 1910-х годов. Но в 1930-х годах, когда эксперименты Советского Союза вызвали оживление интереса к социалистическому планированию, экономисты в англоговорящих странах удивились, обнаружив, что Бароне более или менее обрисовал контуры «теории социализма», которые Ланге* вскоре сделал своими собственными.

Литература

R.E. Kuenne, *Barone, Enrico*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Бастиа
Фредерик
Bastiat Frédéric
(1801 — 1850)

Идея о том, что экономисты-классики верили в принцип *laissez-faire* — «анархия плюс констебль», как однажды сказал Карлейл, — это всего лишь часть фольклора политической и социальной истории XIX века. Но хотя Адам Смит*, Рикардо*, Мак-Куллох*, Сениор* и Джон Стюарт Милль* определенно верили, что лучший контроль со стороны правительства — это минимальный контроль, ошибочно полагать, что их отношение к государственному вмешательству было целиком отрицательно и что они полностью оградили свои умы и сердца от проблем, которые беспрепятственная работа рыночной экономики создает для некоторых социальных групп. Догматическая и доктринерская вера в принцип *свободной конкуренции*, безусловно, была обычным делом среди журналистов и государственных деятелей XIX века, но трудно найти какого-либо грамотного экономиста этого периода, который принимал кредо *laissez-faire* безо всяких исключений. Тем не менее, Бастиа во Франции стоит очень близко к искусственному «классическому экономисту» из исторических книг, с квазирелигиозной убежденностью утверждающего, что естественная гармония экономических интересов возможна, только если государство будет держать свои руки подальше от спонтанных действий индивидов. Тримя великими врагами, которых он никогда не прекращал атаковать,

были протекционизм, социализм и, разумеется, экономическая теория Рикардо, чьи пессимистические предсказания подрывали веру в универсальную гармонию. Он даже постарался обеспечить свой либерализм теоретическим обоснованием, включающим теорию ценности, основанную на замечании, что меновая ценность отражает обмен «услугами».

Он был третьесортным экономистом-теоретиком, но как популяризатор экономических идей, использующий сатиру и иронию, достойную Даниэля Дефо или Джорджа Бернарда Шоу, он не имеет себе равных в истории экономической мысли. Лучшим образцом его искусства является известная «Петиция производителей свечей» (*Petition for the Candlemakers*, 1845), в которой изготовители свечей просили парламент принять закон, требующий закрытия всех окон, световых люков, отверстий, дыр, щелей, трещин и проемов, через которые нестерпимая конкуренция со стороны солнца приносит свет в дома совершенно бесплатно, тем самым угрожая разрушить национальную отрасль промышленности, дающую прямо или косвенно работу тысячам людей. Эта и другие сатирические работы и притчи, собранные вместе в его «Софизмы о защите» (*Sophisms of Protection*, 1877), бесчисленное число раз перепечатывались сторонниками свободной торговли и анτισоциалистами — вплоть до наших дней.

Бастиа родился в Байонне в 1801 году и был сыном мелкого торговца. В возрасте 17 лет он поступил на работу в фирму своего дяди. В 1825 году наследственные дела привели его обратно в родные места, чтобы управлять небольшим имением. Где-то в 1840-х он начал читать речи Ричарда Кобдена и Джона Брайта, лидеров английской лиги против принятия закона о зерне, которые проводили большую компанию за отмену английских протекционистских пошлин на продукцию сельского хозяйства. Бастиа решил стать «французским Кобденом» и начал неистово писать в газеты и журналы, а в 1846 году создал свою собственную газету.

Во время революции 1848 года он был избран в Конституционную ассамблею, а позднее и в Законодательное собрание. В то же время он начал писать «Экономические гармонии» (*Harmonies Economiques*), работу, призванную дать систематическое изложение его экономических идей. К сожалению, ему удалось дожить толь-

ко до окончания первого тома — он ушел из жизни в 1850 году в возрасте 49 лет.

Литература

Н. Durand, *Bastiat, Frédéric*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Бейли**Сэмюел***Bailey Samuel***(1791 — 1870)**

Сэмюел Бейли родился в Шеффилде в 1791 году и в возрасте 15 лет поступил на работу в семейную фирму по производству ножей, которую через 18 лет унаследовал от отца. Несмотря на руководство процветающим бизнесом, он находил время публиковать объемные работы по широкому кругу тем, начиная от политической экономии до политики, психологии, этики, логики и литературной критики. Он принимал активное участие в политической агитации, которая привела к принятию я о реформе парламентского представительства 1832 года, и почти победил в качестве кандидата на место в парламенте на выборах 1835 года. Даже в возрасте 75 лет он все еще публиковал работы по таким темам как очередность написания Шекспиром своих пьес.

В 1825 году, через два года после смерти Рикардо, он публикует «Критическую диссертацию о характере, измерениях и причинах ценности; особенно в отношении работ мистера Рикардо и его последователей» (*A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; Chiefly in Reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers*), наиболее язвительную и разрушительную из всех атак современников на рикардианскую экономическую теорию. Большинство из разоблачений Бейли носили форму семантического анализа лингвистического стиля Рикардо, точно

отмечали непоследовательное применение терминов и неосознанный переход от одного значения конкретного термина к другому. Бейли проследил всю путаницу у Рикардо, возникшую из-за веры последнего в понятие абсолютной ценности — отказ признать, что ценность всегда представляет собой отношение между двумя товарами при обмене, — и связанные с этим поиски неизменного стандарта ценности, который каким-то образом указал бы нам, в каком из товаров происходит изменение ценности, когда обменное соотношение между двумя товарами изменяется. Бейли проницательно понял то, что не заметил никто до него, а именно, что теория ценности Рикардо действует не всегда; она имеет дело с измерением ценности товаров во времени, а не в пространстве; короче говоря, имеют место сравнения ценности между различными промежутками времени, а не внутри этих промежутков. Бейли отвергал саму возможность установить любую удовлетворительную меру ценности как в рикардианском смысле, так и в обычном значении этого термина. Что касается «причины» ценности в отличие от ее «меры», он отрицал, что ею был труд, утверждая вместо этого, что ею является уважение, которым пользуются товары: «Ценность... означает, строго говоря, эффект, производимый на ум человека». Его фундаментальная критика трудовой теории ценности, много раз повторенная с тех пор, состоит в том, что сама идея трудовых затрат как источника ценности ведет к порочному кругу: говорят, что ценность определяется рабочим временем, но ценность рабочего времени, в свою очередь, сама зависит от количества труда, требующегося для производства товаров, приобретаемых на заработную плату, чья ценность в свою очередь..., и так до бесконечности.

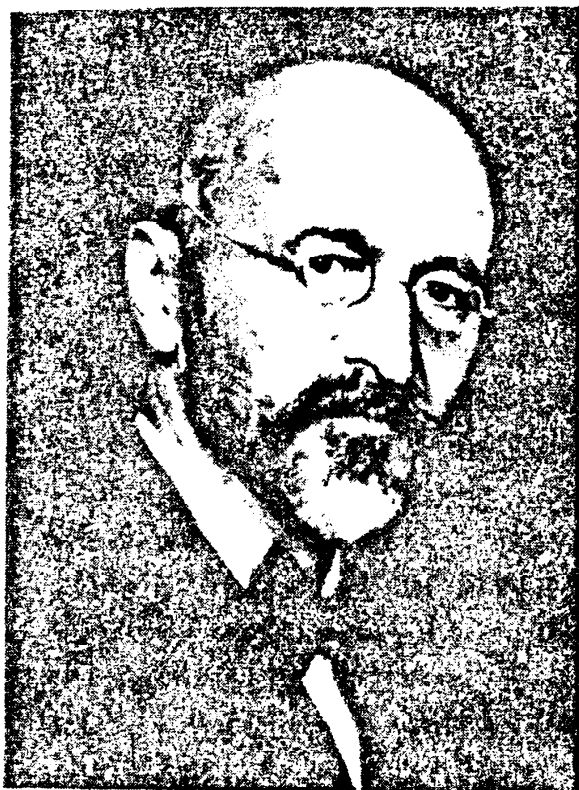
Только в заключительной главе своей книги Бейли переходит от толкований Рикардо к чему-то напоминающему критику всей структуры системы Рикардо. Его метод заключается в защите тройственной классификации товаров в соответствии со «степенью конкуренции». Во-первых, существуют «монополизированные товары». Эта категория, в свою очередь, разбивается на чистую монополию и несовершенную конкуренцию, в зависимости от того, равна ли эластичность предложения нулю или находится между нулем и единицей. Во-вторых, существуют товары, которые могут быть произведены только с растущими затратами, такие как пшеница, уголь, металлы и другие основные товары. Растущие затраты всегда возникают в силу ограниченности предложения специализированных

факторов производства, и собственники этих специализированных факторов требуют ренты, которая совершенно аналогична повышенной зарплате квалифицированного ремесленника. Третья категория включает те товары, которые производятся при постоянных затратах в условиях совершенной конкуренции, для объяснения которой и создана рикардианская теория ценности. Но даже здесь труд — не единственное, что определяет цены. Не только труд, который неоднороден по своему качеству, но и риски, возникающие при привлечении капитала, и премия, которая должна быть заплачена за преодоление того, что позднее назовут временным предпочтением («мы обычно предпочитаем, — говорил Бейли, — удовольствие или наслаждение в настоящем тому же самому в будущем, при условии их аналогичности во всех остальных отношениях»), — все это приводит к тому, что ценность товара становится выше затрат его производства в терминах рабочего времени. Более того, сырье, которое идет на производство этой третьей категории товаров, часто попадает в первые две категории. И вместо «защиты от конкуренции», воздействующей только на малую часть совокупного объема обмениваемых товаров, как провозглашал Рикардо, ценность большинства товаров на самом деле зависит от низкой «степени конкуренции».

Влияние «Критической диссертации» Бейли было значительным, что подтверждается рядом ссылок на него в эпоху, не отличающуюся доверием к источникам. *The Westminster Review* опубликовал резкий анонимный выпад против этой книги, который почти наверняка был написан Джеймсом Миллем, отцом Джона Стюарта Милля. Мак-Куллох*, Торренс* и Тук* — все они цитировали эту книгу, и не только для того, чтобы ее опровергнуть, а Сениор* не только цитировал ее, но и одобрил обобщение Бейли концепции земельной ренты как исключительное «достижение далеко идущего значения», также как и его теорию прибыли как платежа за отказ от будущих благ в пользу настоящих. Только потому, что Джон Стюарт Милль умышленно не упоминал Бейли в своих известных «Принципах политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848), последующие поколения должны были открывать для себя Бейли как отвергнутого автора.

Литература

R.M. Rauner, *Samuel Bailey and the Classical Theory of Value* (G. Bell, 1961).

Бем-Баверк
Евгений фон
Böhm-Bawerk
Eugen Von
(1851 — 1914)

Если Менгер* был отцом-основателем австрийской школы экономики, то Бем-Баверк был ее «апостолом Павлом»: он сделал больше, чем кто-либо другой для популяризации и публикации характерного австрийского подхода к экономическим проблемам. Однако, он внес и свой собственный вклад в данное направление, получивший название теории капитала и процента, основанной на «окольном» характере капиталоемкого производства, и именно эта теория вскоре стала служить образцом австрийской экономической теории для иностранных читателей.

Возникла яростная дискуссия (даже с самим Менгером), которой Бем-Баверк упивался до самого конца, исписав больше страниц в защиту этой теории, чем он посвятил собственно ее исходной формулировке. Его замечательные полемические возможности были в дальнейшем продемонстрированы в работе «Конец марксистской системы» (1896), которая остается, — несмотря на ошибочную уверенность автора в том, что Маркс написал три тома «Капитала» в порядковой последовательности, — одной из наиболее сильных атак на марксистскую экономическую теорию из когда-либо предпринятых. Репутация Бем-Баверка на протяжении его жизни была такова, что его даже ставили рядом с Рикардо и Дже-

вонсом, выше таких современников, как Маршалл, но его влияние уменьшалось с течением времени, а его теория капитала и процента, к лучшему или к худшему, пользуется сегодня незначительным вниманием.

Бем-Баверк родился в 1851 году в Вене, столице Австро-Венгерской империи. Он изучал право в Венском университете и получил свое первое место преподавателя в Университете Инсбрука в 1881. Он поступил на государственную службу в 1889 г. и три раза занимал должность министра финансов — в 1895, 1897 и 1900 годах. Он окончательно ушел из министерства в 1904 году и вернулся к научной деятельности в качестве профессора экономики в Венском университете, где и работал до конца своей жизни. Он скончался в 1914 году в возрасте 63 лет.

Не считая ряда ранних небольших работ, его первым важным произведением была книга «Капитал и процент» (1884) — кропотливая классификация более 100 авторов по пяти направлениям теории процента, демонстрирующая, что истинная природа процента ускользнула от них всех. С удивительной регулярностью те авторы, которые были ближе всего к подходу самого Бем-Баверка — Рикардо*, Сениор*, Джевонс* и Менгер*, — получали самую резкую критику с его стороны. Пять лет спустя он опубликовал свою собственную «Позитивную теорию капитала» (1889), написанную в большой спешке и опубликованную без окончательной редакции. Когда он вернулся к академической деятельности в 1904 году, большая дискуссия о его теории процента была в самом разгаре, при этом большая часть критики приходила из Америки. Вместо того чтобы тщательно просмотреть первое издание «Позитивной теории», Бем-Баверк сел за написание ответа каждому из своих главных критиков, просто добавив эти 14 «Критических замечаний» в качестве приложений ко второму (1909) и третьему (1912) изданиям «Позитивной теории».

Теория процента Бем-Баверка проводила четкое различие между происхождением процентных платежей и реальным определением процентной ставки — между, если можно так сказать, вопросами «почему?» и «как?» в отношении процента. Процент возникает из процесса передачи в виде ссуды текущего дохода в обмен на обещание будущего дохода, то есть отдельные члены общества, видимо, готовы заплатить надбавку к текущему доходу за приви-

легию располагать им, как если бы они обладали им в будущем. Вопрос «Почему ставка процента является положительной?» может быть выражен на языке Бем-Баверка следующим образом: «Почему люди готовы предоставить определенное количество благ в настоящем, только если они могут быть уверены, что в будущем они получат обратно большее количество благ данного вида и качества?». Его ответ состоял в том, что существуют три «основания» или причины, по которым люди обычно предпочитают блага в настоящем благам будущим. Первые две причины являются психологическими и могут быть суммированы в известной фразе «позитивные временные предпочтения»: люди имеют обыкновение по разнообразным убедительным причинам переоценивать будущие ресурсы и недооценивать будущие потребности. Третья причина более трудна для понимания: это «техническое превосходство современных товаров над будущими товарами». Под этим он понимал не просто физическую производительность капитальных благ, но также то, что они являются и источником ценности. Инвестирование капитала всегда подразумевает увеличение продолжительности производственного периода, который обычно приносит положительный доход после вычета затрат на создание и поддержание в рабочем состоянии капитальных благ. Но эти чистые доходы от косвенного, «окольного» производства, сами являются убывающими. Таким образом, чем дальше от нас отстоит момент любой инвестиции, тем меньше ее ценность для инвесторов. Короче говоря, считал Бем-Баверк, чистая физическая производительность капитала сама по себе создает надбавку к стоимости благ в настоящем независимо от первых двух оснований для существования позитивных временных предпочтений.

Этот вывод стал причиной большей части разногласий по поводу теории капитала австрийской школы. Большинство критиков ограничивались доводом, что первые две причины процента создают дополнительный спрос на потребительские кредиты, тогда как третья причина создает дополнительный спрос на производственные кредиты, а все три причины в совокупности создают положительную ставку процента. Более того, критики возражали против энергичного отказа Бем-Баверка от того, что его теория процента была просто замаскированной старой теорией процента на основе производительности, предложенной Тюрго*, дополненной теорией процента с позиции временных предпочтений Сени-

ора*. Бем-Баверк всегда настаивал, что земля и труд являются единственными «подлинными», не воспроизводимыми факторами производства, и что капитал является «производительным» или промежуточным фактором, предложение которого строго зависит от земли и труда, затраченных на его производство в прошлом. Иными словами, не капитал, а именно инвестирование земли и труда в капиталистическое «окольное» производство является производительным.

Кроме того, когда Бем-Баверк в последней части «Позитивной теории», наконец, пошел дальше вопроса о том, почему ставка процента обычно положительна, чтобы выяснить, как на самом деле определяется ставка процента, его аргументация неожиданно сводится к старой классической доктрине фонда заработной платы. Экономика состоит из капиталистов и рабочих, и единственным капиталом является оборотный капитал, то есть приобретенные на заработную плату блага вложены в дело, чтобы связать их на время производственного периода. Утверждается, что этот фонд заработной платы является фиксированным по объему в рамках технических условий производства. При ставке процента, равной 0, капиталисты имели бы неопределенный спрос на сегодняшние товары, приобретаемые с помощью заработной платы, чтобы заплатить своим рабочим. Таким образом, ставка процента растет до тех пор, пока весь фонд заработной платы не используется на удлинение среднего периода производства. Следовательно, равновесная ставка процента определяется предельным продуктом самого длинного из принятых производственных периодов.

Контраста между жесткой критикой Бем-Баверком всех остальных теорий процента, тщательным определением вопроса, почему процент должен вообще быть положительным, и окончательной формулировкой довольно слабой теории о том, как в действительности определяется процентная ставка, было достаточно, чтобы разочаровать даже тех, кто первоначально был благожелательно расположен к его аргументации. Виксель* сделал все возможное, чтобы переформулировать теорию процента Бем-Баверка и освободить ее от определенных технических ошибок, но большинство экономистов потеряли к ней интерес, особенно после книги Фишера* «Теория процента» (1907), которая успешно заново сформулировала всю проблему в терминах общего равновесия как взаимодействие между «готовностью» и «возможностью», тем самым

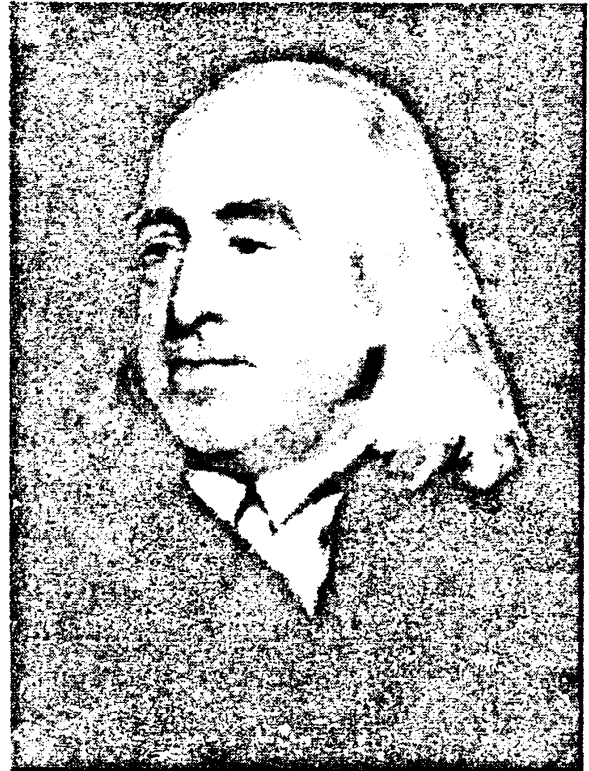
отказавшись от опоры Бем-Баверка на сомнительную концепцию измеряемого «производственного периода».

Литература

J. Schumpeter, *Ten Great Economists from Marx to Keynes* (Oxford University Press, 1951); E. Kauder, *Böhm-Bawerk, Eugen von*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Бентам**Иеремия***Bentham Jeremy*

(1748 — 1832)

Иеремия (Джереми) Бентам является одним из тех экстраординарных эксцентриков, которых всегда порождала интеллектуальная английская среда. Для большинства студентов в области общественных наук он является философом, основателем «утилитаризма» — а именно, веры в то, что каждое отдельное действие может подчиняться «расчетам счастья», количественному сравнению удовольствия и страданий; более того, он считал, что подобные сравнения могут быть суммированы среди отдельных людей в целях оценки общественного действия и каждое общественное действие должно оцениваться в терминах «наибольшего счастья для наибольшего количества людей». К сожалению, никто не может объяснить, как подобного рода грубый анализ затрат и выгод должен осуществляться в каждом отдельном случае, в результате чего подобные «расчеты счастья» стали вскоре упоминаться не иначе как со смехом и издевательским оттенком. Однако сам Бентам никогда не предполагал, что эти расчеты удовольствия и страданий могут быть более чем рабочей гипотезой для судей и законодателей; это был своеобразный призыв к прагматизму занять место доктрины «естественного права», которая главенствовала в дни жизни самого Бентама.

Кроме того, это был всего лишь один из элементов в программе законодательных и правовых реформ Бентама; другим и гораздо более важным элементом были его невероятно подробные схемы улучшения управления судами, тюрьмами, больницами и школами, расписанные вплоть до вида зданий, распорядка работы судей, начальников тюрем, врачей и учителей, и конкретного плана оплаты их труда. Когда он говорил о реформировании законов о бедности, Законов о фабриках или городской полиции, он предлагал точный план для организации новой службы и подробное описание административных шагов, необходимых для реализации предложенной реформы. Другими словами, он был «отцом» того, что сегодня называется общественным правом, а иногда наукой об управлении. Большинство из его идей были изложены на тысячах неопубликованных страниц в целях распространения среди немногочисленной группы его последователей и ключевых фигур, обладающих политическим влиянием. На протяжении своей жизни он действительно печатался очень мало, главным образом это были «Фрагмент о правительстве» (*A Fragment on Government*, 1776), «Введение в принципы морали и законодательства» (*An Introduction to the Principles of Moral and Legislation*, 1780) и «Основы судебного доказательства» (*Rationale of Judicial Evidence*, 1827) под редакцией Джона Стюарта Милля*. Собрание его «Трудов» (*Works*) в 11 томах было опубликовано вскоре после его смерти, но даже оно содержало в себе меньше четверти его совокупного письменного наследия. (Последнее собрание сочинений «Труды и переписка Джереми Бентама» (*Works and Correspondence of Jeremy Bentham*), выпускаемое издательством Oxford University Press, планируется в 36 томах и вполне может стать более объемным). Короче говоря, он был одним из тех мыслителей, чье влияние не зависело от публикаций, а определялось личными связями. И это влияние было неоспоримым: почти все значительные английские административные реформы в гражданском и уголовном законодательстве в первой половине XIX века были реализованы благодаря работе энергичных учеников Бентама.

Среди его учеников были такие хорошо известные экономисты как Рикардо*, Джеймс Милль и Джон Стюарт Милль. Тем не менее, влияние Бентама на экономические идеи трудно оценить. Во время своей жизни он опубликовал несколько высоко эффективных экономических памфлетов, таких как «В защиту ростовщиче-

ства» (*Defense of Usury, 1790*) и «Предложение без границ» (*Supply Without Burthen, 1795*), и ряд своих незавершенных экономических рукописей, ходивших среди друзей и сторонников. Все же его экономические идеи, как и многое другое, были так далеко впереди своего времени или, по меньшей мере, так не в духе того времени, что, несомненно, именно поэтому они оказали такое большое влияние на его сторонников. Например, он показал поразительную осведомленность о проблеме неполного использования ресурсов, и при защите денежной экспансии в целях обеспечения полной занятости он использовал ряд концепций, которые обладают родственным сходством с предложениями Дж.М. Кейнса*, такими как тезаврация, вынужденные сбережения и равенство сбережений и инвестиций. Более того, он постепенно перешел от ранней фазы экстремального следования политике тори — отрицания того, что хотя бы денежный рынок должен регулироваться государством, — к столь же экстремальному следованию политике партии вигов — защите гарантированной занятости, минимальной заработной платы и многочисленных социальных льгот. Наконец, его размышления об измерении полезности, межличностных сравнениях полезности и принципе уменьшающейся предельной полезности, практически неизвестные его современникам, создали стимул для последующих поколений, и в случае с Джевансом* вдохновили его разработать теорию ценности, основанную на полезности.

Бентам получил образование в Вестминстерской школе, Лондон, и Королевском колледже в Оксфорде. После завершения образования в возрасте 18 лет, он читал курс права в Линкольнз-инн, Лондон (инн — школа подготовки барристеров — прим. перев.) Однако он никогда не практиковал как юрист, а воспользовался доходом от наследства, чтобы посвятить свою жизнь реформе английского общего права. Все его экономические работы были написаны за 18 лет — между 1786 и 1804 годами, после чего он все больше обращался к общим вопросам парламентской реформы, продолжая одновременно заниматься специфическими юридическими вопросами, включая написание целых конституций для новых государств в испаноговорящем мире. Он умер в возрасте 84 лет, прожив достаточно долго для того, чтобы увидеть некоторые из своих политических идей получившими воплощение в билле о реформе парламентского представительства 1832 года. Проживи он еще

два года, он мог бы заставить Закон об образовании 1833 г., Фабричный закон 1833 г. и новый Закон о бедности 1834 г. и прибавить их к своим достижениям.

Его завещание содержало большое наследство для Университи-колледжа в Лондоне, института, который он помогал создавать, при условии, что его мумифицированные воском останки постоянно будут выставлены на видном месте. Университи-колледж выполнял это условие больше века. Однако сегодня восковое изображение Бентама выносятся только раз в год.

Литература

W. Stark (ed.), *Jeremy Bentham's Economic Writings*, 3 vol. (Allen & Unwin, 1952); M.P. Mack, *Bentham, Jeremy*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

/

Бернулли**Даниил***Bernoulli Daniel*

(1700 — 1782)

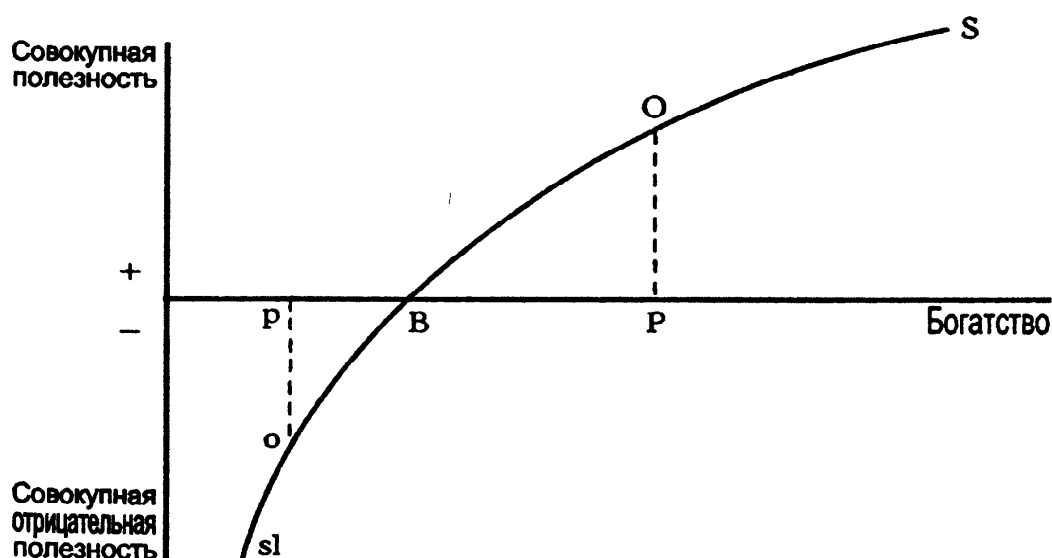

Даниил Бернулли был одним из последних представителей рода Бернулли (всего их было девять), которые внесли фундаментальный вклад в математику, теорию вероятностей и математическую статистику в XVII и XVIII веках. В одной из своих многочисленных работ, опубликованных на латинском языке, «Образец новой теории измерения риска» (*Specimen theoriae novae de mensura sortis*, 1738) он разрешил так называемый *санкт-петербургский парадокс*, в котором ожидаемая ценность выигрыша может быть точно рассчитана, но «честная» азартная игра предполагает бесконечно высокую ставку. Честная игрой называется такая игра, в которой игрок не должен делать ставку, превышающую ожидаемую ценность его выигрыша, то есть денежной величины выигрыша, умноженной на его вероятность. Но в действительности никто не согласится поставить бесконечно большую сумму денег в этой игре и, следовательно, здесь что-то не так. Бернулли разрешил этот парадокс, предположив, что игроки максимизируют не ожидаемое количество денег, а ожидаемую *полезность* этих денег. Более того, допуская, что предельная полезность дохода уменьшается с каждым приращением дохода, он показал, что ожидаемая полезность «честной» игры на самом деле отрицательна: никто не будет платить 1 фунт стерлингов за равные шансы выиграть

или проиграть 2 фунта, поэтому-то игроки всегда настаивают на более крупном выигрыше, чтобы компенсировать риск допустимой потери.

Бернулли писал о проблемах вероятности и совершенно не подозревал, что его аргументация имеет некоторое отношение к экономике. И в самом деле, это было почти за 140 лет до того, как Джевонс* обратил внимание на работу Бернулли как имеющую отношение к закону уменьшающейся предельной полезности дохода, который он открыл самостоятельно. Потребовалось еще 10 лет, чтобы статья была переведена на немецкий язык и еще 60 лет, чтобы она была переведена на английский и к этому времени стала еще одной известной, но долго отрицаемой классикой. Следовательно, лишь в специфическом смысле можно провозгласить Бернулли великим экономистом. Однако его работа 1738 года представляет пример важного принципа истории человеческой мысли: недостаточно иметь хорошую идею, должен обязательно быть интеллектуальный контекст, в который эта идея сможет вписаться; при отсутствии такового, идея обречена на игнорирование.

Статья Бернулли имеет дополнительное значение: она показывает первое использование геометрической диаграммы в рассуждении, которое было впоследствии истолковано как относящееся к сфере экономической науки. Это типичная диаграмма полезности маржиналистов 1870-х годов. Она выглядит следующим образом:

Человеку, располагающему количеством богатства или дохода AB , дается возможность в «справедливой» игре на выигрыш получить дополнительный «кусочек» дохода, BP ; прирост полезности от этого ожидаемого приращения дохода равен PO ; он готов заплатить комиссионные, pB , чтобы сыграть в игру, отрицательная полезность которой, po , равна полезности ожидаемого прироста, PO ; но эти комиссионные pB оказываются меньше, чем ожидаемый прирост, BP , потому что кривая sS выражает отношение между изменением дохода и изменением полезности не прямой линией, а кривой, которая выпукла вверх: *предельная* полезность дохода уменьшается вместе с каждым приращением дохода. Бернулли далее перешел к допущению, что кривая имеет конкретную форму, такую что предельная полезность дохода снижается в том же самом процентном отношении, в котором увеличивается доход, вне зависимости от уровня дохода.

Ранние маржиналисты, и в частности Маршалл*, признавали, что гипотеза убывающей предельной полезности дохода Бернулли предполагает, что рациональный индивид никогда не будет играть со «справедливыми» шансами; широко распространенный феномен приобретения лотерейных билетов с даже меньшими, чем справедливые, шансами, должен, следовательно, быть объяснен «любовью к игре»; короче говоря, в игре на шансы люди не ведут себя так, как если бы они максимизировали ожидаемую полезность дохода.

Другое следствие гипотезы Бернулли состоит в оправдании выравнивания доходов, скажем, за счет прогрессивного налогообложения на том основании, что один фунт, взятый у богатого человека, приводит к меньшей потере полезности для него, чем прирост полезности, который образуется при передаче этой суммы бедному; иными словами, закон убывающей предельной полезности дохода оправдывает выравнивание доходов безо всяких ограничений, по крайней мере, если допустить, что предельная полезность дохода уменьшается одним и тем же темпом для любого человека.

Последователи Маршалла, такие как Эджуорт* и Пигу*, потратили годы, оттачивая теорию прогрессивного налогообложения, основанную на гипотезе Бернулли. Достаточно сказать, что убывающей предельной полезности дохода недостаточно для рационального объяснения прогрессивного налогообложения, то есть, системы, в которой *большой в процентном отношении* налог вводится

для тех, кто получает большие доходы; требуется определенная форма кривой полезности дохода, sS ; в дополнение к этому, необходимое внимание должно быть обращено на расходы, а не только на налоговую составляющую деятельности государства, и, разумеется, у Бернулли нет ничего, чтобы гарантировало бы, что фунт, изъятый у богача, обязательно окажется в конечном итоге в кармане бедняка.

Литература

O. Ore, *Bernoulli Family*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

/

Бернштейн**Эдуард***Bernstein Eduard*

(1850 — 1932)

Эдуард Бернштейн нанес марксизму такой удар, от которого тот, возможно, так полностью и не оправился: личный друг Фридриха Энгельса, *alter ego* Маркса и ведущий теоретик Социал-демократической партии Германии (СДПГ), первой массовой политической партии, опирающейся на марксистскую доктрину, Бернштейн своей книгой «Эволюционный социализм: критика и доказательство» (*Evolutionary Socialism: A Criticism and Affirmation*, 1899) поставил под вопрос сами основы видения социализма Марксом.

Пораженный растущими несоответствиями между марксистской доктриной и экономическим развитием Западной Европы, он использовал статистические данные, чтобы показать, как капитализм скорее дифференцирует, чем поляризует общественные классы, а затем перешел от этого разоблачения отдельных предсказаний Маркса к атаке на всю теорию экономического детерминизма, взлелеянную в марксистской философии истории.

Измена Бернштейна была быстро осуждена Карлом Каутским (1854–1938), редактором теоретического журнала СДП *Die Neue Zeit*; Бернштейн ему ответил, Каутский сноваотреагировал, и война с ревизионизмом началась. СДП официально осудила взгляды Бернштейна на своем ежегодном партийном съезде в 1903 г., но

гниль уже появилась: с тех пор СДП постоянно раздиралась на части смертельной «раковой опухолью» ревизионизма.

Бернштейн родился в Берлине в 1850 году и оставил школу в возрасте 16 лет, чтобы работать сначала учеником, затем банковским служащим. Он вступил в СДП вскоре после своего двадцатилетия и начал карьеру в партийной журналистике. Когда Бисмарк запретил социалистические издания в 1878 году, Бернштейн был вынужден уехать за рубеж, сначала в Швейцарию, а затем в Англию. В Лондоне он познакомился с Энгельсом и всеми видными представителями нового Фабианского общества (основанного в 1883 году), продолжая писать для немецких газет и журналов. Законы против социализма в Германии были отменены в 1890 году, но Бернштейн получил разрешение вернуться в Германию лишь в 1901 г., через два года после публикации «Эволюционного социализма». После своего возвращения в Германию он дополнил свою более раннюю книгу еще одной, «Возможен ли научный социализм?» (*Wie ist wissenschaftlicher Socialismus möglich?; How is Scientific Socialism Possible?*, 1901), которая стала, возможно, еще более популярной в немецко-говорящих странах, чем «Эволюционный социализм». В ней он полностью порвал с марксистской догмой о неизбежности прихода социализма и доказывал это целиком из этических оснований: социализм не является предопределенным, но все же должен одержать верх над капитализмом как более высокая стадия развития человеческого общества.

СДП выжила в период нацизма и снова появилась на поверхности в качестве основной немецкой политической партии после Второй мировой войны. В 1959 году она приняла так называемый Бад-Гёдесбергский манифест принципов, отрекаясь от проводившейся долгое время пропаганды марксизма, но все же провозглашая себя сторонницей социализма через ящик для голосования. Другими словами, через 60 лет СДП наконец-то признала идеи Эдуарда Бернштейна.

Литература

P. Gay, *The Dilemma of Democratic Socialism: Eduard Bernstein's Challenge to Marx* (Collier Books, 1962); C. Gueuss, *Bernstein, Eduard*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Борткевич
Владислав Иосифович
Bortkiewicz
Ladislaus von
(1868 — 1931)

Владислав Иосифович Борткевич был математическим статистиком, который внес определенный вклад в теорию вероятностей, теорию малых выборок и статистическую интерпретацию радиоактивности. Он также был представителем математической экономики, который опубликовал ряд критических статей в первом десятилетии XX века, все из которых оставили след в данной дисциплине: например, статья «Доктрина предельной полезности как основа ультра-либеральной экономической политики» (*The Marginal Utility Doctrine as the Basis of an Ultra-Liberal Economic Policy*, 1902) — на вид обзор «Курса политической экономии» Парето (*Cours d'économie politique*, 1896–97), а по сути резкая критика способа, который Вальрас* и молодой Парето* использовали в теории общего равновесия, чтобы поддержать «доктрину максимального удовлетворения» (мнение о том, что свободная конкуренция максимизирует сумму удовлетворения отдельных индивидов); и столь же критичный обзор «Теории размещения производства» Альфреда Вебера (*Theory of the Location of Industries*, 1909), который выявил многие из ошибок Вебера* в графическом представлении пространственного размещения производства. Но эти и другие статьи мало что значат по сравнению с двумя статьями, которые Борткевич опубликовал по проблемам марксистской эконо-

мической теории, двумя единственными из всех его многочисленных работ, которые были переведены на английский: «Ценность и цена в марксистской системе» (*Value and Price in the Marxian System*, 1906–07) и «К вопросу о поправке фундаментальной теоретической конструкции Маркса в третьем томе “Капитала”» (*On the Correction in Marx's Fundamental Theoretical Construction in the Third Volume of Capital*, 1907).

Трудно вообразить более сильный контраст, чем между тоном этих статей и, скажем, книгой вроде работы Бем-Баверка* «Конец марксистской системы» (*The Close of Marxian System*, 1896). Намерение Бем-Баверка состояло в том, чтобы оценить экономические идеи Маркса в целом и показать их несостоятельность. Однако, цель статей Борткевича заключалась в том, чтобы ухватиться за интересную проблему у Маркса, которую тот не смог решить, но которую он, Борткевич, считал вполне разрешимой. Что это подразумевало для всей марксистской системы как целого — он оставил решать другим. Единственное проявление гнева в этих эссе заметно тогда, когда он обнаруживает, что Маркс несправедлив по отношению к Рикардо, поскольку Рикардо был кумиром Борткевича (если он вообще имел каких-то кумиров).

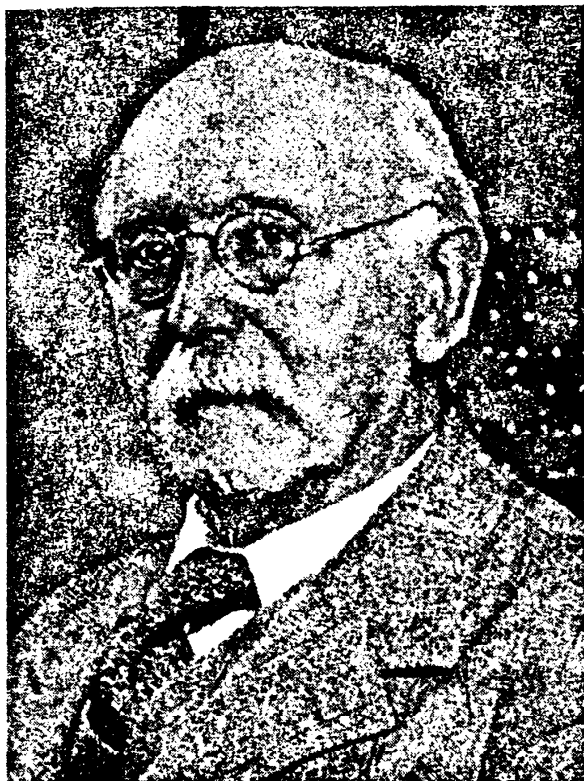
Бем-Баверк обнаружил «великое противоречие» между первым и третьим томами «Капитала» Маркса: в первом томе ценность товаров определяется рабочим временем, необходимым для их производства, а в третьем томе реальные цены определяются затратами их производства плюс средняя норма прибыли на инвестированный капитал. Маркс считал, что возможно «трансформировать» ценность в цены так, чтобы сохранить трудовую теорию ценности и с ее помощью трудовую теорию прибыли как «дополнительной ценности, созданной исключительно трудом». Бем-Баверк отвергал аргументацию Маркса как отход от чистой трудовой теории ценности, но без углубления в технические трудности «трансформационной проблемы» у Маркса. Однако, Борткевич заметил, что Маркс допустил серьезную ошибку при трансформации ценностей в цены: он выражал объем выпуска в ценах, но продолжал рассматривать затраты в терминах трудовой ценности. Затем Борткевич показал, что если вся экономика разделена на три сектора, то фактически можно трансформировать ценность как выпуска, так и факторов производства в цены, тем самым оправдав Маркса, опираясь на чисто логические основания.

Маркс умер в 1883 году. Статья Борткевича появилась в 1906–07 гг. Таким образом, на протяжении 24 лет марксисты не сумели заметить фундаментальную непоследовательность в собственной схеме Маркса, что дает весьма хороший пример состояния марксистской экономической мысли на переломе веков. Даже после публикации двух статей Борткевича, его доводы в основном игнорировались в марксистских кругах, и даже информация об этих статьях исчезла, пока они не были открыты Полом Суизи (р. 1910) в его «Теории капиталистического развития» (*Theory of Capitalist Development*, 1942). С тех пор доказательство Борткевичем логической последовательности трансформационной проблемы у Маркса было расширено с трех секторов до n секторов; короче говоря, математически возможно перевести трудовые ценности в обыкновенные цены. Что это доказывает в смысле обоснованности марксистской системы — это, разумеется, совсем другой вопрос.

Борткевич родился в Санкт-Петербурге в 1868 году и учился в Санкт-Петербургском университете, который окончил в 1890 году. Его первая статья по проблемам демографии была опубликована на русском, но после его переезда в Германию для получения докторской степени в Геттингенском университете под руководством Вильгельма Лексиса (1837–1914), от которого он, вероятно, и заразился интересом к Марксу, все его дальнейшие работы были на немецком языке. После краткого пребывания в Петербурге он устроился в Берлинский университет в 1901 году, где продолжал работать 30 лет, став профессором экономики и статистики в 1920 году. После 1910 года он мало писал по экономике, но активно работал в области статистики до самой своей смерти в 1931 г.

Литература

J.A. Schumpeter, *Ladislaus von Bortkewicz: 1868–1931*, Ten Great Economists from Marx to Keynes (Oxford University Press, 1951); E.J. Gumbel, *Bortkewicz, Ladislaus von*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Боули
Артур Лион
Bowley Arthur Lyon
(1869 — 1957)

Артур Боули начинал свою карьеру как математик, но впоследствии обратился к экономической науке вследствие ее значимости для социальной реформы, которой он был страстно увлечен. Его ранняя работа по истории заработной платы и цен в Англии привела его от прикладной статистики к теоретической статистике и, в частности, к проблеме определения выборки при проведении социологических исследований. Он опубликовал первый английский учебник по статистике, первый английский учебник по математической экономике, и в соавторстве предпринял первую попытку в те времена оценить национальный доход Англии. Он вошел в историю как открыватель закона Боули — так называли постулат о предполагаемом постоянстве доли заработной платы в национальном доходе. Как это часто бывает в случае задачи подобных ярлыков, в его работах нет никакого свидетельства о том, что относительная доля труда имеет тенденцию сохранять постоянное значение на протяжении длительного промежутка времени; его единственная связь с данной идеей состоит в том, что он одним из первых попытался измерить долю заработной платы в национальном доходе.

Боули родился в Бристоле в 1869 году в семье викария и учительницы. Его отец умер, когда Боули был еще подростком, и он

получил образование в религиозной школе-интернате. Он поступил в Тринити колледж в Кембридже, чтобы изучать математику, и получил степень бакалавра в 1891 г. По совету Маршалла он участвовал и победил в конкурсе на приз Кобдена за лучшее эссе в 1892 году с работой «Английская внешняя торговля в XIX веке» (*England's Foreign Trade in the Nineteenth Century*, 1893), которая стала его первой публикацией. За этим последовал приз Адама Смита в 1894 году за эссе «Изменения среднего уровня заработной платы в Соединенном Королевстве в период 1860–91 гг.» (*Changes in Average Wages in the United Kingdom Between 1860 and 1891*). Эта работа заложила основу для длинной серии статей, написанных частично в соавторстве с Г.Х. Вудом, которые собрали воедино мельчайшие подробности большого количества отдельных временных рядов из показателей заработной платы и доходов в британской промышленности, взятых с начала XVIII века. Некоторые из этих эссе были в конечном итоге собраны вместе в книге Боули «Заработная плата и доходы в Великобритании с 1860 года» (*Wages and Income in the United Kingdom Since 1860*, 1900) и дополнены статьями по истории заработной платы во Франции и в США. Это был тот банк данных, который спустя годы использовал А.У. Филлипс (1914–75) в 1958 г., когда рассчитывал так называемую кривую Филлипса, соотносящую изменения денежной заработной платы и уровень безработицы.

На протяжении 1890-х годов Боули преподавал математику в разных школах на юге Англии, а после 1895 года также преподавал статистику на вечернем отделении в только что открывшейся Лондонской школе экономики. В 1900 г. он был принят лектором по математике в Университи-колледж в Ридинге, где он стал профессором математики и экономики в 1907, продолжая по совместительству занимать должность в ЛШЭ. Только в 1919 году он был назначен первым заведующим кафедрой статистики [отделения] общественных наук в ЛШЭ и таким образом стал штатным сотрудником Школы. Он оставался в Школе до ухода на пенсию в 1936 году.

Его «Основы статистики» (*Elements of Statistics*) появились в 1901 г. и постоянно изменялись в последующих шести изданиях, последнее из которых было опубликовано в 1937 году. Не менее успешным оказалось «Элементарное руководство по статистике» (*A Elementary Manual of Statistics*, 1910), которое выдержало семь

изданий на протяжении последующих 40 лет. В 1915 году он и А.Р. Бернетт-Херст опубликовали результаты выборочных опросов в пяти английских городах под заголовком «Средства к существованию и бедность: исследование экономических условий жизни семей рабочих» (*Livelihood and Poverty: A Study in the Economic Conditions of Working-class Household*), где использовался и обосновывался метод «кластерной выборки». Он снова исследовал эти пять городов 10 лет спустя в работе «Уменьшилась ли бедность?» (*Has Poverty Diminished?*, 1925) и на этот раз уделил должное внимание измерению ошибок выборки, которое он только упомянул в первой книге.

Его книга «Математические основы экономики» (*Mathematical Groundwork of Economics*, 1924) была поворотным пунктом в попытке «свести к единой терминологии и представить в качестве надлежащим образом согласованного целого основную часть математических методов, использованных Курно, Джевансом, Парето, Эджуортом, Маршаллом, Пигу и Джонсоном». Это также была веха в истории попыток демонстрации использования математики в анализе всего ряда рыночных структур, начиная от совершенной конкуренции на одном конце до монополии на другом. Эта работа широко обсуждалась такими фигурами как Эджуорт* и Виксель*. Виксель представил длинный перечень типографских ошибок в книге, которые, как он надеялся, будут устранены во втором издании.

Однако книга продавалась настолько плохо, что ее второе издание никогда не было опубликовано. Следовательно, эта книга в том виде, в котором она существует, хотя и изобилует ошибками, все же представляет собой блистательное собрание достижений двух поколений экономистов-математиков, и она не была превзойдена вплоть до публикации классического учебника Р.Г.Д. Аллена «Математический анализ для экономистов» (*Mathematical Analysis for Economists*, 1938). Одно из важных привлекательных свойств книги Боули обнаруживается, если посмотреть, что включено в нее, а что отброшено: так, к примеру, нет никакого упоминания о Слуцком* и, соответственно, о разнице между эффектом дохода и эффектом замещения, и имеется только замаскированная ссылка на оптимальность по Парето и теорему о том, что равновесие в условиях совершенной конкуренции является Парето-оптимальным.

Другой важной задачей, за которую впервые взялся Боули, была оценка национального дохода. После нескольких ранних статей по данному вопросу он совместно с Джошиа Стампом (1880–1941) опубликовал работу «Национальный доход в 1924 году» (*The National Income 1924, 1927*). Эта книга, помимо введения термина, если не понятия «трансфертных платежей», содержала поразительно современное обсуждение основополагающего разделения между оценками национального дохода на основе затрат на факторы производства и по рыночным ценам. Эта книга подтолкнула к первым официальным оценкам британского национального дохода в период Второй мировой войны. Продолжающийся интерес Боули к проблеме подсчета национального дохода отразился в работах «Три исследования национального дохода». (*Three Studies on the National Income, 1938*) и «Исследования по проблеме национального дохода: 1924–38» (*Studies in the National Income: 1924–1938, 1942*), редактором которой он был. В 1935 году он сотрудничал с Р.Г.Д. Алленом при написании другой первопроходческой книги «Семейные расходы» (*Family Expenditure*), которая исследовала различные взаимосвязи доходов и расходов, или кривые Энгеля, ввела «шкалы эквивалентности взрослым» и в целом заложила основы для всех дальнейших эконометрических исследований по вопросам потребительского поведения домашних хозяйств.

За исключением этой последней книги, большая часть остальной работы Боули в области статистики на протяжении его долгой и плодотворной карьеры не была связана с проверкой экономических гипотез посредством доступных статистических данных, а, скорее, со сбором и обработкой статистической информации для собственно статистических задач или для проверки выводов экономической теории. Иными словами, задача статистика, в том смысле, как ее понимал Боули, состояла в том, чтобы помогать экономической теории, а не ставить ее под сомнение. Его отношение к этому контрастировало с отношением Генри Мора* и Уэсли Митчелла*, работавшими в Соединенных Штатах в то же самое время: Мор и Митчелл уже занимались эконометрикой, то есть проверкой экономических теорий, за годы до того, как сам этот термин вошел в моду.

Боули продолжал деятельность в области статистики практически до того, как разменял седьмой десяток. В 1940 году его пригласили прервать жизнь пенсионера, чтобы стать действитель-

ным директором Оксфордского института статистики, откуда он вторично ушел на пенсию в 1944 году. Он умер в 1957 году в возрасте 88 лет.

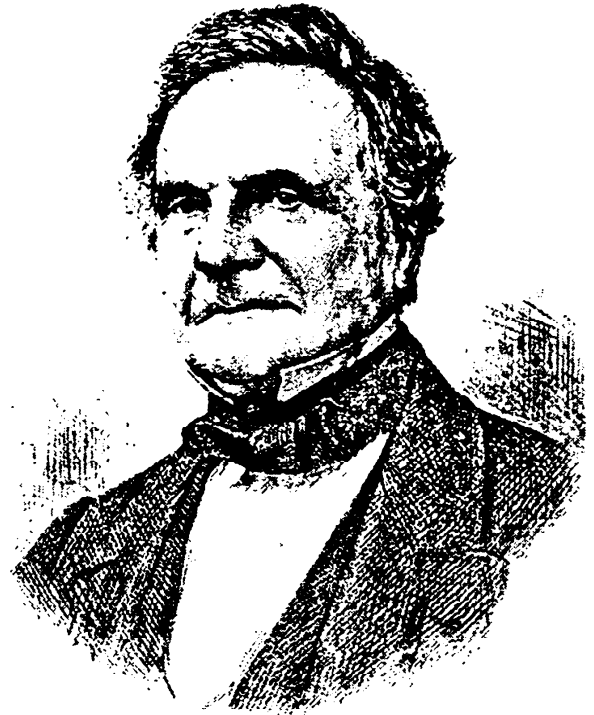
Литература

R.G.D. Allen, *Bowley, Arthur Lyon*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); A. Darnell, *A.L. Bowley*, Pioneers of Modern Economics in Britain, D.P. O'Brien and J.R. Presley (eds.) (Macmillan, 1981).

/

Бэббедж**Чарльз***Babbage Charles*

(1792 — 1871)

Чарльз Бэббедж, профессор математики Кембриджского университета в 1828–39 гг., изобрел «вычислительное устройство», машину для решения дифференциальных уравнений и выдачи результатов прямо в печатном виде. Пока она строилась на средства из парламентской субсидии, он бросил ее ради «аналитического устройства», другой машины, в которую была встроена память, что делало возможным программирование дальнейших расчетов. Хотя он так и не добился успеха в создании окончательного варианта подобной машины, он все-таки описал весьма детальные спецификации для ее постройки. Следовательно, он справедливо может считаться «отцом» современного компьютера. Однако, не это дает ему право на место в данной книге. Когда он работал над тем, чтобы превратить свои чертежи в работающую машину, он совершал поездку по фабрикам Англии и континентальной Европы, чтобы больше узнать о практических проблемах производства деталей механизмов. Это нашло отражение в его самой популярной книге «Об экономике машин и фабричного производства» (*On the Economy of Machinery and Manufacturers*, 1832), беспрецедентном научном труде, который мы сегодня назвали бы функциональным исследованием, представляющим гибрид из работ по производственному инжинирингу и науке управления.

Эта книга оказала глубокое влияние на Джона Стюарта Милля* и позднее на Карла Маркса*, которые ее неоднократно цитировали, брали из нее множество примеров. Именно она ответственна за повышенное внимание Милля к проблемам, возникающим в условиях конкуренции вследствие экономии на масштабах производства и находящим свое отражение в росте размера фирм. Вероятно, что вместе с работой Рэ* «Некоторые новые принципы относительно предмета политической экономии» (*Some New Principles on the Subject of Political Economy*, 1834) эта книга повлияла на рассмотрение им вопроса о разделении труда, которое представляло собой значительное продвижение вперед по сравнению с трактовкой данной темы Адамом Смитом*, закладывая начало анализа тех условий, которые требуются для быстрого технического прогресса. Бэббедж подтолкнул Милля принять более позитивное отношение к акционерным компаниям, основанным на принципе ограниченной ответственности, в отличие от Смита и других экономистов-классиков. Воздействие книги Бэббеджа также четко прослеживается в третьем томе «Капитала» Маркса, где тот углубляется в вопросы технологии, которая, по его мнению, все в большей степени характеризует капиталистическую систему.

Бэббедж родился в 1792 году и был сыном процветающего банкира из Девоншира. Он получил образование в Кембриджском университете, где зародилась дружба на всю жизнь с Джоном Гершелем, позднее ставшим королевским астрономом. Будучи еще студентами, он и Гершель начали переводить с французского работы по математике, и позднее, после окончания Кембриджа в 1817 году, Бэббедж продолжал писать работы на разные математические темы. Многие его работы посвящены естественным наукам. В другой известной книге, «Замечания об упадке науки в Англии» (*Reflections on the Decline of Science in England*, 1830), он критиковал пренебрежение к науке в британских университетах и призывал к государственной поддержке ученых. Его книга имела непосредственное отношение к основанию Британской Ассоциации по развитию науки, которое состоялось на следующий год.

Литература

P. Morrison and E. Morrison, *Babbage, Charles*, International Encyclopedia of the Social Science. — Vol. 1 — Ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Милль Дж.С. Основы политической экономии: В 3-х тт. / Пер. с англ. — М., Прогресс, 1980–81. — (Экономическая мысль Запада). — Т.1, Книга 1, Гл. 7–8 и Т. 3, книга 4, глава 7. § 5.

Дункан Джек У. Основопологающие идеи в менеджменте. Уроки основоположников менеджмента и управленческой практики / Пер. с англ. — М.: Дело, 1996. — Глава 1.

Бэдджот

Уолтер

Bagehot Walter

(1826 — 1877)

Уолтер Бэдджот — это имя, известное всем экономистам, занимающимся денежной теорией, и всем историкам экономической мысли: «Ломбард-стрит: описание денежного рынка» (*Lombard Street: A Description of the Money Market*, 1873) — должно быть, наиболее часто цитируемая книга во всей литературе, относящейся к банковской деятельности, а его два эссе «Постулаты английской политической экономии» (*The Postulates of English Political Economy*, 1876) рассматривались как достаточно важные самим Маршаллом, который заново опубликовал их в 1885 году с собственным предисловием. Чтение книги «Ломбард-стрит» в наши дни, скорее всего, вызовет чувство некоторого разочарования: теория центрального банка Бэдджота с ее фундаментальным различием между противоположными мерами, требующимися для того, чтобы справиться с внутренним и внешним потоками средств — беспроцентное кредитование под надежные коммерческие векселя, чтобы обеспечить внутренние платежи, но та же самая операция по высоким процентным ставкам для расчетов по внешним потокам, — слишком знакома, чтобы вызвать наш интерес. Даже его чрезвычайно привлекательный иронический стиль вскоре начинает надоедать, когда становится понятно, что ему не удастся придерживаться какой бы то ни было абстрактной аргументации

на протяжении более чем нескольких предложений подряд. Единственная глава, которая все еще может привлечь современного читателя, — это глава шестая: «Почему Ломбард-стрит иногда очень сонная, а иногда чрезвычайно оживлена», с ее упором на мультипликативный процесс, психологической теорией торговых циклов, опирающейся на движущую силу сельскохозяйственных урожаев, и изобилием фраз типа «превышение сбережений над инвестициями». Фактически, Бэджгот последовательно проводит различие между планируемыми сбережениями и планируемыми инвестициями и, как представляется, прекрасно знает об их частичной независимости. Но, вероятно, не следует оценивать «Ломбард-стрит» как профессиональную монографию о деньгах и банковском деле. Бэджгот адресовал эту книгу бизнесменам викторианской эпохи и для них объединил то, что в то время считалось двумя непримиримыми идеями: концепцию учреждения центрального банка и философию свободного рынка (*laissez-faire*).

Фрагментарные и незавершенные работы Бэджгота по истории экономической мысли (он намечал трактат, для завершения которого ему не хватило бы жизни) должны быть оценены с иных позиций. Они *были рассчитаны* на профессиональных экономистов. Его деятельность не так-то просто классифицировать, но он мог бы быть справедливо охарактеризован как английский экономист-историк — вместе с Клиффом Лесли*, Джоном Ингрэмом (1823–1907), Арнольдом Тойнби (1852–83) и Торольдом Роджерсом (1823–90) — с нетипичным интересом к вопросам социальной психологии. Его «Постулаты английской политической экономики» открыли продолжающийся вот уже 100 лет поиск полного списка всех допущений, на которых основывалась дедуктивная структура рикардianской экономики. Недвусмысленное описание Бэджготом английской классической экономической науки как достоверного, но исторически обусловленного анализа расцвета капитализма — буржуазной части анализа, которую Маркс мог читать, но никогда не признавал, — до сих пор сохраняет убедительность, но за исключением этого многие из его оценок «четырех великих мужей» данной науки (Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Джона Стюарта Милля) были короткими или банальными. Что поражает в этом и других экономических эссе, так это частота, с которой он выражает ужас перед отсутствием общественного интереса к экономической науке: «Она практически мертва в об-

пественном сознании. Она не только не возбуждает того же интереса, который был в прошлом, но к ней уже нет и прежнего доверия». Ремарки, подобные этой, полностью отражают суть английских экономических дебатов 1870-х — этого критического десятилетия, когда Джевонс* постарался свергнуть «власть мистера Милля».

Опубликованные экономические работы Бэджгота были лишь частью его огромного литературного наследия, которое включало в себя две книги по политической философии — «Английская Конституция» (*The English Constitution*, 1867) и «Физика и политика» (*Physics and Politics*, 1872) и десятки исторических литературных эссе. Как редактор журнала *The Economist* (с 1861-го и до своей смерти в 1877 году) он написал 106 неподписанных статей по бесчисленному множеству денежных и финансовых вопросов как на родине, так и за границей. Он родился в 1826 году в Сомерсете, был сыном известного униатского банкира. Поступил в Университи-колледж в Лондоне в возрасте 16 лет и получил степень бакалавра в 1846 году, за которой последовала в 1848 году степень магистра. Он последовательно изучал право, но никогда не практиковал. Присоединившись к бизнесу отца, он женился на дочери Джеймса Уилсона, основателя и редактора влиятельного финансового еженедельника *The Economist*, учрежденного в 1838 году в целях оказания поддержки движению в пользу свободной торговли. После смерти Уилсона Бэджгот принял обязанности редактора на себя. Он искал политической карьеры, но потерпел неудачу в четырех представившихся случаях быть выдвинутым или выбранным на место в парламенте. Однако он часто давал советы министрам, и Гладстон однажды отрекомендовал его как «своего рода запасного канцлера казначейства».

Литература

H.S. Gordon, *Bagehot, Walter*, International Encyclopedia of the Social Science. — Vol. 1. — Ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); R.S. Sayers, *Bagehot as an Economist*, The Collected Works of Walter Bagehot/ — Vol. 9. — Ed. N.St. John-Stevas (*The Economist*, 1978).

Вальрас**Леон***Walras Léon*

(1834 — 1910)

«Теория политической экономии» (*Theory of Political Economy*, 1871) Джевонса не была благосклонно принята при своем появлении, но была прочитана. «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*, 1871) Менгера были как прочитаны, так и хорошо приняты, по крайней мере, у него на родине. Однако, состоящие из двух частей «Элементы чистой экономической теории» (*Elements of Pure Economics*, 1844–77) Вальраса чудовищным образом нигде не замечали, несмотря на его неустанные попытки обратить на эту работу внимание публики. Отчасти это было связано с тем, что он поставил себе задачу, которая выходила за пределы того, к чему стремились Джевонс и Менгер, одновременно с ним открывшие теорию предельной полезности, а именно, вывести и решить первую модель общего равновесия на всех рынках, состоящую из множества уравнений. Кроме того, Вальрас пошел дальше Джевонса в плане использования математического способа представления, и этого было достаточно для того, чтобы отпугнуть большинство современных ему читателей. Однако теперь, в то время как Джевонс и Менгер рассматриваются как исторические достопримечательности — авторы, которых редко читают ради них самих, — посмертная оценка грандиозных достижений Вальраса начиная с 1930-х гг. настолько возросла, что в на-

стоящее время он, возможно, является самым читаемым экономистом XIX века после Рикардо и Маркса, в особенности после перевода его «Элементов» на английский язык в 1954 г.

Вальрас родился в 1834 г. в Эвре, провинциальном городке в Нормандии, Франция, в семье экономиста Огюста Вальраса, от которого он позаимствовал не только отправную точку своих исследований — принцип максимизации полезности как ключ для открытия всех дверей экономической теории, — но также и взгляды на социальные проблемы, такие как национализация земли и радикальная реформа налоговой системы. Он закончил Парижский университет, сначала в 1851 г. получив диплом в области литературы, а затем в 1853 г. — в области естественных наук. После неудачной попытки обучения инженерному делу в Горном институте Парижа, он пробовал себя в журналистике и чтении лекций, опубликовал любовный роман, работал клерком в железнодорожной компании и управлял банком, обслуживающим сельскохозяйственные кооперативы. В 1870 г., в возрасте 36 лет, он был избран минимальным количеством голосов на вновь созданный пост профессора политической экономии в Университете Лозанны, на котором он оставался в течение более 20 лет. Он уже опубликовал две книги по социальной философии и до этого уже разделил труд своей жизни на чистую, прикладную и социальную или нормативную экономическую теорию. Однако, когда он получил место в Лозанне, он сконцентрировался на чистой экономической теории и стал изучать высшую математику. Фактически, он так и не смог создать систематический трактат по прикладной и социальной экономике, который он ранее предусматривал, и должен был удовлетвориться опубликованием сборника очерков по этим предметам. Основные усилия были направлены им на совершенствование последующих изданий его «Элементов» (1889, 1896, 1900), каждое из которых добавляло огромный кусок к первому изданию, а также на обширную и почти ежедневную переписку с буквально сотнями экономистов по всему миру.

Представленный Вальрасом последовательный анализ общего равновесия выстраивается шаг за шагом в процессе постепенного убывания абстракции, начиная со случая двух сторон и бартерного обмена двумя товарами и заканчивая многосторонним обменом многими товарами при данных запасах благ, производством и рынками производственных услуг, сбережением и формированием

капитала и, наконец, использованием денег и кредита. В своем анализе двухтоварного бартера он использовал ту же формулу распределения дохода потребителей, которой пользовался Джевонс, т.е. предполагающую, что в состоянии равновесия отношение предельных полезностей для каждого из двух товаров должно быть у каждой стороны равным отношению их цен, но, в отличие от Джевонса, далее он применил ее для строгого выведения убывающих функций спроса на товары. Его процедура для всех случаев многотоварного обмена состояла в том, чтобы записать абстрактные уравнения спроса и предложения на основе допущения совершенной конкуренции, совершенной мобильности факторов производства и совершенной гибкости цен, и затем «доказать» существование решения общего равновесия для этой системы уравнений путем подсчета количества уравнений и неизвестных; если эти количества были равны, он заключал, что решение общего равновесия, по меньшей мере, возможно. За этой строго статической картиной определения равновесия следовало квазиреалистическое объяснение того, как конкурентный механизм в реальности мог бы обеспечивать такое равновесие. Он назвал автоматические корректировки цен в ответ на избыточный спрос или предложение *нащупыванием* (*tatonnement*), т.е. поиском методом проб и ошибок при отсутствии центрального руководства. К сожалению, он постоянно изменял свое объяснение *нащупывания* в последующих изданиях «Элементов», или даже скорее в своей теории обмена он дал одно объяснение, а в теории производства — другое, из-за чего в наше время стало принято считать, что он так и не дал никакого убедительного описания того, как конкуренция фактически приводит к решению общего равновесия на многих рынках для всех цен как на товары, так и на производственные услуги.

В первом издании «Элементов» его теория производства основывается на допущении, что производство характеризуется постоянными техническими коэффициентами, исключая замещение факторов. И только в третьем издании 1896 г., возможно благодаря подсказке его итальянского ученика Бароне*, он представил анализ того, как определяются сами эти коэффициенты в форме законченной теории распределения, основанной на предельной производительности. Подобным образом, в четвертом издании (1900) «Элементов» он предложил теорию сбережения на основе полезности и трактовку проблемы ценообразования на капитал-

ные блага. Также в своей работе «Теория денег» (*Theorie de la monnaie*, 1886) он развил теорию ценности денег посредством формального анализа максимизации полезности, прежде использованного им применительно к потреблению.

Идеи Вальраса до сих пор продолжают вызывать споры. Некоторые обвиняли его в бесплодном формализме, которому больше свойственна забота об элегантной форме экономической теории, чем о ее реальном содержании. Другие утверждали, что, какова бы ни была ценность его работ в то время, их влияние способствовало пустой математизации экономической науки в ущерб ее значимости для решения практических проблем. Однако были и такие, кто выражал безграничное восхищение как его проницательностью, так и его достижениями. Как однажды сказал Шумпетер: «если говорить о чистой теории, Вальрас, по моему мнению, является величайшим из всех экономистов. Его система экономического равновесия, объединяя элементы «революционного» новаторства с качеством классического синтеза, представляет собой единственную работу экономиста, которая выдерживает сравнение с достижениями теоретической физики».

Литература

W. Jaffé, *Walras, Léon*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); *Jaffé's Essays on Walras*, ed. A.D. Walker (Cambridge University Press, 1983).

Вебер

Альфред

Weber Alfred

(1868 — 1958)

Альфред Вебер, брат более известного социолога Макса Вебера, сделал единственный вклад в экономическую теорию в своей книге «Теория размещения производства» (*Theory of the Location of Industries*, 1909), но это такой вклад, который до сих пор оказывает влияние на литературу, посвященную размещению производства в пространстве. Задолго до Вебера Тюнен* и Лаунхардт* создали теорию размещения экономической деятельности в качестве самостоятельной области экономической теории. Тем не менее, книгу Вебера нужно рассматривать как первый успешный трактат по теории размещения в смысле инспирирования устойчивого интереса и продолжающихся исследований в области теории размещения производства как специализированной области экономической науки. Размышления Вебера относительно производственного использования территории были во многих аспектах предвосхищены Лаунхардтом, но он пошел дальше Лаунхардта, дополнив анализ дифференциальными трудовыми затратами и дифференциальными транспортными затратами и введя «экономии на агломерации», т.е. сокращение удельных затрат исключительно благодаря сосредоточению или агломерации заводов на соседних территориях. Даже при обращении с классической «проблемой трех точек» в теории размещения экономической деятельно-

сти (оптимальное размещение промышленного завода, использующего сырье, находящееся в двух разных местах, и обслуживающего рынок, расположенный в третьем месте) Вебер разработал более простую и более общую графическую технику анализа таких проблем по сравнению с тем, что удалось изобрести Лаунхардту.

Полностью воспроизводя стиль мышления Тюнена, Вебер считал свой анализ чистой теорией размещения экономической деятельности, независимой от топографии, климата, транспортных технологий, качества управления и т.д., почти всецело сосредотачиваясь на влиянии транспортных затрат как линейных функций от расстояния и на весе перевозимых товаров. Он предположил, что каждый промышленный завод выпускает только один заданный товар при фиксированном соотношении ресурсов, и попытался определить для таких заводов оптимальное географическое размещение, единственным критерием оптимальности которого была бы минимизация суммарных затрат на перевозку всех ресурсов и продуктов. Вебер акцентировал внимание на вопросе о том, входит ли сырье в готовую продукцию всем своим весом или, как в случае с железной рудой при выплавке стали, оно теряет весь свой вес или его часть в процессе сжигания или применения других способов очистки. Когда производственный процесс создает дополнительный вес, размещение завода приближается к точке потребления. С другой стороны, когда вес теряется, завод располагается ближе к месторождениям сырья. Однако, он все же принимал во внимание случаи, когда размещение заводов отклоняется от соответствующих путей сообщений по причине того, что разница в трудозатратах превосходит разницу в транспортных затратах. Кроме переменных трудозатрат, существует компенсирующая экономия на агломерации в форме усовершенствования рынков сбыта, большей близости к вспомогательным отраслям и доступа к существующим источникам рабочей силы, которая создает тенденцию к сосредоточению заводов в крупных городах. Все эти элементы выражены посредством нескольких цифровых коэффициентов и графически представлены с помощью так называемых «изодапан» (линий равных приращений в затратах транспортировки факторов производства и выпускаемой продукции).

Критика в адрес Вебера стала шаблонной основой комментариев по истории экономической теории использования пространства. Его постоянно обвиняют в пренебрежении спросом; в кон-

центрации внимания на неинтересном случае производителей и потребителей, сосредоточившихся в единственной точке, вместо того, чтобы постоянно рассеиваться по всему экономическому пространству; в использовании транспортных функций, представляющих только линейную зависимость от веса и расстояния, как если бы речь шла о прямых авиамаршрутах, и, в целом, за пренебрежение вопросом о размещении производства в инженерном, а не в экономическом контексте, т.е. в терминах физических характеристик сырья и производственных процессов, а не цен и коэффициентов замещения. Вебер так и не ответил ни на один из пунктов этой критики, но в течение почти двадцати лет множество его учеников продолжали использовать его идеи в изучении размещения конкретных отраслей немецкой промышленности. Сам Вебер обратился к совершенно другому методу теории размещения экономической деятельности, едва затронутому в последней главе «Теории размещения производства» и в большей степени связанному с историческими и эволюционными предрассудками немецкой исторической школы. Однако, к началу Первой мировой войны он окончательно оставил теорию размещения ради занятия социологией и политологией. В 1933 г. он ушел на пенсию, оставив место профессора в Университете Гейдельберга, и опубликовал свою последнюю книгу в 1953 г. в возрасте 85 лет, за пять лет до смерти. Однако, работ по теории размещения экономической деятельности он больше не писал.

Литература

E. Salin, *Weber, Alfred*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Вебер

Макс

Weber Max

(1864 — 1920)

Излишне говорить, что Макс Вебер — известный социолог: неиссякаем поток книг о Марксе, Дюркгейме и Вебере как об отцах-основателях современной социологии. Однако Макс Вебер был также экономистом и экономическим историком, настолько же известным своими методологическими заявлениями относительно использования идеальных типов и возможности свободной от ценностных суждений социальной науки, насколько и своими исследованиями протестантских истоков капитализма.

Макс Вебер родился в Эрфурте, Германия, в 1864 г., посещал местную среднюю школу и университеты Гейдельберга, Геттингена и Берлина, в которых изучал право. После получения в 1886 г. степени в области права, в 1889 г. он опубликовал диссертацию о средневековых торговых компаниях в Италии и Испании, за которой последовало получение квалификационного звания в области римской аграрной истории (1891). Занимая свой первый академический пост на юридическом факультете Берлинского университета в 1892 г., он осуществлял руководство детальными эмпирическими исследованиями сельскохозяйственных рабочих в Пруссии, что привело к его назначению на место профессора экономики сначала в Университете Фрейбурга в 1894 г., а затем в Гейдельбергском университете в 1896 г. В 1898 г. он пережил не-

рное расстройство и получил практически постоянный отпуск за свой счет. Только через восемь лет он возобновил свою научную деятельность.

Характерные для него методологические взгляды были выражены во влиятельном очерке «Об объективности социологического и социально-политического знания» (*On the Objectivity of the Sociological and Social-Political Knowledge*, 1904), а его знаменитый исторический тезис — в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (*The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*, 1904–05). Начиная с этого времени он жил как частный исследователь, в основном, в Гейдельберге, расширив свои исследования в области социологии религии изучением иудаизма, индуизма, конфуцианства, буддизма и ислама, анализируя роль бюрократии и политической власти в индустриальных обществах и уточняя свои идеи относительно природы и границ социальной науки. По причине его хронической болезни, значительная часть его более поздних работ состоит из незаконченных фрагментов, которые были отредактированы и опубликованы посмертно. Однако, даже его законченные труды, написанные чрезвычайно сложным языком, представляя собой худшие примеры того, что подразумевается под «немецким стилем», породили бесконечные споры.

«Протестантская этика и дух капитализма» Вебера, более известная в интерпретации Тоуни в книге «Религия и происхождение капитализма» (*Religion and Rise of Capitalism*, 1926), была нацелена на разрешение парадокса очевидного экономического успеха членов протестантских сект, несмотря на осуждение приобретательства протестантским богословием. Зачастую ее понимали таким образом, будто она ставит Маркса с ног на голову, связывая возникновение капитализма не с технологией или изменением отношений между социальными классами, но с чисто идеологическими элементами, такими как моральный кодекс поведения, привитый в результате распространения протестантизма в XVI–XVII вв. Однако, на самом деле, Вебер не отрицал марксистскую философию истории. Просто он утверждал, что она слишком проста, и что протестантизм играл важную стимулирующую роль в развитии духа капитализма. Конечно, можно и возникновение самого протестантизма объяснить экономическими факторами, но Вебер, очевидно, считал такое возражение опрометчивым. Более поздние его исследования восточных религий были нацелены на

получение дополнительных данных относительно культурного контекста, который либо способствует, либо препятствует развитию капитализма. Он не дожид до завершения своей исследовательской программы и не ответил на фундаментальный вопрос, который был поставлен в его книге, а именно, является ли нечто подобное протестантизму необходимым или просто достаточным условием для возникновения индустриального капитализма? Эта книга вызвала бурные споры, начавшиеся еще при жизни Вебера и до сей поры не подающие признаков затухания. Что бы Вебер ни имел в виду, в истории трудно найти лучший пример почти неразрешимой проблемы выведения точного определения из истине случайного объяснения, чем «Протестантская этика и дух капитализма».

Методологическая вера Вебера в возможность *общественной науки* (обратите внимание на это слово), свободной от ценностных суждений, была реакцией на использование академических кресел Шмоллером* и другими основателями *Союза социальной политики* (*Verein für Sozialpolitik*) для проповеди определенных социальных и политических взглядов. По существу, Вебер сказал многим более того, что веком раньше было сказано Юмом*, а именно, что из всестороннего изучения того, как устроен мир, нельзя извлечь никаких определенных выводов относительно того, каким он должен быть. Экономисты не испытывали никаких трудностей с аргументацией Вебера, привыкнув к старому разграничению Сениора-Милля-Кейнса между нормативной и позитивной экономической теорией. Однако тезис Вебера относительно ценностной нейтральности подвергался бесконечным нападкам со стороны социологов и политологов, и даже экономисты неправильно понимали полный смысл рассуждений Вебера, полагая, что он каким-то образом исключает нормативный анализ как ненаучный. Но Вебер в действительности пытался способствовать рациональной дискуссии о нормах экономической политики. Он лишь подчеркивал, что эта дискуссия должна быть четко отделена от чисто позитивного исследования экономических проблем.

Другой крупный методологический вклад Вебера заключался в его концепции идеальных типов, крепко привязанной к доктрине *Verstehen* (понимания). Настаивая на том, что объяснение в общественных науках концептуально отлично от объяснения в естественных науках, поскольку предполагает человеческую мотива-

цию, он делал вывод, что адекватное объяснение в общественных науках связано с абстракциями, а значит, идеальными типами, в которых воплощается внутреннее понимание того, как ведут себя человеческие существа, в отличие от внешнего понимания атомов и генов физиками и биологами. Здесь, как и в других случаях, последующие поколения потратили почти столько же времени на споры о том, что точно он имел в виду, сколько на обсуждение того, был ли он прав.

Литература

R. Bendix, *Weber, Max*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); A. Sica, *Weber, Max*, Thinkers of the 20th Century, ed. E. Devine *et al.* (eds.) (Macmillan, 1983).

Веблен

Торстейн Бунде

Veblen Thorstein Bunde

(1857 — 1929)

Торстейн Веблен для экономической науки — то же самое, что Джонатан Свифт для английской литературы: мастер искусства сатиры. Для эффектной сатиры очень важно, чтобы ее основная идея была двусмысленной: читатель никогда не должен быть уверен, говорит ли автор абсолютно серьезно или разыгрывает его. Это качество определенно присутствует у Свифта в «Путешествии Гулливера», и оно также может быть обнаружено в книгах Веблена «Теория праздного класса» (*Theory of Leisure Class*, 1899), «Инстинкт мастерства» (*Instinct of Workmanship*, 1814), «Имперская Германия и промышленная революция» (*Imperial Germany and Industrial Revolution*, 1915), «Высшее образование в Америке» (*The Higher Education in America*, 1818), «Абсентеистская собственность» (*Absentee Ownership*, 1923) и его многочисленных очерках. По существу, это качество присутствует во всем, что он написал, если не считать «Теорию делового предприятия» (*The Theory of Business Enterprise*, 1904), которая больше всего сходна со стандартной научной работой.

Какую бы из этих книг мы ни открыли, мы обнаружим идею о том, что жизнь в современном индустриальном обществе является результатом основного конфликта между «денежными» и «промышленными занятиями», между «деловым предприятием» и

«машинным процессом», между «способностью продаваться» и «способностью оказать услугу» — короче говоря, между деланием денег и созданием благ. При капитализме идет классовая борьба, но не между буржуазией и пролетариатом, а между бизнесменами и инженерами. Привычка мыслить с точки зрения денежной выгоды — это то, что объединяет банкиров, брокеров, юристов и менеджеров в их защите частных приобретений. В противоположность этому, промышленных рабочих и в еще большей степени техников и инженеров, которые контролируют их работу, объединяет дисциплина машинного производства.

Именно в таких терминах Веблен описывает современную индустриальную цивилизацию. Когда мы его читаем, мы чувствуем, что нам что-то объясняют. И все же окончательный смысл его идей остается двойственным. Он, по-видимому, подвергает фундаментальной критике рыночный механизм и призывает к чему-то вроде технократической революции, однако Веблен предостерегает нас и от веры в способность инженеров захватить власть и управлять системой, из-за чего у читателя остается сомнение относительно того, что же автор хотел сказать. Но, может быть, желание поймать его на слове как раз и не позволяет понять суть дела. Как-никак, это сатира, и она рассчитана на то, чтобы открыть ваши глаза, а не внести путаницу в ваши мысли.

Веблен мало пользовался абстрактно-дедуктивным методом неоклассической экономики. По его утверждению, экономическая теория должна быть эволюционной наукой, он имел в виду исследование происхождения и развития экономических институтов. Однако институты он определял довольно своеобразно, а именно, как совокупность стереотипов мышления и общепринятых правил поведения. Таким образом, «институциональная экономическая теория», казалось бы, должна быть связана с изучением интеллектуальных шаблонов и социальных условностей, которые кристаллизуются в виде экономических организаций. Однако то, что на самом деле Веблен предлагал своим читателям, было социологической критикой доминировавшей культуры, облаченной в психологию инстинктов, расистскую антропологию и сопровождаемой потоком эффектных прилагательных: «демонстративное потребление», «денежное соперничество», «демонстративно расточительное зрелище», «абсентеистская собственность», «инстинкт мастерства» и т.п. Все это представляло сочетание, настолько уни-

кальное и характерное для самого Веблена, что даже самые преданные его ученики были не в состоянии продолжить и развить его традиции. Веблен действительно считается основателем американской школы институциональной экономической теории, которая остается в моде до сего дня. Однако это связано с тем, что он привлек таких двух последователей, как Митчелл* и Коммонс*, которые оформили институциональную экономику в соответствии с духом, а не буквой Веблена. Их деятельность является подтверждением того, что Веблен — это сугубо уникальное явление: хорошо это или плохо, но его книги не об экономической теории, но скорее о том, как интерпретировать ценности и убеждения тех, кого он иронично обозначал как «капитанов промышленности». Тем не менее, необходимо признать, что его труды представляют собой более приятное чтение и удерживаются в уме дольше, чем многие великие книги по экономической теории.

Веблен родился в Като, Висконсин, в 1857 г., был шестым ребенком в большой семье фермеров, относившихся к первому поколению норвежских иммигрантов. В 1880 г. он закончил Карлтон-колледж, Миннесота, а в 1884 г. получил докторскую степень по философии в Йеле. После неудачных попыток получить место преподавателя он вернулся к своей семье в Миннесоту и в течение семи лет занимался чтением и вел деревенский образ жизни. В 1891 г. он начал изучать экономическую теорию в Корнельском университете под руководством Джеймса Лафлина (1850–1933). Когда Лафлин перешел на работу в Чикагский университет, Веблен отправился вместе с ним, чтобы получить свое первое преподавательское место. В течение 14 лет он входил в профессорско-преподавательский состав Университета Чикаго, после чего три года работал в Стэнфордском университете (1906–09). Хотя в это время он уже приобрел известность благодаря своим книгам «Теория праздного класса» и «Теория делового предприятия», его не вписывавшаяся в обычные рамки личная жизнь, эксцентричный стиль преподавания и дурная слава его экономических взглядов все более затрудняли ему поиски места преподавателя после его бесславного ухода из Стэнфорда в 1909 г. В 1911 г. он, наконец, нашел себе пристанище в Университете Миссури. В 1918 г., после ухода на пенсию в возрасте 61 г., он провел остаток жизни, занимаясь писательской и иногда преподавательской работой в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Умер он в

1929 г. относительно безвестным, т.к. его предыдущая слава к тому времени в значительной степени испарилась по причине неизменных неудач его попыток отнести себя к определенному течению или кампании.

Литература

J. Dorfman, *Thorstein Veblen and His America* (Augustus M. Kelley, 1961); A.K. Davis, *Veblen, Thorstein*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Визер
Фридрих фон
Wieser Friedrich von
(1851 — 1926)

Фридрих фон Визер был после Бем-Баверка* вторым по значимости учеником Менгера*. Товарищи по учебе и друзья, а позднее шурин и зять, оба они в свои двадцать лет оказались под интеллектуальным влиянием Менгера, когда прочитали «Принципы» Менгера (1871). По причине ранней отставки Менгера все последующие выдающиеся австрийские экономисты, такие как Мизес, Шумпетер и Бем-Баверк не были его студентами, а обучались у Визера и Бем-Баверка в Венском университете, в котором Визер провел многие годы (1883, 1903–17, 1918–23), некоторые из которых совпадали со временем работы в том же университете Бем-Баверка (1904–14).

Визер родился в Вене в 1851 г., изучал право в Венском университете и сразу же после окончания университета в 1872 г. поступил на государственную службу. В течение более десяти лет он оставался государственным служащим, за исключением двух лет учебы в университетах Гейдельберга, Йены и Лейпцига у Рошера*, Книса и других представителей «старой» исторической школы. Результатом этого стало написание первой книги «О происхождении и основных законах экономической ценности» (*Über der Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes*, 1884), в которой показывалось, как полезность определяет ценность факторов

производства через процесс «вменения», даже если они никогда не покупаются потребителями. В этой книге также впервые был использован термин *Grenznutzen* (предельная полезность). Эта книга обеспечила ему место преподавателя в Венском университете, за которым последовало профессорство в Карловом университете, Прага. Он провел 19 лет в Праге — с 1884 по 1903 г. — и именно там написал работу «Естественная ценность» (*Natural Value*, 1889). Название книги отражало его убеждение в том, что ценность, или цена, является «естественной» категорией в том смысле, что она проявляется в любом рационально устроенном обществе, каковы бы ни были его институты собственности. Большие разделы книги были посвящены демонстрации того, как подобные естественные ценности должны определяться в экономике с центральным планированием, и, таким образом, именно Визера пытался опровергнуть Людвиг фон Мизес (1881–1973), когда он развивал аргументацию в пользу утверждения, что рациональные экономические расчеты при социализме невозможны.

Когда Менгер в 1903 г. оставил свой профессорский пост в Венском университете, его на этом месте сменил Визер. Его следующей великой книгой и вершиной его достижений была «Социальная экономика» (*Social Economics*, 1914), попытка написания систематического трактата по политической экономии, в котором постоянно сопоставляется детерминация ценности в идеальной конкурентной экономике с тем, как она детерминируется в современной социальной экономике, характеризующейся несовершенствами конкуренции и наличием деловых и трудовых объединений. Им была предложена обширная программа государственной деятельности для регулирования этой социальной экономики на основе того, что в настоящее время называется анализом затрат и результатов.

В итоге, эта забытая книга удивит каждого, кто полагает, что австрийская экономическая теория всегда была ориентирована на оправдание рыночного механизма и отвержение любых форм государственного вмешательства. В этой книге Визер показал, что австрийская теория полезности вкупе с социологической теорией власти позволяет разработать программу экономической политики, в которой государству придается даже большее значение, чем в экономической теории благосостояния Маршалла* и Пигу*.

К концу Первой мировой войны Визер стал сначала членом австрийского парламента, а затем министром торговли. После крушения Австро-венгерской империи он вернулся в Венский университет и незадолго до смерти опубликовал свою последнюю книгу «Закон власти» (*Gesetz der Macht*, 1926).

Визер не имел такого влияния, как Бем-Баверк, отчасти конечно потому, что потрясающая оригинальность его подхода и особенно его интерес к взаимосвязи между экономической теорией и социологией не задевали чувствительных струн у современных ему экономистов. В отличие от Бем-Баверка, чьи дискуссии с коллегами привели его в соприкосновение со всеми ведущими экономистами того времени, Визер никогда не участвовал в спорах, мало цитировал современных авторов и вообще предпочитал размышлять наедине с самим собой. Тем не менее, в самой Австрии он привлек больше последователей, чем Бем-Баверк, включая тех, кто продолжил взращивание семян, которые он посеял в «Социальной экономике», и создал быстро ставшую самостоятельной австрийскую школу теории государственных финансов.

Литература

F.A. von Hayek, *Wieser, Friedrich von*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); R.B. Ekelund, Jr, *Power and Utility: The Normative Economics of Friedrich von Wieser*, Review of Social Economics, 28 September 1970.

/

Виксель**Кнут***Wicksell Knut*

(1851 — 1926)

Никогда не было более противоречивого, почти шизоидного, экономиста, чем Кнут Виксель. Его работы обращены к его коллегам и имеют суровый привкус экономического теоретизирования ради экономического теоретизирования. Однако в своей частной жизни он был вольнодумцем, социалистом «с маленькой буквы», феминистом, страстным поборником идеи контроля над рождаемостью и ограничения семьи, и настолько пренебрежительно относился к общественным условностям, что был приговорен к двум месяцам тюрьмы за богохульные высказывания на лекции, а также он отказался подписать обращенное к королю Швеции заявление на получение профессорского места со стандартными словами «покорнейший слуга Вашего Величества», тем самым лишив себя этого места до почтенного 52-летнего возраста.

Среди экономистов Виксель выделял четыре авторитета, а именно, Рикардо, Тюнена, Вальраса и Бем-Баверка, и его жизнь была посвящена объединению теории общего равновесия, австрийской теории капитала и процента и теории распределения, основанной на предельной производительности. Его первая работа «Ценность, капитал и рента» (*Value, Capital and Rent*, 1893) представляла собой лишь прелюдию к более крупной книге «Лекции по политической экономии» (*Lectures on Political Economy*, 1901–06), перед

которой было опубликовано исследование в области государственных финансов под названием «Исследования по теории финансов» (*Finanztheoretische Untersuchungen*, 1896), которое удивительным образом до сих пор остается непереведенным на английский язык, и работа в области монетарной экономики «Процент и цены» (*Interest and Prices*, 1898), которая содержит его наиболее оригинальный вклад в экономическую теорию.

Он родился в Стокгольме в 1851 г. в семье среднего класса и получил свою первую степень в области математики в Университете Уппсалы в 1876 г. Его интерес к социальным проблемам привел его к литературе по неомальтузианству, как тогда называлось движение за ограничение рождаемости, а от нее — к изучению экономической теории. С 1885 г. небольшое наследство позволило ему совершить путешествие по Англии, Франции, Германии и Австрии для изучения теоретической экономики, что также дало ему возможность встретиться со всеми ведущими радикальными реформаторами того времени. В 1880-е и 1890-е гг. он имел скудный заработок, печатая сотни газетных статей по такому широкому кругу проблем, как алкоголизм, проституция, свобода слова, права женщин и конституционная роль монархии, всегда, однако, возвращаясь к своей излюбленной теме — опасности перенаселения и необходимости борьбы с ней посредством распространения контрацептивных средств. В 1895 г. он получил докторскую степень в Университете Уппсалы за диссертацию о налоговом бремени, но ему пришлось получить еще степень в области права, прежде чем ему предложили в 1899 г., в возрасте 48 лет, первое преподавательское место в Университете Лунда. Он преподавал в Лунде до своей отставки в 1916 г., добавив к первым трем своим опубликованным книгам по экономической теории «Лекции по политической экономии». Радикалом он оставался даже в пожилом возрасте, в 1923 г. опубликовав в анархистской газете аргументы в защиту атеизма. Умер он в 1926 г. (в этом году также умерли Маршалл, Эджуорт и Визер) в возрасте 74 лет.

Книги Викселя содержали множество исправлений и улучшений новой экономической теории, представленной в то время, когда он писал, тремя различными школами мысли — кембриджской, австрийской и лозаннской. Его трактовка теории полезности усовершенствовала рассуждения Джевонса*, Менгера* и даже Вальраса*, а его изложение теории предельной производительности

ти превзошло соответствующие изложения Уикстида*, Бароне* и Джона Бейтса Кларка*. Даже теорию капитала Бем-Баверка он значительно модифицировал, выдвигая аргументы в ее защиту, и способствовал тому, чтобы Вальрас уточнил роль формирования капитала в третьем издании своих «Элементов» (1900). Отдельного упоминания заслуживает то, что он был, по существу, единственным достойным внимания экономистом на рубеже столетий, который подчеркивал, что концепция, названная Маршаллом «доктриной максимума удовлетворения», и даже предложенное Парето умеренное определение социального оптимума в терминах единодушного согласия, решающим образом зависит от преобладающего распределения дохода (или, скорее, наделенности факторами), которое порождает конкурентное ценообразование. Короче говоря, он был первым экономистом, полностью осознавшим, что все доказательства утверждения, согласно которому совершенная конкуренция обеспечивает эффективную аллокацию ресурсов, ничего не говорят о «справедливости» распределения доходов. Из этой идеи он сделал выводы в отношении ценообразования на услуги предприятий общественного пользования и построения как налоговой системы, так и системы расходов. В «Исследованиях по теории финансов» он близко подошел к современной доктрине общественных благ и проблеме раскрытия людьми своих предпочтений в отношении нерыночных общественных благ.

В книге «Процент и цены», содержащей самый большой его вклад в науку, он в значительной степени заложил основы современной макроэкономики, вернувшись к антиколичественной теории денег Тука, в соответствии с которой уровень цен определяется не количеством денег, но национальным доходом в форме общего потока расходов на товары и услуги. Отвергнув аргументацию Тука, Виксель по-новому сформулировал старую количественную теорию денег, сделав акцент на потоках расходов, тщательно разграничив прямое влияние увеличения количества денег на цены через кассовые остатки, которые индивиды готовы хранить, и косвенное влияние на цены, которое реализуется через колебания ставки процента. Идея, согласно которой это косвенное влияние возникает, когда денежная ставка процента отклоняется от реальной доходности новых капитальных проектов, ранее появлялась в работах Торнтона и Рикардо. Викселля, по-видимому, вдохновил один пассаж из «Принципов» (1817) Рикардо — книги, которую он имел

обыкновение пересчитывать снова и снова. Он назвал эту реальную доходность «естественной ставкой процента», утверждая, что, если она превосходит ставку процента по кредитам, какой бы ни была причина этого, в результате будет иметь место «кумулятивный процесс» ценовой инфляции, приостановка которого возможна только при достижении банковской системой установленных законом или соглашением резервных требований. Это привело его к анализу критериев денежного равновесия в смысле денежной и банковской системы, которая бы поддерживала стабильный уровень цен. В последующих дискуссиях со своим коллегой Дэвидом Дэвидсоном (1854–1942) Виксель продолжал двигаться по пути превращения старой количественной теории денег в законченную макроэкономическую теорию детерминации цен. От более поздней кейнсианской теории детерминации дохода ее все же отделяло большое расстояние, но она содержала все семена этого последующего развития, и множество шведских экономистов, бывших учеников Викселя, таких как Бертиль Олин (1899–1979) и Гуннар Мюрдаль (1898–1987), в последующее время смогли собрать урожай с поля, которое засеял Виксель.

Литература

T. Gardlund, *The Life of Knut Wicksell* (Almqvist & Wicksell, 1958); C.G. Uhr, *Economic Doctrines of Knut Wicksell* (University of California Press, 1960); T. Gardlund, *Wicksell, Knut*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Галиани
Фердинандо
Galiani Ferdinando
(1727 — 1787)

Галиани был ведущим критиком физиократов и главным сторонником субъективной теории ценности в XVIII веке. Родившись в Неаполитанском королевстве в Италии, он получил классическое образование, принял священный сан, но поступил на государственную службу и провел почти десять лет жизни во Франции в качестве секретаря неаполитанского посольства в Париже. Остаток своих дней он прожил в Неаполе, где по поручению короля руководил рядом государственных учреждений. Он писал на разнообразные темы и поддерживал корреспонденцию с ведущими мыслителями того времени: Дидро, Вольтером, Тюрго и особенно Джамбатиста Вико, великим итальянским историком и философом истории. Именно от Вико он перенял и на всю жизнь сохранил отрицательное отношение к картезианскому рационализму, стремившемуся выводить (исключительно на основе способности к разумению и нескольких априорных постулатов) вечные истины, действительные для любого времени и места. В противоположность этому Галиани указывал, что общество непрерывно эволюционирует, что делает возможным получение лишь исторически относительных истин.

В возрасте 24 лет Галиани выпустил замечательную книгу «О деньгах» (*Della Moneta*, 1751), задуманную как часть более общего

политического трактата, так никогда им и не написанного. Помимо некоторых примечательных глав, посвященных теории денег, явно обязанных штудированию экономических трактатов Локка, в ней есть блестящие страницы, где рассматривается теория ценности в связи с полезностью (надо признать, только в виде наброска) с указаниями на убывание предельной полезности и даже на эластичность спроса по цене. Галиани исходил из противоречия между полезностью и редкостью, субъективным отношением между человеческими предпочтениями и доступностью внешних благ, которое служило ядром теории ценности со времен Аристотеля. Это противоречие лежало в основе теорий многих его предшественников, но Галиани сделал шаг вперед в концептуальном отношении, определив полезность как «способность товара сделать нас счастливыми», то есть как элемент, относящийся к нашим изменчивым предпочтениям, а не к товарам самим по себе. Тюрго* разделял мнение Галиани о субъективной природе ценности и с похвалой отзывался о его книге. Несколькими десятилетиями ранее Ло* также проповедовал учение о субъективной ценности, и аналогичную теорию защищал во Франции Этьен Кондильяк (1714–80) в год выхода в свет «Богатства народов» (1776). Никто из этих четырех авторов не превратил теорию ценности в связи с полезностью в развернутую теорию цены, в особенности не сумев продемонстрировать ее приложимость к разнообразным случаям, относящимся к поведению цен. И когда Адам Смит* разделил потребительскую ценность и меновую ценность и признал первую (отражающую скорее потребность для организма, чем субъективное предпочтение) необходимой, но не достаточной причиной ценности товара, он успешно отсрочил введение в обиход субъективной теории ценности на столетие. Неудивительно, что работа Галиани «О деньгах» так по существу и не была переведена на английский язык, ибо и сегодня имеется перевод лишь избранных отрывков.

Через двадцать лет после книги «О деньгах» Галиани блеснул как критик доктрин Кенэ* и школы физиократов в работе «Диалоги о хлебной торговле» (*Dialogues sur la Nõmmerce des Blés*, 1770).

Объектом его атаки явилась вера физиократов в свободу хлебной торговли, но не столько в принципе, сколько в контексте исторических обстоятельств, как политика, невыгодная для современной ему Франции. Отрицание им прямолинейного догматизма физиократов, в особенности их веры в существование универ-

сально применимых принципов, выдает влияние Вико более чем все написанное им прежде.

Литература

P.R. Toscano, *Galiani, Ferdinando*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 6, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Гильфердинг
Рудольф
Hilferding Rudolf
(1877 — 1941)

Восемь лет спустя после того, как Бем-Баверк опубликовал свою острую критику марксистской экономической теории в работе «Конец марксистской системы» (1896), Рудольф Гильфердинг, немецкий марксист и известный лидер Социал-демократической партии Германии (СДПГ), написал официальный ответ, озаглавленный «Критика Маркса Бем-Баверком» (*Böhm-Bawerk's Criticism of Marx*, 1904). Работа Гильфердинга представляла собой догматическую защиту Маркса на языке, почти полностью заимствованном у Маркса и Энгельса. Это была одна из первых марксистских работ, в которой использовался неудачный самооправдательный аргумент, согласно которому марксистская и буржуазная экономические науки используют различные «парадигмы», которые делают плодотворный диалог между ними абсолютно невозможным. Другими словами, Бем-Баверк критиковал Маркса по своим собственным стандартам, и единственный ответ, предложенный Гильфердингом, был призывом не вступать в противоборство с критикой Бем-Баверка, а подвергнуть сомнению его критерии.

Однако Гильфердинга помнят не благодаря этому достижению, а скорее по его классической книге «Финансовый капитал» (*Financial Capital*, 1910) — весьма оригинальному исследованию капитализма XX века, в котором он постарался приблизить Марк-

са к реальной действительности того времени, поместив в центр анализа монополии и банковского кредита. Гильфердинг изображал «финансовый капитал» как способствующий картелям и другим монополистическим ограничениям конкуренции между его промышленными клиентами при одновременном стремлении к зарубежным инвестициям и побуждении правительств к империалистическому соперничеству. Капитализм XIX века стоял за свободную торговлю, но капитализм в своей «последней стадии» склонялся к протекционистским пошлинам, чтобы позволить внутренним монополистам назначать более высокие цены в своей стране и избавляться от возникающих при этом излишков за границей, все больше усиливая движение в сторону имперской экспансии. Эта книга вместе с «Империализмом» (Imperialism, 1902) Гобсона оказала решающее влияние на работу В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916) — работу, которая легла в основу окончательной версии марксистской теории империализма. Ленинское определение империализма с точки зрения его пяти отличительных особенностей — монополии, финансовый капитал, экспорт капитала, международные картели и территориальный раздел мира — совершенно четко исходило из книги Гильфердинга с добавлением одного или двух элементов, заимствованных у Гобсона.

«Финансовый капитал» Гильфердинга начинается с обсуждения денег и кредита и представляет собой одну из редких попыток со времен Маркса развить и усовершенствовать собственно марксистскую, а не старомодную теорию денег. После описания характеристик «кредитных денег» (чековые депозиты в противопоставление монетам и банкнотам), Гильфердинг начинает рассуждение о растущей роли банков в стимулировании новых предприятий за счет использования преимущества растущего разделения между собственностью и контролем в акционерных компаниях.

Тесные личные и корпоративные связи между промышленным и банковским капиталом при доминирующем положении банкиров относительно промышленников, которое Гильфердинг описывает как «финансовый капитал», несомненно, были характерны для экономического развития Германии и Австрии, но остается под вопросом, были ли они характерны для развития капитализма в любых других странах. Таким образом, анализ Гильфердинга был далек от обобщения и, вероятно, мало способство-

вал пониманию экономических тенденций вне Центральной Европы.

В последующих главах своей книги Гильфердинг рассматривает роль экономических кризисов и их соотношение с растущей тенденцией к империализму. В этом анализе марксистской теории кризисов Гильфердинг решительно поддерживает «теорию диспропорциональности», указывающую одну из двух или трех причин экономических кризисов, упоминаемых Марксом во 2-м и 3-м томах «Капитала». Маркс описал определенную «воспроизводственную схему», представляющую взаимоотношения между отраслями, занятыми в производстве инвестиционных и потребительских товаров, которой необходимо следовать, если капиталистическая система намерена воспроизводить себя год за годом без неблагоприятных последствий. Эти равновесные пропорции между двумя группами отраслей промышленности настолько строги — утверждал Маркс, — что капитализм с большой вероятностью пострадает от экономических кризисов, если нарушит их; отсюда и название «теория диспропорциональности». Гильфердинг показал, что рост монополий и картелей делает еще более вероятным то, что «схема воспроизводства» Маркса будет нарушена. Это доказательство привлекло почти столько же внимания, сколько и теория империализма Гильфердинга.

Рудольф Гильфердинг родился в 1877 году в Вене. Он изучал медицину в Венском университете и практиковал на протяжении многих лет после получения докторской степени в 1901 г. Однако, будучи еще студентом-медиком, он проявил интерес к экономическим наукам и, как только закончил учебу, начал писать статьи по экономическим темам для *Die Neue Zeit*, ведущего марксистского теоретического журнала того времени, редактируемого Карлом Каутским (1854–1938), дуайеном марксизма после смерти Энгельса. Он продолжал читать лекции и писать о социализме до начала первой мировой войны, относя себя к левому меньшинству в Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которое выступало против военных кредитов. После службы на австрийском фронте в качестве врача во время войны, он вновь вступил в социал-демократическую партию в начале 1920-х, стал гражданином Германии, работал в должности министра финансов в составе двух немецких правительств в 1923 и 1929 гг. и был депутатом рейхстага с 1924 по 1933 гг. После прихода Гитлера к влас-

ти Гильфердинг был выслан из страны и скитался по всей Европе, но в итоге оказался в неоккупированной зоне Франции в 1940 г. Переданный гестапо правительством Виши, он умер в заключении приблизительно в 1941 году.

Литература

S.T. Bottomore, *Introduction to R. Hilferding, Finance Capital* (Routledge & Kegan Paul, 1981).

Гобсон

Джон Аткинсон

Hobson John Atkinson

(1858 — 1940)

Джон Гобсон на протяжении всей своей жизни был порицаем как великий еретик: защитник явно ошибочной теории избыточных сбережений, мелочный критик ортодоксальной теории распределения и автор теории империализма, которая была взята на вооружение Лениным. Но затем, в 1936 г., Кейнс отдал дань уважения Гобсону в своей «Общей теории» как предвосхитившему его собственную теорию о том, что общество может при определенных обстоятельствах сберегать слишком большую часть своего дохода, и тогда экономность становится пороком, а не добродетелью. Кейнс при этом думал в основном о первой книге Гобсона «Физиология промышленности: разоблачение определенных заблуждений в существующих экономических теориях» (*The Physiology of Industry: Being an Exposure of Certain Fallacies in Existing Theories of Economics*, 1889), которую тот написал вместе с бизнесменом А.Ф. Маммери. Однако, как обычно, Кейнс преувеличивал, при внимательном прочтении книги обнаруживается, что там нет никакого предвосхищения рассуждений Кейнса, основанных на различии между плановыми сбережениями и плановыми инвестициями. Связанные старой теоремой Адама Смита о том, что сбережения и есть расходы, Маммери и Гобсон многократно определяли сбережения как то же самое, что и инвестиции. Подобно Мальту-

су*, за 70 лет до этого, они придерживались своеобразного варианта теории недопотребления, согласно которой имеется слишком много сбережений, и, соответственно, слишком большая потеря покупательной способности, в то время как инвестиции из этих сбережений производят больше капитальных благ, которые требуют поглощения покупательной способности для производительного использования: это вариант теории недопотребления, в котором существует равенство избыточных сбережений и избыточных инвестиций.

Если мы прочитаем эту книгу непредвзято, мы сможем заметить попытку создать нечто вроде модели роста Харрода-Домара, которую авторы оказались не в состоянии сформулировать. Во всяком случае, имеют место повторяющиеся ссылки (как это имеет место и у Мальтуса) на неясное представление об оптимальном соотношении капитала и труда, которое не может быть превышено, если экономика стремится оставаться на пути устойчивого роста. В книге нет никакого упоминания о том, что позднее стало существенным элементом теории недопотребления Гобсона, а именно, о неравном распределении дохода, которое передает значительную часть национального дохода людям с низкими расходами и высокими сбережениями в верхней части пирамиды распределения дохода. Впервые это появилось в работе «Проблема безработицы» (*The Problem of the Unemployed*, 1896) и получило развитие в его основной работе «Индустриальная система: исследование заработанного и незаработанного дохода» (*The Industrial System: An Inquiry into Earned and Unearned Income*, 1909). Но даже в этих работах Гобсон продолжает определять сбережения как «приобретение средств производства», одновременно отказываясь от существования тезаврирования как обычного явления в индустриальных обществах.

С другой стороны, его защита общественных работ, финансируемых из текущих налогов, как лекарства от безработицы, явно основывается на сравнении между низкой предельной склонностью к потреблению среднего налогоплательщика и высокой предельной склонностью к потреблению среднего бенефициара расходов на оплату общественных работ. Короче говоря, если и не называть Гобсона истинным предшественником Кейнса, следует признать, что влияние Кейнса прослеживается почти во всем, что написал Гобсон.

«Индустриальная система» также содержит полное осуждение теории предельной производительности и попытку заменить ее концепцией «непроизводительного излишка» - идеей, которая имеет поразительное, но незамеченное сходство с недавней книгой «Монопольный капитал» (*Monopoly Capital*, 1966) П. Барана и П.М. Суизи. Проблема с понятием «непроизводительного излишка», который необходим, чтобы поддерживать рабочую силу и обеспечивать улучшения и рост запаса как человеческого, так и физического капитала, состоит, разумеется, в том, где провести черту. Гобсон высказывал множество предложений по поводу того, как посредством налогов забирать этот излишек, но, к сожалению, нанес ущерб своему анализу откровенным признанием трудностей в практике точного определения того, какую часть дохода представляет собой этот излишек. Тем не менее, во многих его книгах можно проследить устойчивую тенденцию к расширению концепции свободного излишка, или, скорее, расширению сферы возможных действий правительства от категории «излишка» к категориям «роста» и «поддержки». Это было отчасти связано с его выходом из Либеральной партии и присоединением к Лейбористской партии в начале 1920-х, после чего он стал ближе к интервенционистскому образу мышления Фабианского общества, поддерживающего широко известную программу национализации как самого надежного средства от безработицы.

Он родился в Дерби в 1858 году в семье, владевшей местной газетой Либеральной партии, которая обеспечила ему соответствующий личный доход на протяжении всей жизни. Он получил классическое образование в Оксфордском университете, который закончил в 1880 г. На протяжении ряда лет он работал педагогом, а с 1887 по 1897 гг. он получал прибавку к своему доходу, работая университетским лектором в Лондоне и Оксфорде. Вскоре после издания «Физиологии промышленности» он потерял обе эти должности и даже спустя годы в своей автобиографии «Исповедь экономического еретика» (*Confessions of an Economic Heretic*, 1938) он обвинял в своем увольнении «профессора экономики, который прочел мою книгу и посчитал, что она эквивалента попытке доказать, что земля плоская». На самом деле, ощущение себя аутсайдером, высмеянным догматическим экономическим сообществом, которое не отличается терпимостью к инакомыслию, является постоянной темой его автобиографии. Достаточно странно, что в

«Исповеди экономического еретика» нет абсолютно никакого упоминания о запоздалом признании Кейнсом реальной заслуги «Физиологии промышленности», или чего-то, относящегося к кейнсианской революции, которую Гобсон должен был бы приветствовать как окончательное оправдание своих собственных воззрений. Но Гобсон был уже 80-летним стариком, когда писал свою автобиографию и, возможно, должен быть прощен за отсутствие надлежащего внимания к последним достижениям экономической теории.

Литература

H.N. Brailsford, *The Life-work of J.A. Hobson* (Oxford University Press, 1948); R. Lekachman, *Hobson, John A.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.6, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Госсен

Герман Генрих

Gossen Hermann Heinrich

(1810 — 1858)

/

Если бы Герман Генрих Госсен никогда не существовал, марксистам следовало бы его выдумать: утверждение основ экономической теории исключительно на утилитаризме; глубокая убежденность в том, что премудрый Творец возложил задачу гармонизации частных и общественных интересов на нестесненный эгоизм; защита частной собственности (исключая собственность на землю) как дальнейшего проявления Божественного плана и полное отрицание всего, даже отдаленно напоминающего социализм и коммунизм, — вот резюме его социальной позиции. Неувязку, однако, создает дата выхода единственной книги Госсена, высокопарно озаглавленной «Законы человеческих взаимоотношений, как они развиваются, и выведенные отсюда правила человеческого поведения» (1854): в это время Маркс еще не опубликовал ничего, относящегося к экономической теории, за исключением критики Прудона.

Госсен родился в Рейнской области в 1810 г. в семье сборщика налогов. Он учился в нескольких немецких городах, а в 1829 г. поступил в Боннский университет, который окончил в 1831 г. по курсу государства и права. Он продолжил обучение в Берлине и Бонне, а в 1834 г. поступил на государственную службу. Ему, по-видимому, не нравились обязанности чиновника, и после несколь-

ких неудачных попыток продвинуться по службе он оставил ее в 1847 г. Мало что известно о его личной жизни после того. Горько разочарованный невниманием публики к его «Законам человеческих взаимоотношений», которые, по его утверждению, сулили переворот в экономической науке, подобный тому, что совершил в астрономии Коперник, он отозвал все непроданные экземпляры книги и уничтожил их. Впоследствии, когда в 1878 г. эту книгу обнаружил Джевонс*, они с Вальрасом* сумели найти сведения лишь о нескольких сохранившихся экземплярах. Вальрас был поражен, увидев, что Госсен не только сформулировал принцип убывающей предельной полезности и изобразил это графически (выбрав ось абсцисс для измерения времени), но и, в отличие от Дюпюи*, понял различие между кривой предельной полезности и кривой спроса, обе из которых имеют отрицательный наклон. Джевонс с не меньшим изумлением обнаружил, что Госсен сформулировал теорию предельной тягости труда, поразительно напоминающую его собственную, с буквальным воспроизведением графической конструкции Джевонса, демонстрирующей выравнивание предельной тягости работы и предельной полезности продукта этой работы. Особенное впечатление на обоих произвел, как его вскоре назовут, «второй закон» Госсена: «Человек получает максимум жизненного наслаждения, если он распределяет заработанные деньги между различными удовольствиями таким образом, что последний потраченный на каждое удовольствие атом денег приносит одно и то же количество наслаждения».

Нелегко определить, кто повлиял на Госсена. Возможно, он читал Адама Смита и Бентама, но, поскольку он не ссылается ни на какие источники, то об этом влиянии можно только догадываться. Известно, что он штудировал «Руководство по политической экономии» (*Lehrbush der Politischen Ökonomie*, 1826–37) Карла Генриха Рау, а тот был последователем Смита. Так или иначе, он настолько далеко ушел вперед по сравнению с любым из своих возможных источников, что равных ему в отношении оригинальности не найти во всей истории экономической мысли. Однако он заплатил высокую цену за эту оригинальность и за свою полную отчужденность от других экономистов и экономической литературы своего времени. Книга была плохо структурирована, не имея деления на части или главы; она была написана топорным и часто нелепым языком; кроме того, она изобиловала алгебраичес-

кими формулами и длинными арифметическими примерами, не говоря уже о 24 диаграммах, — и это во время, когда существовала глубокая антипатия к использованию математики при анализе социальных вопросов. Вряд ли удивительно, что книгу не заметили; будь она написана лучше, она имела бы больший тираж, но появилась она не в то время и не в той стране!

Литература

H.W. Spiegel, *Gossen, Hermann Heinrich*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.6, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); N. Georgescu-Roegen, *Introduction, The Laws of Human Relations by H.H. Gossen* (MIT Press, 1983).

Давенант

Чарльз

Davenant Charles

(1656 — 1714)

Чарльз Давенант был одним из ведущих экономических памфлетистов 1690-х годов, десятилетия, в течение которого увидели свет также экономические работы Локка*, Норта* и Грегори Кинга. Сын знаменитого драматурга и театрального постановщика, он сам был автором пьесы, которую написал в возрасте 19 лет, уполномоченным по акцизам при Карле II и Якове II, членом парламента от партии тори при Вильяме (Вильгельме III — прим. пер.) и Мэри, а также генеральным инспектором по экспортным и импортным делам при королеве Анне.

Все его памфлеты — «Опыт о способах и средствах обеспечения войны» (*An Essay on Ways and Means of Supplying the War*, 1695), «Опыт об Ост-Индской торговле» (*An Essay on the East India Trade*, 1696), «Рассуждения о доходах государственной казны и английской торговле» (*Discourses on the Public Revenues, and on the Trade of England*, 1698) и «Опыт о вероятных методах, посредством которых народ может склонить торговый баланс в свою пользу» (*An Essay Upon the Probable Methods of Making a People Gainers in the Balance of Trade*, 1699), — представляли собой случайные сочинения, в каждом из которых отстаивалось конкретное дело, в успехе которого Давенант был лично заинтересован. Однако, защищая узкопартийные позиции, он нередко формулировал

общие принципы, отдельные из которых звучат почти как ранние письменные высказывания Адама Смита*. Все же он был меркантилистом в том смысле, что подчеркивал преимущества благоприятного торгового баланса как источника политической власти, благосклонно относился к росту народонаселения и порицал расходы на предметы роскоши.

Тем не менее, он отверг введение эмбарго на импорт текстильных изделий из Индии, потому что «торговля по природе своей свободна», выступал против тех авторов, которые рассматривали золото и серебро как «единственное и наиболее полезное национальное сокровище» и приветствовал бумажные деньги как дополнение к металлической чеканке.

Давенант считал себя учеником Петти*, которого представил в «Рассуждениях», своей самой содержательной работе, как основателя «политической арифметики ... искусства рассуждения при помощи цифр о вещах, относящихся к деятельности правительства». Продолжая линию Петти, он стремился исчислить национальный доход как величину, равную национальным расходам. Он называл превышение национального дохода над расходами «сверхвознаграждением» (*superlucrations*), которое образует «богатство, или национальный запас». Нетрудно представить, как сделанный им шаг вперед по сравнению с концепцией национальных счетов Петти должен был повлиять на Адама Смита, который, действительно, не однажды цитировал «Рассуждения» Давенанта.

Давенант способствовал поддержанию жизнеспособности политической арифметики, не только проводя собственные исследования, но также цитируя и воспроизводя скрупулезные количественные оценки Грегори Кинга в отношении национального дохода, роста населения, ценности капитала и темпов роста капитала, ни одна из которых не была опубликована Кингом во время его жизни (1648–1712). Среди этих выкладок была знаменитая шкала, показывающая рост цен на пшеницу в связи с падением урожаев, основанная, как утверждалось, на результатах наблюдений, проводившихся в течение целого столетия или более: как бы ни сократился урожай, цена всегда увеличивается более чем пропорционально, что указывает не только на отрицательный наклон кривой спроса на пшеницу, но и на то обстоятельство, что спрос на пшеницу, говоря современным языком, неэластичен.

Об этой зависимости, известной под названием закона Грегори Кинга, знали Адам Смит и все английские классические экономисты.

Литература

D.A.G. Waddell, *Davenant, Charles*, International Encyclopedia of Social Sciences, vol.4, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Джевонс

Уильям Стэнли

Jevons William Stanley

(1835 — 1882)

Уильям Стэнли Джевонс был одним из основных первооткрывателей (или, скорее, повторных открывателей) теории предельной полезности, но он также был широко известен во время своей жизни благодаря прикладным экономическим исследованиям и учебнику логики. В книге «Угольный вопрос» (*The Coal Question*, 1865), которая сделала его знаменитым, он рассматривал уголь как ключевой ресурс английского промышленного развития и предсказывал приближающееся его истощение, закат английского промышленного лидерства и взлет США как индустриальной державы. Его другие количественные исследования, объединенные после его смерти в сборник «Исследования валюты и финансов» (*Investigations in Currency and Finance*, 1884), касались сезонных и циклических отклонений в экономической деятельности и содержали в себе пионерные вклады в технику индексных показателей, а также обреченную на неудачу попытку проследить связь деловых циклов с периодическими всплесками солнечной активности. Его открытие теории предельной полезности, анонсированное в короткой статье, посланной в Британскую ассоциацию в 1862 г. и опубликованной в 1866 г., было в деталях разработано в «Теории политической экономии» (*The Theory of Political Economy*, 1871). Хотя эта книга охватывает только половину всей сферы

микроэкономики (теорию поведения потребителя, но не теорию фирмы), она, вместе с почти одновременно опубликованными трактатами Менгера* и Вальраса*, должна рассматриваться как открытие нового периода в теоретической экономике, представляя собой то, что позднее было названо «маржиналистской революцией».

Трудно поверить, что Джевонс никогда не читал Ллойда, Лонгфилда*, Дюпюи*, Курно* и Госсена*, когда он приступил к написанию «Теории политической экономии», но это именно так; источником его вдохновения был «расчет счастья» Бентама в отношении наслаждения и страдания, дополненный работами Дионисия Ларднера (1793–1859) и Флеминга Дженкина (1833–85), двух британских инженеров-экономистов 1860-х годов. Только впоследствии он открыл для себя, как много у него было предшественников. Предисловие ко второму изданию «Теории политической экономии» (1879), сопровождаемое библиографией более ранних работ по математической экономике, восходящей к 1711 году, много сделало, чтобы рассказать поколению, которое пришло после него, о долгой истории теории полезности и анализа предельных величин до «маржиналистской революции».

Джевонс родился в Ливерпуле в 1835 году в унитарной семье и был сыном инженера и торговца железом, который опубликовал ряд эссе на экономические и юридические темы. После года в школе при Университи-колледж, Лондон, он поступил в него в возрасте 16 лет, чтобы изучать химию и ботанику. Его письма семье в те ранние годы уже показывают сильный интерес к социальной проблематике и глубокое ощущение миссии его жизни. Крах бизнеса его отца во время кризиса 1847 года заставил его прервать обучение и занять должность эксперта по оценке во вновь образованном Монетном дворе в Сиднее, Австралия. В Австралии он провел 5 лет (1853–58), и именно там он дебютировал в печати со статьями по метеорологии и ценообразованию на железных дорогах. Вернувшись в Англию в 1859, он продолжил свое обучение в Университи-колледже и получил в 1860 году степень бакалавра, а в 1862 — магистерскую степень. В 1863 г. он занял свою первую академическую должность преподавателя в Оуэнс-колледже, Манчестер (ныне Университет Манчестера), став профессором логики, этики и политической экономии в 1866 г. Че-

рез год, в 1876 г., он переехал в Лондон на кафедру политической экономии Университи-колледжа. Он ушел в отставку с этого поста по состоянию здоровья в 1880 г. Два года спустя он опубликовал ряд эссе по проблемам экономической политики «Отношение государства к труду» (*The State in Relation to Labour*, 1882), в которых он прямо осуждает принцип свободной конкуренции, делая выбор в пользу чисто прагматического подхода к государственному вмешательству. Несколько месяцев спустя, в возрасте 46 лет, он утонул во время купания, оставив после себя наброски нескольких незаконченных книг, включая части «Принципов экономической науки» (*Principles of Economics*), опубликованные посмертно его сыном в 1905 г.

Джевонс вполне осознавал революционность своего стремления свергнуть «пагубное влияние авторитета» Милля и Рикардо. «Теория политической экономии» отличалась иконоборческим духом, и большая ее часть написана великолепно и полна искрометных оригинальных пассажей. Тем не менее, ее оригинальность и, возможно, торопливость, с которой она была написана, привели к неровному качеству, при котором многие аргументы остались незавершенными. Так, подробно разбирается «изолированный», или бартерный, обмен, а рыночный обмен анализируется «на пальцах», и закон убывающей предельной полезности, или «конечной степени полезности», как любил ее называть Джевонс, фактически никогда не используется для вывода нисходящего наклона кривой спроса на товары.

Аналогично, в книге есть известное обсуждение предложения труда с позиции баланса между предельной тягостью труда и предельной полезностью его продукта; но предложение капитала рассматривается лишь поверхностно, а роль фирмы в координации факторов производства полностью игнорируется. Его известное табличное представление определения ценности ясно показывает, что он не сумел понять одновременного определения ценности и спросом, и предложением:

Затраты производства определяют предложение;

Предложение определяет конечную степень полезности;

Конечная степень полезности определяет ценность.

Книга Джевонса была не очень хорошо встречена его современниками: Кернс*, Лесли*, Сиджвик* и даже Маршалл* отзывались о ней весьма прохладно. Это была «революция», кото-

рой потребовалось более двадцати лет для получения признания в том, что она была!

Литература

J.M. Keynes, *Essays in Biography* (Macmillan, 1933); T.W. Hutchison, *Jevons, William Stanley*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.8, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); R.D. Collison Black, *Introduction, The Theory of Political Economy by W.S. Jevons* (Penguin Books, 1970).

Джонс

Ричард

Jones Richard

(1790 — 1855)

Ричард Джонс был первым институциональным критиком Рикардо и экономистом с историческим складом ума за многие годы до возникновения английской и немецкой исторических школ. Он родился в 1790 году в Танбридж Уэлз и учился в Кембриджском университете, получив степень в 1819 году. В Кембридже он подружился с Уильямом Вивэллом, философом и историком науки, и Джоном Гершелем, астрономом и тоже историком науки; существует ряд доказательств, что эти трое планировали воскресить метод «смотри и увидишь» индуктивной науки Бэкона как противовес дедуктивному подходу утилитаризма Бентама. После непродолжительного периода службы в качестве священника, Джонс обратился к изучению экономики, опубликовав свою первую и единственную полностью завершенную работу в 1831 г. под заголовком «Очерк о распределении богатства и об источниках налогообложения, том 1, Рента» (*An Essay on the Distribution of Wealth and on the Sources of Taxation, vol. 1, Rent*). Это привело к получению им первой академической должности в 1833 г. в Королевском колледже, Лондон. В 1835 г. он сменил Маршалла* на должности профессора политической экономии в колледже Хейлибери, открытом Ост-Индской компанией. В конце 1840-х он был членом английской комиссии Тайта по финансовой ре-

форме Англиканской церкви и, возможно, приложил руку к написанию итогового отчета. За исключением нескольких памфлетов он никогда не публиковал других работ. Его лекции и заметки были изданы под заголовком «Литературное наследство» (*Literary Remains*, 1859) Вивэллом после его смерти в 1855 г.

С первых страниц «Очерка» и из его «Литературного наследства» ясно, что Джонс видел себя как реорганизатора всей экономической науки по историческому и эволюционному направлениям, как создателя того, что он называл «Политической экономией государств», исследователя структуры национальных экономических систем в связи с меняющимися формами отношений собственности и общественных институтов. На самом же деле он оказался не в состоянии распространить свою амбициозную программу дальше области теории ренты. Отрицая метод Рикардо, который основывал теорию ренты на господствующей в Британии системе землепользования и затем придавал подобному ограниченному видению универсальную применимость, Джонс начал с подробной классификации ренты в различных частях света и в различные исторические периоды с точки зрения того, кто владел землей, кто работал на земле и как продукция делилась между собственником и временным владельцем. Трудоемкое описание ренты издольщиков в Древней Греции и Риме, ренты индийских крестьян, ренты крестьян, имеющих собственный коттедж в Ирландии, крепостной ренты в Восточной Европе и крестьянской ренты в Центральной Европе занимает добрых три четверти тома, после чего следует анализ фермерской ренты в Англии, на самом деле не очень отличающийся от анализа ренты у Рикардо. На протяжении всей книги он проявляет поразительное нежелание к обобщению, отрицая даже, что теория народонаселения Мальтуса, которой он придерживался, дает какую-либо предсказуемую связь между изменениями заработной платы и изменениями в населении.

Джон Стюарт Милль несколько раз цитировал Джонса в своих «Принципах политической экономии» (*Principals of Political Economy*, 1848), и это несмотря на тот факт, что протекционизм Джонса и его глубокое отвращение ко всему, что намекало на контроль над рождаемостью, должны были раздражать Милля. Маркс тоже хвалил Джонса как предшественника своей собственной экономической интерпретации истории. Тем не менее, книга Джон-

са была предана забвению и даже более поздние сторонники исторической экономической теории в Англии, такие как Клифф Лесли, Торольд Роджерс и Уолтер Бэдджот, едва ли когда-либо ссылались на Джонса. Только в нынешнее время ему удалось получить нечто вроде запоздалого признания.

Литература

N.T. Chao, *Richard Jones: An Early English Institutional* (Columbia University Press, 1930); W.L. Miller, *Richard Jones's Contribution to the Theory of Rent*, History of Political Economy, 9 (3) Autumn 1977.

**Джордж
Генри**
George Henry
(1839 — 1897)

Кто сегодня читает «Прогресс и бедность» (*Progress and Poverty*, 1879) Генри Джорджа? Немногие, поскольку это старомодная книга, написанная языком Адама Смита, Рикардо и Дж.С. Милля. В свое время, однако, это была самая читаемая из книг по экономике; в последней четверти XIX века в англоговорящем мире не Маркс, а Генри Джордж был героем всех дебатов среди пылких молодых интеллектуалов. Лекционные турне Джорджа по Британии в 1880-х годах вызывали сенсацию; он был шумно встречаем везде, куда бы ни приезжал, и собирал полный Зал свободной торговли в Манчестере и Альберт-холл в Лондоне. Ему лишь чуть-чуть не хватило голосов для победы на выборах мэра Нью-Йорка в 1886 г., а митинги в поддержку его идеи «единственного налога», вызванные публикацией «Прогресса и бедности», прошли во всех крупных городах Америки.

После 1900 г. движение за единственный налог пошло на спад, но до этого оно успело местами повлиять на муниципальное законодательство в Америке, Канаде и Австралии. И сегодня Джордж еще имеет последователей, разбросанных по разным странам мира, особенно в Австралии и Новой Зеландии, объединенных верой в «налог на ценность по местоположению», трактуемый ими как квинтэссенция джорджизма.

По существу Джордж не был оригинален, он исходил из старой теории дифференциальной ренты Рикардо, и именно поэтому его аргументация оказалась так действенна. Рикардо учил, что, поскольку земля как ресурс невоспроизводима, ее предложение ограничено, и она полностью отводится под производство сельскохозяйственных культур, «рента не входит в цену»; она представляет собой излишек, выпадающий на долю фермеров, возделывающих более плодородные участки. Из того, что рента является «безвозмездным даром Природы», следует, что государство может по сути частично или даже полностью ее присваивать, не оказывая воздействие на предельные затраты в сельском хозяйстве. Первым, кто сделал из рикардианской теории ренты очевидный вывод о том, что все «будущие прибавки незаслуженной ренты» могут быть безболезненно изъяты в виде налога, был Джеймс Милль (1773–1836). Рикардо* это предложение не нравилось, но в его время оно оставалось в числе академических вопросов. Между тем с публикацией «Принципов политической экономии» Дж.С. Милля (1848), где последний воспроизвел аргументы своего отца, и образованием вслед за тем Ассоциации за реформу землепользования, которую Милль возглавил, идея приобрела популярность. Джордж в «Прогрессе и бедности» сделал лишь небольшой шаг дальше, предложив конфисковать всю ренту, за прошедшие периоды и текущую, утверждая, что это полностью уничтожит бедность и экономические кризисы, ибо последние — не более, чем результат спекуляций с земельными ценностями. Это и будет «единный налог» — фраза, которую Джордж принял на вооружение только после публикации «Прогресса и бедности», — поскольку, по его мысли, поступления от него будут достаточны для финансирования всех правительственных расходов. Многие неверно истолковали это предложение как выступление в пользу национализации земли. На самом деле Джордж предлагал облагать налогом только ренту, связанную с качеством земли, исключая из налогообложения доходы от улучшения земельных участков. Короче говоря, его единый налог имел целью свести к нулю цену земли как пространства, не затрагивая рентные доходы от имущества на земле; он создал бы одинаковые условия для использования этого имущества вне зависимости от местоположения.

Джордж родился в 1839 г. в Филадельфии. Расставшись со школой в возрасте 13 лет, он попробовал себя в качестве моряка,

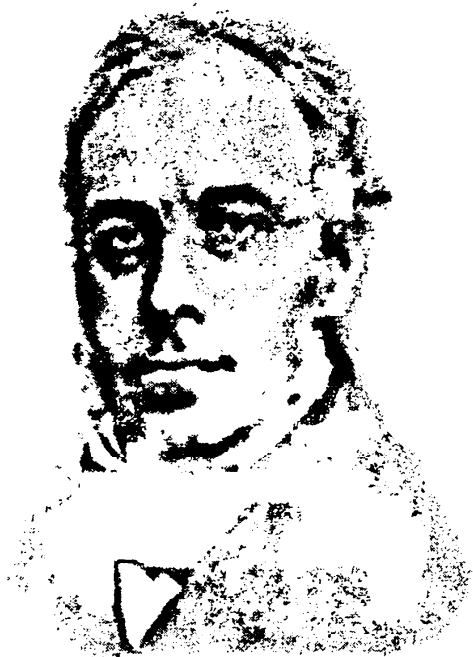
печатника, издателя и журналиста и, после нескольких лет ужасной бедности, осел в Калифорнии, где местные обстоятельства вскоре убедили его, что землевладельцы являются пассивными получателями «незаслуженной прибавки», создаваемой ростом населения и техническим прогрессом.

Когда успех книги сделал его всемирно известной фигурой, он вернулся на восточное побережье и положил начало движению за единый налог. В 1890-х гг. он в основном отдал руководство движением в другие руки и посвятил себя писательской деятельности и чтению лекций. Он опубликовал еще две книги и умер в 1897 г., не успев завершить «Науку политической экономии» (*The Science of Political Economy*) — это была попытка перевести его доктрину на более современный язык; книга была издана посмертно (1906–11).

Все ведущие экономисты конца века — Маршалл*, Фрэнсис Уокер (1840–97), Селигмен* и Эли* — выступили с основательными критическими разборами его взглядов, в которых не всегда отдавали должное его подлинным заслугам. Но пышный стиль Джорджа, постоянное смешение утверждений позитивного и нормативного характера и прямое непонимание им некоторых технических понятий экономической теории мешали экономистам относиться к нему со всей справедливостью; те самые качества Джорджа, которые привлекали обычных людей, отвращали от него профессиональных экономистов. И все же, как сказал в 1978 г. Милтон Фридмен: «Что касается налогов, наименьшим злом, на мой взгляд, является имущественный налог на ценность земли без учета улучшений, что еще много-много лет назад утверждал Генри Джордж».

Литература

C.A. Barker, *George, Henry*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol.6, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); R.V. Anderson (ed.), *Critics of Henry George* (Fairleigh Dickinson University Press, 1979).

Jules Dupuit

Дюпюи

Жюль

Dupuit Jules

(1804 — 1866)

Жюль Дюпюи — один из многих инженеров-экономистов XIX столетия, внесших заметный вклад в экономическую науку, к числу которых относятся также Дионисиус Ларднер (1793–1859), Шарль Элле-младший (1800–62) и Вильгельм Лаунхардт*. Одно время было принято считать, что Дюпюи работал в основном в изоляции, но, как показали недавние исследования, он принадлежал к традиции Школы мостов и тоннелей (*École des Ponts et Chaussées*) в Париже, где уже давно применялся экономический анализ в целях определения цен в сфере общественных работ. Дюпюи родился в 1804 году в Северной Италии, но получил образование во Франции. Учился как в Политехнической школе, так и в Школе мостов и тоннелей, служил в Управлении мостов и тоннелей и стал в 1855 году его генеральным инспектором.

В ряде пионерных статей, таких, как «О сборах и транспортных тарифах» (*On Tolls and Transport Charges*, 1842), «К вопросу об измерении полезности общественных работ» (*De la Mesure de l'Utilité des Travaux Publics*, 1844) и «О полезности и ее измерении» (*De l'Utilité et de Sa Mesure*, 1853), он поднял вопрос о том, как оправдать государственное строительство дорог, тоннелей и мостов, руководствуясь критерием общественной выгоды. Дюпюи осознал, что общественная выгода от пользования этими объектами больше

той выгоды, на которую указывают фактические цены на их услуги, если большинство людей готово заплатить за пользование дорогами, тоннелями и мостами больше, чем им приходится платить на практике. Неявно применяя понятие совершенной ценовой дискриминации, он построил для коллективно потребляемых товаров кривую предельной полезности, имеющую вид нисходящей ветви, предположив, что государство устанавливает максимальную плату за каждую дополнительную единицу услуги, так, что эта максимальная плата снижается мелкими шажками по мере предоставления дополнительных единиц. (Дюпюи отождествил кривую предельной полезности с кривой спроса, *courbe de consommation* — прим. ред.) Таким образом, общие поступления от предоставления услуги оказываются равными всей площади под кривой предельной полезности (она же кривая спроса — прим. ред.), и совокупная полезность, извлекаемая из существования подобного сооружения, точно так же равна всей площади под кривой предельной полезности. Однако «относительная полезность», или то, что Маршалл называл «потребительским излишком», равна превышению общей полезности над предельной полезностью, умноженному на количество единиц предоставленной услуги. Если кривая предельной полезности и кривая спроса тождественны — подобный поворот мысли не вызывал у Дюпюи трудностей, — «относительная полезность» измеряется площадью фигуры грубо треугольной формы под кривой спроса над прямоугольником цена-количество. Соответственно, при любой начальной плате за пользование общественным сооружением ее снижение приводит к чистому приращению потребительского излишка, равного общему выигрышу потребителей от снижения цены минус финансовые потери государства. Не изображая кривую предложения, Дюпюи перешел к рассмотрению излишка производителя от продажи услуг по пользованию мостами по одинаковой цене за единицу как превышения денежных поступлений над агрегированными предельными издержками отрасли. Общая выгода, которую получает от моста общество, равна, как осознал Дюпюи, сумме излишков потребителя и производителя.

Когда сравниваешь статьи Дюпюи с более строгой интерпретацией тех же понятий у Маршалла, то поражаешься неудовлетворительными моментами в рассуждениях первого. Помимо отождествления полезности и спроса и молчаливого допущения, что по-

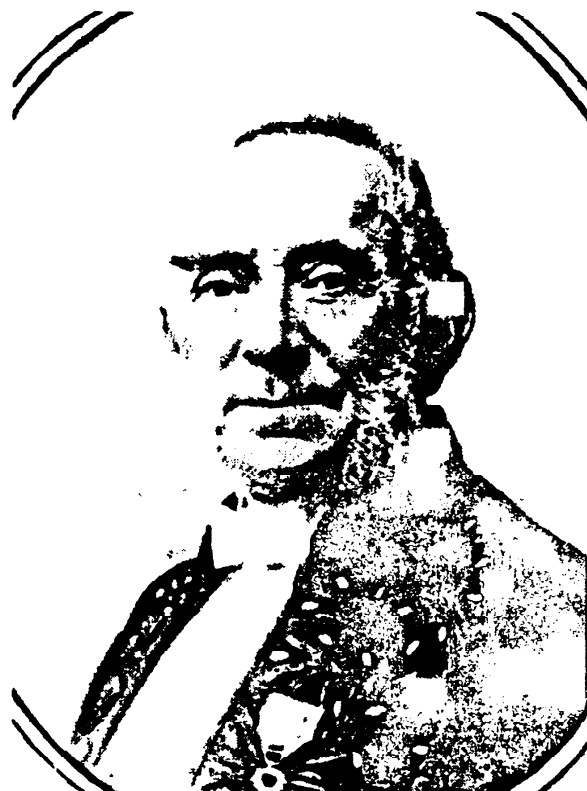
требительские излишки различных людей допускают суммирование, Дюпюи, по-видимому, отрицал, что общественные работы могут иметь положительные внешние или побочные эффекты для тех, кто не является потребителями данной услуги. Тем не менее, Дюпюи внедрил понятие отрицательно наклоненной кривой спроса независимо (насколько нам это известно) от Курно* и несомненно был первым автором, использовавшим теорию полезности для формулировки некоторых элементарных теорем в области анализа затрат и выгод общественных проектов.

Джевонс* не был знаком с работой Дюпюи, когда он писал свою «Теорию политической экономии» (1871), и даже Маршалл* утверждал, что ничего не знал о Дюпюи, когда разрабатывал собственные идеи где-то в 1870-х годах. Однако оба эти автора позднее отдали щедрую дань восхищения первопроходческим усилиям Дюпюи.

Литература

W.S. Vickrey, *Dupuit, Jules, International Encyclopedia of Social Sciences*, vol.4, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); R.B. Ekelund, Jr., and R.F. Hébert, *Public Economics at the École des Ponts et Chaussées 1830–1850*, *Journal of Public Economics*, 2, July 1973.

Жугляр
Клемент
Juglar Clément
(1819 — 1905)

Если кто-то и может быть выделен как первый человек, установивший феномен периодических деловых циклов как неотъемлемый факт экономической жизни, так это Клемент Жугляр с его в значительной степени описательным исследованием «О торговых кризисах и их периодическом повторении во Франции, Англии и США» (*Des crises commerciales et de leur retour périodique en France, en Angleterre et aux Etats-Unis, Of Commercial Crises and Their Periodic Return in France, England and the United States*, 1862). Конечно, он не был первым, кто заметил отклонения в уровне экономической активности или даже подозревал, что они отмечаются с регулярной периодичностью. Помимо всего прочего, «Принципы политической экономии» Джона Стюарта Милля содержали рассуждение о «периодических внезапных резких изменениях в торговле». Тем не менее, периодическая регулярность экономических флуктуаций оставалась обсуждаемым феноменом, и такие отклонения, в частности, было принято объяснять случайными экзогенными воздействиями на экономическую систему в виде неурожаев или войн. Жугляр не только показал, что циклы в этих трех странах могут быть прослежены по ряду индикаторов, все из которых изменяются совместно (таких как оптовые цены, процентные ставки, банковские дисконты и ссуды, количество банкнот в обращении).

нии и банковские депозиты), но и что они колеблются последовательно в промежутке от 5 до 9 лет со средней продолжительностью в 6 лет. Более того, он настаивал, что циклы являются неотъемлемым свойством капиталистической системы, эндогенным проявлением поведения экономических агентов, хотя и обостряемым, но принципиально независимым от климатических и политических событий.

Клемент Жугляр родился в 1819 г. Он был сыном врача и последовал по стопам своего отца, сам став доктором. Его медицинское образование способствовало появлению интереса к демографии, а от демографии — к колебаниям между фазами подъема и депрессии, влияющим на уровни рождаемости и смертности. После опубликования статьи о торговых кризисах в 1856 г., он участвовал в конкурсе работ на тему торговых кризисов и завоевал приз своей книгой 1862 года. Он расширил ее в 1889 г. до исторического обзора деловых циклов в трех странах с 1803 по 1882 гг. Он сделал лишь скромную попытку обобщить свои данные, и определенно нельзя сказать, что он представил теорию деловых циклов. Только со времен книги Шумпетера «Деловые циклы» (*Business Cycles*, 1939) стало обычной практикой называть современные 7–11-летние деловые циклы как циклы Жугляра в отличие от более короткого 3–5-летнего цикла Китчина и гораздо более продолжительного 40–60-летнего цикла Кондратьева.

Жугляр преподавал статистику в Париже в Свободной школе политических наук (*École Libre des Sciences Politiques*), основал статистическое общество, был избран президентом французского Общества социальной экономики и, как говорят, пользовался значительным успехом как предсказатель поворотных моментов деловой активности.

Литература

A. Marshall, *Juglar, Clément*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.8, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Зомбарт**Вернер***Sombart Werner*

(1863 — 1941)

Вернер Зомбарт начал свою карьеру ученого в 1890 году как марксист и завершил ее в 1930-х годах как сторонник нацизма, написав в течение этого времени семь книг, посвященных одному и тому же вопросу — возникновению капитализма, причем в каждой следующей книге давалось новое объяснение этого феномена. Одна из первых публикаций Зомбарта была посвящена выходу в свет третьего тома «Капитала» Маркса в 1894 г. Два года спустя Зомбарт опубликовал статью «Социализм и социалистическое движение» (*Socialism and the Social Movement*, 1896), также весьма промарксистского характера; однако последующие расширенные и дополненные издания этой статьи отличались все более негативным отношением как к социализму, так и к марксизму. В 1902 году Зомбарт опубликовал два первых тома своего фундаментального труда «Современный капитализм» (*Der moderne Kapitalismus*); третий же том вышел в свет лишь в 1927 году. В этой книге Зомбарт приписывает возникновение промышленного капитализма разрастанию «духа рационализма» и «стяжательства» в лоне феодального общества и предсказывает неизбежную смену капитализма социализмом.

В книге «Евреи и современный капитализм» (*The Jew and Modern Capitalism*, 1911) Зомбарт утверждает, что распространение

«духа» капитализма после эпохи инквизиции было обусловлено расселением по странам Северной Европы евреев, которые принесли с собой новую мораль, новую концепцию правовых отношений и дух коммерческой предприимчивости. В «Квинтэссенции капитализма» (*Der Bourgeois*, 1913, в англ. перев. *The Quintessence of Capitalism*, 1915), Зомбарт объединил изложение своих воззрений на иудаизм с опровержением тезиса Вебера о ключевой роли кальвинизма в становлении духа современного капиталистического общества. Зомбарт утверждал, что пуританство вообще, а кальвинизм в частности, был фактически враждебен буржуазным ценностям — расчетливости, рациональному подсчету и приверженности интересам «этого мира». В то же время, однако, он утверждал, что взгляды иудеев и пуритан почти во всем сходятся, приходя к парадоксальному утверждению о том, что «пуританство — это иудаизм». При этом подразумевалось, что иудаизм подготовил почву для капитализма уже в XVI столетии, а пуританство, появившись на сцене позднее, лишь позаимствовал у иудаизма моральное оправдание частного предпринимательства.

Как будто существовавшей к тому моменту путаницы с его объяснениями причин возникновения капитализма было еще недостаточно, в 1913 году Зомбарт опубликовал два «Исследования по истории развития современного капитализма» (*Studien zur Entwicklungsgeschichte des modernen Kapitalismus*), в первом из которых, названном «Роскошь и капитализм» (*Luxury and Capitalism*), прослеживаются ранние стадии развития капитализма, начиная с XII столетия: разрастание городов, зарождение практики банковского кредитования и, в особенности, возникновение рыцарства. Этому явлению Зомбарт приписывает появление нового типа «эмансипированной» женщины, которая заразила бережливых прежде купеческих жен стремлением к экстравагантности, роскоши и расточительству. По мнению Зомбарта, эта тяга к роскоши и привела к появлению капитализма.

Если сложить все книги Зомбарта вместе, то становится очевидным, что он во много раз перевыполнил свою задачу: в его трудах содержится столько объяснений причин появления капитализма, что это явление, некогда бывшее загадкой истории, стало казаться настолько неизбежным событием, что, даже не случись той или иной из его предпосылок, оно все равно должно было произойти.

Зомбарт родился в 1863 году в немецком городе Эрмслебене. Его отец, землевладелец и промышленник, входил в либеральное крыло прусского парламента. Вернер Зомбарт изучал юриспруденцию, экономику и историю в университетах Пизы, Рима и Берлина. Написав диссертацию под руководством Шмоллера* и Адольфа Вагнера (1835–1917), ведущих специалистов «молодой» немецкой исторической школы, Зомбарт в 1888 году получил докторскую степень в Берлинском университете. После двух лет службы в Бременской торговой палате Зомбарт возобновил свою академическую карьеру, получив место в Университете Бреслау, а в 1906 году — в Берлинской высшей торговой школе. После смерти обоих своих учителей, Шмоллера* и Вагнера, в 1917 году Зомбарт занял их место в профессуре Берлинского университета. Одной из последних его публикаций была книга «Новая социальная философия» (*A New Social Philosophy*, 1934), в которой автор сделал попытку проанализировать социальные проблемы современности «с точки зрения национал-социализма (то есть нацизма)». У нацистов, несомненно, должно было возникнуть некое недовольство ранними воззрениями Зомбарта на роль евреев в истории, но все же отношение властей к нему было скорее положительным: Зомбарту было позволено спокойно уволиться со службы, а в 1937 году переиздать некоторые части «Новой социальной философии». Зомбарт умер в разгаре Второй мировой войны, в 1941 году.

Литература

J. Kuczynski, *Sombart, Werner*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 15, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); F.M. Baglione, *Sombart, Werner*, Thinkers of the 20th Century, E. Devine et al. (eds.) (Macmillan, 1983).

Каннингем

Уильям

Cunningham William

(1849 — 1919)

Уильям Каннингем более чем кто-либо ответствен за утверждение экономической истории в качестве самостоятельной дисциплины в британских университетах: его книга «Рост английской промышленности и торговли» (*Growth of English Industry and Commerce*, 1882) очертила предмет этой дисциплины, положила основание ее методам и оказала огромное стимулирующее влияние на преподавание и исследовательскую работу. Когда Маршалл* выпустил «Принципы экономической науки» (1890), в начальных главах этой книги содержались беглый обзор экономической истории Европы, а также обсуждение взаимоотношений между экономической теорией и экономической историей. Каннингем поставил под вопрос компетентность Маршалла в этих областях в работе «Искажение экономической истории» (*The Perversion of Economic History*), опубликованной в *Economic Journal* в 1892. Это была одна из тех немногих критик, на которые Маршалл отозвался, и в более поздних изданиях своей книги он перенес исторический материал в приложения, в энергичной форме отказавшись при этом от любых претензий на оригинальность в обращении с историческими вопросами.

Каннингем и Маршалл оставались противниками в вопросе о месте экономической истории в подготовке экономистов. Подобно

представителям немецкой исторической школы, Каннингем верил в «относительность экономических учений»; изучение экономической истории поддерживало должное внимание к фактам и являлось, таким образом, наилучшим введением в экономическую науку. Более того, как человек, твердо веривший в национальное величие Британии и ее имперские обязанности, Каннингем был не только убежденным противником всего, что отдавало *laissez-faire*, но и рьяным защитником протекционизма. Его книга «Подъем и упадок движения в защиту свободной торговли» (*The Rise and Decline of the Free Trade Movement*, 1904) должна была глубоко задеть Маршалла, и все же остается примечательным, что Маршалл старательно избегал открытой полемики с Каннингемом (впрочем, Маршалл всегда избегал споров!).

Уильям Каннингем родился в Эдинбурге в 1849 году и был сыном видного шотландского адвоката. После непродолжительного пребывания в Эдинбургском университете и в Тюбингенском университете в Германии он поступил в 1869 г. в колледж Кая в Кембридже, где изучал этику, и окончил его с отличием три года спустя. В 1873 он был посвящен англиканской церковью в сан и с тех пор совмещал научную работу с пастырской, в итоге став архи-диаконом. В 1874–78 гг. он работал выездным лектором Кембриджского университета в промышленных городах Северной Англии. В 1884 г. вернулся в Кембридж читать лекции по истории. В 1891 г. он занял кафедру экономики им. Тука в Королевском колледже в Лондоне, но продолжал жить в Кембридже в качестве внештатного сотрудника как колледжа Троицы, так и колледжа Кая (таким образом, когда Каннингем оппонировал Маршаллу, они были фактически коллегами по университету). Он дважды пересек Атлантику в 1899 и 1914 годах для чтения лекций по экономической истории в Гарвардском университете. Каннингем был одним из основателей и первых членов Британской академии и занимал должность президента секции экономики Британской ассоциации (в 1891 и 1895 гг.) и Королевского исторического общества (в 1910–13 гг.). Умер в 1919 г. в возрасте 70 лет.

Литература

R.M. Hartwell, *Cunningham, William*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 4, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Кантильон

Ричард

Cantillon Richard

(1680 — 1734)

Ричард Кантильон — это великий «человек-загадка» в экономической науке: мы точно не знаем, когда или где он родился, хотя существуют определенные основания думать, что он был ирландцем. Не знаем мы почти ничего и о его карьере, за исключением того, что он был торговым банкиром, проводшим большую часть своей жизни в Париже.

По-видимому, он весьма преуспел в спекулятивных операциях с земельными облигациями и провел последние годы своей жизни в интенсивных путешествиях по странам Европы. Даже смерть его скрыта покровом тайны: он был убит в Лондоне в 1734 году разгневанным слугой.

Когда он написал свою единственную известную книгу «Очерк об общей природе коммерции» (*Essay on the Nature of Commerce in General*) мы тоже не знаем, но опубликована она была в 1755 году, спустя 21 год после его убийства. Задолго до этого она ходила в виде рукописи среди французских и английских экономистов, широко цитировалась и даже подвергалась беззастенчивому плагиату. Юм*, Тюрго*, Стюарт* и Адам Смит* цитировали ее и определенно попали под ее влияние.

Тем не менее «Очерк», примечательный тем, что по сути был первым четким исследованием действия автоматического рыноч-

ного механизма, погрузился в пучину неизвестности и оказался настолько забытым, что Дживонс* наделал много шума в 1881 году, когда вновь привлек внимание к этому долгое время игнорируемому шедевру.

Кантильон был физиократом в своем отношении к структуре расходов лендлордов и меркантилистом в своей убежденности в положительных свойствах избыточного экспорта. Но, если отбросить в сторону знание о том, что он писал за 30, а, возможно, и за 40 лет до Адама Смита, его подход является удивительно пост-смитианским, оперирующим тройственным делением на заработную плату, прибыль и процент в качестве доходов трех различных социальных классов, проводящим различие между «внутренней ценностью» товаров и их «рыночной ценой», постоянно разделяющим анализ в терминах сил спроса и предложения, фокусирующим внимание на равновесных результатах и опускающим моральные возражения как неуместные при данном обсуждении.

Среди многих превосходных проблесков гениальности в этом «Очерке» по меньшей мере два момента выступают как превосходящие все то, что найдено в экономической теории до XX века. Это, во-первых, его анализ предпринимателя как человека, который «покупает по определенной цене, чтобы продать по неопределенной цене» — арбитраж во времени и в пространстве. Предприниматель может быть торговцем или землевладельцем, но в равной степени он может быть и капиталистом, использующим чужой труд; однако, во всех случаях предпринимательская роль остается непосредственно за тем, кто принимает решения в условиях неопределенности.

Адам Смит читал Кантильона, но совершенно проигнорировал его рассуждение о предпринимательстве; в результате предпринимательство просто исчезло из экономической науки на срок более века. Во-вторых, Кантильон провел детальный анализ воздействия увеличения предложения денег на цены, различая случаи, в которых денежное предложение увеличивается благодаря росту добычи золота в стране, и ситуации, в которых складывается благоприятный торговый баланс даже при отсутствии в стране золотых приисков.

Его главный вывод состоял в том, что во всех случаях изменится не только уровень, но и сама структура цен через прямое воз-

действие дополнительных денег на характер расходов различных социальных групп.

Литература

J.J. Spengler, *Cantillion, Richard*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

А

Кассель
Карл Густав
Cassel Carl
(1866 — 1945)

К моменту своей смерти в 1910 году Вальрас* имел ряд последователей в Италии и Америке, но в основных центрах академической экономической науки того времени — Англии, Германии и Австрии — реакция на теорию общего равновесия была в лучшем случае равнодушной, а в худшем — враждебной; математическая форма, в которой Вальрас выразил свои идеи, была сама по себе достаточной гарантией продолжительного отказа от его произведений. Что сохранило теорию общего равновесия в живых, так это книга Касселя «Теория общественной экономики» (*Theory of Social Economy*, 1918), которая представила систему Вальраса в весьма упрощенном виде, избавив от всех математических подробностей. И действительно, упрощение было лозунгом всего представления Касселя: теория полезности была отвергнута на тех основаниях, что никто никогда не изобретал метода измерения полезности, и имеющая отрицательный наклон кривая спроса на товары формулировалась в стиле Курно* как эмпирически установленный факт. Все распределение на основе предельной производительности также было отвергнуто, а вместо этого ценообразование на факторы производства объяснялось, отчасти тайком, на основе допущения о фиксированных коэффициентах производства. В целом, относительные цены объяснялись просто соотношением между «редкостью»

и «потребностями». Простота аргументации и замечательная доступность книги Касселя обеспечили ей успех. Она была переведена на многие языки и была, вероятно, самым широко читаемым учебником по экономике в годы между двумя мировыми войнами.

Его более ранняя работа «Сущность и необходимость процента» (*The Nature and Necessity of Interest*, 1903) также получила широкую известность. Кассель отбросил все сложные аргументы теории капитала и процента Бем-Баверка* и вместо этого вернулся обратно к проведенному Вальрасом различию между потребительскими товарами краткосрочного пользования и капитальными товарами длительного пользования, услуги которых становились доступными только после неопределенного периода «ожидания». «Ожидание» как величина, измеряемая в двух отношениях — как сумма денег и промежуток времени, — рассматривалось в качестве отдельного фактора производства; процент возникал просто благодаря внутренне присущей редкости этого фактора. Обращаясь к причинам, управляющим предложением ожидания, Кассель отрицал, что кривая предложения сбережений обязательно имеет положительный наклон на всем своем протяжении. Тем не менее, — и это был один из наиболее удачных аргументов книги — существует нижний предел в 2–3%, ниже которого процентная ставка вряд ли снизится из-за ограниченной продолжительности человеческой жизни. При ставке процента ниже, чем, скажем, 2%, жизнь человека в трудоспособном возрасте слишком коротка, чтобы сделать возможным для большинства людей сбережение достаточной суммы для обеспечения себя в старости, то есть ликвидируется сам стимул сберегать. Короче говоря, когда ставка процента падает до 2 или 3%, острый дефицит ожидания гарантирует ее последующий рост.

Международная репутация Касселя улучшилась после Первой мировой войны благодаря его участию в дискуссии о репарационных платежах Германии и восстановлении золотого стандарта. В работе «Мировые финансовые проблемы» (*The World's Monetary Problems*, 1921), содержащей два меморандума, написанных для Лиги Наций, Кассель выводит простое правило для определения того, находится ли обменный курс национальной валюты в состоянии равновесия: а именно, он должен находиться в таком же отношении, которое существует между уровнями цен данной страны

и любой другой; говоря коротко, равновесные валютные курсы определяются как отношения между уровнями цен в различных странах. Это и есть знаменитая «теория паритета покупательной способности», которая навсегда осталась связанной с именем Касселя. Строго говоря, это некорректная теория, поскольку обменные курсы двух валют могут в лучшем случае зависеть от их относительной покупательной способности по одинаковым экспортным товарам; но цены на товары, не являющиеся предметом экспорта, обычно различаются от страны к стране. Другими словами, теория паритета покупательной способности игнорирует большое количество факторов, которые создают расхождения в средних ценах всех товаров между этими двумя странами. Тем не менее, во время всплесков активности, когда международные цены быстро изменяются, эта теория предлагает полезное динамическое правило для приблизительной оценки равновесных валютных курсов, и в общем случае можно справедливо считать, что ни одна страна не сможет избежать падения валютного курса, если ее внутренние цены растут с темпом, превышающим средние темпы инфляции в остальной части мира.

С ростом безработицы в 1930-х годах, Кассель проявил себя как один из ведущих критиков всех квази-кейнсианских лекарств для преодоления Великой депрессии, таких как общественные работы, пособия по безработице и, по сути, всех форм дефицитного финансирования. Когда была опубликована «Общая теория» Кейнса (1936), он отозвался о ней без малейших признаков симпатии и приложил усилия к тому, чтобы опровергнуть предложения Кейнса по мерам борьбы с безработицей.

Кассель родился в Стокгольме в 1866 году и получил докторскую степень по математике в Университете Уппсалы в 1895 г. После работы в должности преподавателя в Стокгольме на протяжении нескольких лет он заинтересовался экономикой и уехал в Германию для изучения этого предмета. Его первая статья в 1899 году и первая книга в 1900 вышли в Германии. Он вернулся в Швецию в 1901 г. и был принят на должность профессора экономики в Стокгольмский университет в 1903 г. Этот пост он занимал до 1936 г. В течение нескольких лет деятельность его кафедры в Стокгольме частично пересекалась с работой кафедры Викасселя в университете города Лунда, но эти два человека никогда не виделись друг с другом. Викасель* опубликовал резкую, но эф-

фективную критику «Теории общественной экономики» Касселя, и, с точки зрения социальных и политических взглядов, конечно, трудно представить двух более отстоящих друг от друга людей. Кассель прекратил публиковаться по вопросам экономики в 1938 г. и умер в 1945 г. в возрасте 78 лет.

Литература

К.Г. Landgren, *Cassel, Karl Gustav*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

|

Кейнс

Джон Мейнард

Keynes John Maynard

(1883 — 1946)

Джон Мейнард Кейнс, несомненно, является главной фигурой в экономической теории XX века, и, возможно, он единственный, кого можно поставить рядом с Адамом Смитом*, Рикардо*, Маршаллом* и Вальрасом* в экономической Галерее славы. Его репутация основывается не только на книге «Общая теория занятости, процента и денег» (*General Theory of Employment, Interest and Money*, 1936), которая породила так называемую «кейнсианскую революцию», но и на других его работах, наиболее примечательными из которых являются «Трактат о вероятности» (*A Treatise on Probability*, 1921) и «Трактат о деньгах» (*A Treatise on Money*, 1930), а также на его влиянии как советника Британского казначейства, его центральной роли на Бреттон-Вудской конференции 1944 г., на которой были созданы Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития, и благодаря его выдающемуся месту в культурной и интеллектуальной жизни того времени как журналиста и оратора.

Его острая критика Версальского мирного договора с Германией (1919) в работе «Экономические последствия мира» (*The Economic Consequences of the Peace*, 1919) сделала его знаменитым в один день и эффективно подорвала общественную поддержку этого договора. Его ранние экономические работы, примером

которых служат «Индийская денежная система и финансы» (*Indian Currency and Finance*, 1913) и «Трактат о денежной реформе» (*A Tract on Monetary Reform*, 1923), были написаны в традициях Маршалла, но в период кризиса 1920-х годов он все больше стал рассматривать консервативные экономические меры как причину экономических проблем Британии. Начиная с этого момента, он разрабатывает новую теорию дохода, основанную на понятии «функции потребления», «теории процента на основе предпочтения ликвидности» и негибкости денежной заработной платы. Функцией потребления он назвал взаимосвязь между совокупными потребительскими расходами и национальным доходом, которая состоит в том, что потребительские расходы всегда растут менее чем пропорционально доходу, оставляя разрыв в сбережениях, который могут заполнить только частные или государственные инвестиции. Теория процента на основе предпочтения ликвидности подчеркивает роль процентной ставки как вознаграждения за воздержание от использования преимуществ денег как единственного абсолютно ликвидного актива. Негибкость заработной платы, наиболее спорный из основных принципов Кейнса, основывался на реалистической оценке рынка труда в современной индустриальной экономике. Полная занятость, говорил Кейнс, могла бы поддерживаться в капиталистической экономике, но только если правительство было бы готово использовать антициклические бюджетные дефициты, чтобы компенсировать внутреннюю тенденцию к образованию частных избыточных сбережений.

В наши дни трудно оценить эффект разорвавшейся бомбы, произведенный «Общей теорией». В последовавшие за ее выходом годы возник миф, что именно радикальные взгляды Кейнса на экономическую политику были ответственны за разрыв с ортодоксией. Согласно этому мифу, все экономисты и правительства оказались беспомощными перед лицом краха 1929 года, защищая сбалансированные бюджеты и урезая денежные заработные платы или позволяя событиям идти самим по себе; только Кейнс предложил эффективное и реалистичное средство против Великой депрессии. Но взгляд на «Общую теорию» показывает, что это сугубо теоретическая книга, и в ней не более 25 страниц посвящено практическому применению рассуждений: это книга о теоретических расхождениях во взглядах на то, как работает экономика, а не о разногласиях в том, что следует делать с этой экономикой. Факти-

чески, многие ортодоксальные экономисты за много лет до Кейнса защищали общественные работы, денежную экспансию и антициклические бюджетные дефициты как средства борьбы с безработицей.

То новое, что привнес Кейнс, заключалось, во-первых, в стремлении работать почти исключительно с агрегированными макроэкономическими переменными и сводить всю экономику к трем рынкам — товаров, облигаций и труда; во-вторых, в концентрации на коротком временном интервале и отбрасывании в сторону рассмотрения длительного периода, который находился в центре анализа у его предшественников; и, в-третьих, в перенесении всего веса приспособлений к меняющимся экономическим условиям на объем выпуска или доход, а не на цены. Равновесие для экономики как единого целого теперь подразумевало «равновесие при неполной занятости», и введение этого на первый взгляд противоречивого понятия означало глубокое изменение позиции современных экономистов, которые всегда были уверены в том, что конкурентные силы в конечном итоге автоматически двигают экономику в направлении устойчивого состояния полной занятости.

Постепенное, но все более расширявшееся принятие большинства взглядов Кейнса в первые годы после Второй мировой войны на некоторое время подняло кейнсианство до положения господствующей ортодоксии. Теория цен и микроэкономика заняли второе место после макроэкономики, анализ длительного периода практически исчез, а управление спросом — мнение, что государство может добиться полной занятости и стабильности цен посредством корректировки экономических переменных, — получило всеобщее распространение. Однако в последние годы все эти элементы кейнсианства постоянно подвергались нападкам, и его звезда определенно начинает склоняться к закату. Но даже при этом Кейнс остается одним из трех или четырех наиболее влиятельных из всех когда-либо живших экономистов.

Он родился в 1883 году и был сыном Джона Невилла Кейнса*, который сам был экономистом и философом из Кембриджа, чей труд «Предмет и метод политической экономии» (*Scope and Method of Political Economy*, 1891) относится к классическим. После получения стипендии по классическим предметам и математике в Королевском колледже Кембриджа молодой Кейнс поступил на государственную службу и стал участвовать в деятельности Блумс-

берийской группы — литературного кружка, который включал такие известные имена, как Литтон Стречи, Вирджиния Вульф и Бертран Рассел. В 1908 г. он получил дотацию на научные исследования в Королевском колледже и начал работать над проблемами денежного обращения в Индии и теорией вероятности. Вскоре после начала войны он поступил на работу в казначейство и быстро продвигался по службе, став главным представителем казначейства на Версальской мирной конференции. После войны он возвратился в Кембридж на преподавательскую работу, впоследствии став казначеем Королевского колледжа. Он также начал спекулировать на валютном рынке, действуя в качестве консультанта для нескольких фирм, получил место председателя в одной из ведущих страховых компаний, часто печатался в *Manchester Guardian* и *The Nation*, а также редактировал престижный «Экономический журнал» (*Economic Journal*). В 1930 г. он стал членом Экономического консультационного совета и комитета Макмиллана по финансам и промышленности. Его поразительно активная карьера, тем не менее, оставила ему время для опубликования ряда элегантно написанных мемуаров и биографий, в частности «Очерков об убеждениях» (*Essays in Persuasion*, 1931) и «Биографических очерков» (*Essays in Biography*, 1933). Во время Второй мировой войны он вернулся на работу в казначейство и последние годы своей жизни почти целиком посвятил работе над устройством работоспособной международной валютной системы. В 1942 году он стал лордом.

Королевское экономическое общество под редакторским руководством Остина Робинсона, Элизабет Джонсон и Дональда Могриджа с 1971 года занималось изданием полного собрания его опубликованных и неопубликованных работ в 30 томах, которое только недавно было завершено.

Литература

R.F. Harrod, *The Life of John Maynard Keynes* (Macmillan, 1951); M. Keynes (ed.), *Essays on John Maynard Keynes* (Cambridge University Press, 1975); D.E. Moggridge, *Keynes* (Fontana/Collins, 1976); R. Skidelsky, *John Maynard Keynes, I—Hopes Betrayed 1883–1920* (Macmillan, 1983).

Кейнс

Джон Невилл

Keynes John Neville

(1859 — 1949)

Джон Невилл Кейнс, отец Джона Мейнарда Кейнса, написал только две книги: одна — по формальной логике, другая — учебник «Предмет и метод политической экономии» (*Scope and Method of Political Economy*, 1981), первое серьезное изложение методологии английских экономистов со времен работы Кернса «Природа и логический метод политической экономии» (1857). Кейнс провел всю свою жизнь в Кембриджском университете, сначала как член совета Пемброк-колледжа с 1876 года и далее, а затем как университетский секретарь с 1910 по 1925; он был в близких отношениях с Маршаллом*.

Его книга была написана как дополнение к «Принципам» Маршалла (1890) и отражала мнение Маршалла о том, что методологические противоречия, спровоцированные критикой немецкой и английской исторических школ, могли бы быть сглажены посредством умеренного изложения вопросов, отвергающего крайние точки зрения «более молодых» исторических экономистов, которые требовали полного преобразования экономической теории на основе истории, но отмечающего, что эффективное применение экономической теории требует оценки исторических сил, которые препятствуют чистому действию экономических законов.

Однако по фундаментальному вопросу, является ли экономика индуктивной или дедуктивной наукой, Кейнс твердо стоял на том, что прямая индукция конкретных фактов, или то, что назвалось методом *a posteriori*, не является приемлемой отправной точкой в таких предметах, как экономика. Правильной процедурой был бы метод *a priori*, начинающийся с «немногочисленных и неотъемлемых свойств человеческой натуры, ... физических характеристик земли и психологического состояния человека». Он утверждал, что обращение к фактам появляется тогда, когда мы применяем чисто гипотетические законы экономической теории в интерпретации событий: «сравнение с наблюдаемыми фактами представляет собой *проверку* имеющихся дедуктивных выводов и дает возможность установить *пределы* их применения». Он симпатизировал, но не испытывал чрезмерного энтузиазма относительно использования математики и статистики в экономической теории. Разумеется, современный этап истории статистики, связанный с такими именами как Карл Пирсон, Джордж Юл и Рональд Фишер, еще только начинался в 1891 году. Кейнс соглашался, что статистика важна при проверке и подтверждении экономических теорий, но он не привел ни одного примера экономического противоречия, которое когда-либо было разрешено при помощи статистической проверки, хотя подобные примеры нетрудно было найти в работах Кернса*, Джевонса* и Маршалла*. В результате у его читателей оставалось непреодолимое впечатление, что, поскольку предположения экономической теории в целом верны, предсказания экономической науки также в основном справедливы, и всякий раз, когда это не так, тщательный поиск фактов обнаружит какие-то мешающие факторы, которые должны нести ответственность за это противоречие.

Таким образом, несмотря на тот факт, что он хвалил Адама Смита* как идеального экономиста за метод, в котором тот объединил абстрактно-дедуктивное и историко-индуктивное обоснование, его книга в основном занимается оправданием абстрактно-дедуктивного взгляда Рикардо* на экономическую науку — взгляда, который Кейнс сделал более комфортным, вновь подчеркнув пропасть, которая отделяет позитивную науку от нормативного подхода политической экономии. Книга «Предмет и метод политической экономии» пользовалась большим успехом. Ясное изложение вопросов и сознательно непротиворечивый стиль были точно рас-

считаны на то, чтобы восстановить уверенность в методах «новой» экономической теории. Действительно, книга имела настолько большой успех, что более или менее убила всякий интерес к экономической методологии более чем на целое поколение. Она оставалась последним словом в философии экономики до тех пор, пока Лайонел Роббинс не ответил на новые противоречия работой «Очерк о природе и значении экономической науки» (*An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*, 1932).

Джон Невилл Кейнс по-видимому имел шанс сделать многообещающую академическую карьеру — Маршалл выдвинул его в 1890 году на должность драммондовского профессора политической экономии в Оксфорде и редактора «Экономического журнала», но случилось так, что оба эти места занял Эджуорт*, и Кейнсу пришлось работать в университетской администрации. Он ничего не публиковал после 1894 г., когда он сделал несколько статей для «Словаря политической экономии Палгрейва» (*Palgrave's Dictionary of Political Economy*). Он прожил до 97 лет — достаточно долго, чтобы присутствовать на похоронах своего собственного сына в 1946 году.

Литература

D. Dillard, *Keynes, John Neville*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.8, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Кенэ

Франсуа

Quesnay François

(1694 — 1774)

Франсуа Кенэ — один из тех экономистов, чьи труды многие студенты и даже их преподаватели должны оставлять непрочитанными. Его рассуждения столь запутанны, вычисления столь замысловаты, а каждое слово настолько погружено в устаревшую политическую философию и экономические обстоятельства Франции XVIII века, что только годы изучения могут помочь найти какой-то смысл в его работах. Что каждый знает о Кенэ, так это его причудливая зигзагообразная диаграмма или «экономическая таблица» (*Tableau Economique*), утверждение о том, что только сельское хозяйство производит положительный «чистый продукт», а промышленность является «бесплодной», рекомендация относительно «единого налога» на земельную ренту и лозунг невмешательства государства в экономику (*laissez-faire, laissez-passer*) — и еще тот факт, что он первым основал школу экономистов, называемых «физиократами», которые пользовались огромной популярностью во Франции в 1750-х гг. Вопрос заключается в том, как все эти идеи согласуются друг с другом и почему они оказались настолько успешными.

Многие более поздние экономисты восхищались Кенэ, в том числе Смит*, Маркс* и Шумпетер*, но их восхищали не детали его аргументации, а та проницательность, которая связывала их воеди-

но. Смит был восхищен разделением, проводимым физиократами между «производительными» классами, определяющими способность экономики самовоспроизводиться от периода к периоду, и «непроизводительными» классами, которые просто создают предметы потребления в этом периоде. Маркс был восхищен верой Кенэ в то, что экономический анализ должен точно определить источник излишка сверх необходимого рабочим минимума средств к существованию, производимого в жизнеспособной экономической системе. Шумпетер, с другой стороны, восхищался основной концепцией физиократов о круговом потоке товаров в одном направлении и денег в обратном направлении, при котором поступления доходов в данном периоде становятся потоками расходов в следующем периоде.

Однако во времена Кенэ ключом к привлекательности идей физиократов стала идея о том, что сельское хозяйство, а не торговля или производство, есть движущая сила экономического роста. Даже после того, как влияние физиократов уменьшилось и началась промышленная революция, подчеркивание важности сельского хозяйства всегда сопровождалось ссылкой на работы Кенэ.

Кенэ родился в 1694 г. в семье мелкого землевладельца. Он, похоже, не имел никакого формального образования, однако преуспел в самостоятельном изучении медицины настолько, что практиковал как доктор и даже написал несколько медицинских научных трудов. В конце концов, он получил степень по медицине, но еще до этого он переехал в Версаль и, при патронаже мадам де Помпадур, стал врачом-консультантом короля Людовика XV.

Его первые публикации по экономике появились как статьи для «Энциклопедии» в 1756 и 1757 гг., когда ему было 60 лет. В 1758 г. он издал короткий памфлет «Экономическая таблица» (*Tableau Economique*, 1758), который содержал известную зигзагообразную диаграмму, своего рода таблицу затрат-выпуска, выраженных в терминах денежных потоков. К сожалению, диаграмма была им переделана три или четыре раза в более поздних публикациях, а первоначальная версия была напечатана настолько небольшим тиражом, что впоследствии была утеряна, что еще больше усилило таинственность ее значения и в дальнейшем привело к появлению большого количества работ, пытающихся раскрыть ее смысл. Самое ясное изложение доктрины физиократов содержится в книге, озаглавленной «Сельская философия» (*Philosophie rurale*, 1763),

которую Кенэ написал в соавторстве с одним из своих учеников, Маркизом де Мирабо (1715–89). Но название всему направлению было дано в другом собрании трудов Кенэ, отредактированном еще одним из его учеников, Дю Пон де Немуром (1739–1817), и опубликованным под заголовком «Физиократия» (*La Physiocratie*, 1768).

Физиократы были, по сути, движением реформ. Экономическая наука интересовала Кенэ не сама по себе, а как средство улучшения бедственного состояния французской экономики, достижения уровня Англии, которая осуществила свою сельскохозяйственную революцию, и преобразования налоговой системы, душившей французских фермеров. Большим врагом Кенэ был меркантилизм или *кольбертизм*, на протяжении долгого времени дававший специальные привилегии французской промышленности в ущерб сельскому хозяйству. Таким образом, практическая программа физиократов должна была устранить остатки средневековых пошлин и ограничений в сельском хозяйстве, рационализировать фискальную систему путем замены множества запутанных налогов единственным налогом на ренту, объединить маленькие участки в крупномасштабные сельскохозяйственные земельные владения, освободить торговлю зерном от всех меркантилистских ограничений — одним словом, сделать, как в Англии. В историческом контексте той эпохи его взгляды были чрезвычайно разумными. Только попытка аргументировать необходимость предлагаемых реформ непроверяемыми теоретическим доводами иногда приводила к натянутым рассуждениям и слегка абсурдным заключениям, вызывавшим насмешки даже у современников.

Литература

R.L. Meek, *The Economics of Physiocracy* (Alien & Unwin, 1962);
B.F. Hoselitz, *Quesnay, François*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 13, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Кернс

Джон Эллиотт

Cairnes John Elliott

(1823 — 1875)

Мак-Куллох* был по отношению к Рикардо* тем, чем Джон Эллиотт Кернс был по отношению к Джону Стюарту Миллю*, — верным учеником, который, тем не менее, никогда лично не встречался со своим учителем. В своей книге «Некоторые основные принципы политической экономии в новом изложении» (*Some Leading Principles of Political Economy Newly Expounded*, 1874) он защищал рикардианскую систему в изложении Милля, но не соглашался с «отречением» Милля от теории фонда заработной платы. Вдобавок, он взял у Милля концепцию не конкурирующих профессий на рынках труда и обобщил ее как для внутренней, так и для внешней торговли, доказывая, что как перекрестный (обратный) спрос, так и затраты производства участвуют в определении ценности в условиях несовершенной мобильности факторов производства между альтернативными вариантами их использования. Возможно, поэтому он отнесся с одобрением к радикальному введению Джевонсом* субъективной теории ценности в работе «Теория политической экономии» (*The Theory of Political Economy*, 1871). Но Кернс слишком глубоко погряз в рикардианской традиции, чтобы с пониманием отнестись к борьбе Джевонса с укоренившимися воззрениями. Его совершенно некомпетентный обзор (1892) книги Джевонса — одна из лучших в истории экономичес-

кой мысли иллюстраций трудностей в общении между новой и старой «парадигмой». Кернса называют последним представителем экономической классики, и этот титул им вполне заслужен.

Точно так же как Мак-Куллох более преуспел в прикладной, нежели теоретической работе, Кернс проявил свои лучшие качества при решении практических вопросов. В ряде статей о результатах влияния открытия золотых месторождений в Австралии на уровень цен, опубликованных между 1858 и 1860 годами, он старался отстоять старую количественную теорию денег. Основная книга «Рабская сила» (*The Slave Power*, 1862) была направлена на то, чтобы продемонстрировать правоту Адама Смита в обличении экономики рабства как по природе своей неэффективной. Эта книга стала чем-то вроде бестселлера в Англии и оказала решающее воздействие на общественное мнение в пользу позиции Севера в ходе Гражданской войны в США.

Более ранняя работа, «Природа и логический метод политической экономии» (*The Character and Logical Method of Political Economy*, 1857), выделяется как первое полномасштабное изложение методологии английских классических экономистов, построенное на очерках Сениора* и Джона Стюарта Милля, но пошедшее дальше них в бескомпромиссной настойчивости на абстрактно-дедуктивном методе, опирающемся на некоторые факты из области промышленности (такие как уменьшающиеся доходы) и принципы человеческой натуры (такие как желание максимизировать доходы при минимальных затратах) и достигающем универсальных истин независимо от конкретной политической или общественной системы.

Кернс родился в графстве Лаут, Ирландия, в 1823 году. Он закончил Тринити-колледж в Дублине в 1848 г. и продолжил учебу до получения степени магистра в 1854 году. В 1856 г. он был назначен заведующим кафедрой политической экономии в Тринити-колледже, Дублин. Год спустя он был принят в ирландскую адвокатуру, но никогда фактически не занимался правом. В 1859 г. он стал профессором политической экономии и юриспруденции Королевского колледжа, Голуэй. Он оставался на этой должности до 1870 г., хотя жил в Лондоне с 1865 г. В 1866 г. он совместил этот пост с должностью профессора в Университи-колледже, Лондон (здесь также имеется параллель с Мак-Куллохом), с

которой ушел в 1872 г. по состоянию здоровья. Он умер в 1875 г. в относительно молодом возрасте 52 лет.

Литература

R.D.C. Black, *Cairnes, John Elliott*, International Encyclopedia of the Social Science, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Кларк

Джон Бейтс

Clark John Bates

(1847 — 1938)

Имя Джона Бейтса Кларка навсегда останется связанным с одной из величайших ошибок в современной экономической науке: использованием теории предельной производительности в целях обеспечения этического оправдания для функционального распределения дохода, согласно которому владельцы всех факторов производства получают ровно столько, сколько они «заслуживают», то есть свои предельные продукты. Несмотря на этот ужасный промах, который был немедленно отвергнут абсолютно всеми, Кларк был американским первопроходцем в области теории распределения на основе предельной производительности, которую он разработал в серии революционных статей в 1889 и 1891 гг., более или менее одновременно с независимыми попытками Стюарта Вуда (1853–1914), Уикстида*, Вальраса* и Бароне*. Примечательно, что именно книга Генри Джорджа* «Прогресс и бедность» (*Progress and Poverty*, 1879), судя по всему, подтолкнула Кларка обобщить теорию ренты Рикардо, применив принцип убывающей доходности не только к земле, но также и к любому фактору, остающемуся постоянным и скомбинированному в различных пропорциях с другим фактором; таким образом, каждый вид дохода можно интерпретировать как дифференциальный излишек, родственный земельной ренте. Это явно опровергало нападки Джорджа на

лендлордов. Короче говоря, резкие обличительные речи Джорджа не только побудили Кларка создать теорию распределения на основе предельной производительности, но также с самого начала наложили отпечаток на изложение им этой теории.

На протяжении своей жизни взгляды Кларка постепенно «сместились» с левого края политического спектра в его правую часть. Он родился в 1847 году в Провиденсе, Род Айленд. Его семья переехала в Миннесоту, когда Кларк был подростком, и там его отец открыл небольшое предприятие по производству сельскохозяйственных орудий. Его учеба в Амхерстском колледже постоянно прерывалась из-за финансовых трудностей, и он завершил обучение только в 1872 году, когда ему было уже 25 лет. Затем он поехал учиться в Европу на три года. Некоторое время он провел в Гейдельбергском университете, работая под руководством Карла Книса (1821–98), одного из членов «старой» немецкой исторической школы. Вернувшись в Карлтон-колледж в 1875 году, он приступил к работе над своей первой книгой, «Философией богатства» (*The Philosophy of Wealth*, 1886). Эта книга отражала влияние его немецких учителей, представляя собой критику капиталистической системы, но при этом также намекала на теорию ценности с точки зрения предельной полезности Джевонса* и Менгера*. После 12 лет в Колледже Смита (1881–1893) и двух лет в Университете Джонса Хопкинса (1893–95), он начал работать на недавно образованном факультете политических наук в Колумбийском университете, где оставался до ухода на пенсию в 1923 году.

Его основное изложение теории предельной производительности впервые появилось в книге «Распределение богатства» (*The Distribution of Wealth*, 1899). За ней последовала работа «Основы экономической теории» (*Essentials of Economic Theory*, 1907), в которой он попытался перейти от того, что он считал статическим анализом в своей более ранней работе, в направлении более динамической точки зрения; однако, результатом оказался не динамический анализ в том смысле, как он понимается сейчас (построение экономических теорий, в которых рассматриваются изменения переменных во времени), а сравнительная статика, сопоставляющая одно равновесное состояние с другим. Он также опубликовал две небольших, но широко разошедшихся книги о «нечестной конкуренции»: «Регулирование трестов» (*The Control of Trusts*, 1901) и «Проблема монополии» (*The Problem of Monopoly*,

1904), и книгу о проблемах сохранения мира «Хрупкий мир» (*A Tender Peace*, 1935) — предмете, который долгое время интересовал его. Он скончался в 1938 году в возрасте 91 года.

Книга «Распределение богатства» содержала не только теорию распределения Кларка в соответствии с принципами предельной производительности, но также и его теорию капитала, разработанную как полную противоположность теории Бем-Баверка*. Кларк настаивал на четком разделении между конкретными «капитальными товарами» и абстрактным фондом «общественного капитала», для которого эти отдельные капитальные товары являлись временным воплощением. Вместо того чтобы считать капитал последовательностью «авансов» рабочим со стороны капиталистов в течение «периода производства», Кларк рассматривал капитал как постоянный фонд, непрекращающийся поток дохода. Он рассуждал так: если мы поместим себя в стационарные условия, как это всегда делает Бем-Баверк, число производственных периодов, которые подходят к завершению, в любой момент времени должно быть точно равно числу производственных периодов, которые только что начались. Следовательно, стационарное состояние, в котором чистые инвестиции равны нулю, подразумевает автоматическую синхронизацию производства и потребления; капитал обязательно сохраняет свою цельность, и в стационарном состоянии спрос на капитал существует только для целей воспроизводства (обновления); не существует никакого австрийского «ожидания» результатов производства, поскольку каждое использование ресурсов, которое приносит плоды через некоторое время, сопровождается одновременным появлением результата от вложений производственных усилий в прошлом.

Бем-Баверк атаковал теорию Кларка как «мифологию капитала», и они оба, вместе с присоединившимися Феттером*, Фишером* и рядом менее известных американских и английских экономистов, начали острое обсуждение теории капитала, которое продолжалось на протяжении многих лет даже после наступления нового столетия. Это была одна из тех удивительно запутанных и противоречивых дискуссий, которые, видимо, всегда характеризовали историю теории капитала (Фрэнк Найт и Фридрих Хайек ввязались в подобное обсуждение в 1930-е годы). Потомки отдали предпочтение в этой битве Кларку — академический интерес к австрийской теории капитала быстро угас около 1905 г. или 1910 г.

На этот раз потомки были не правы, поскольку теория Кларка о совершенной синхронизации производства и потребления сегодня представляется несостоятельной: даже в стационарных условиях временная структура запаса капитала не является независимой от поведения экономических агентов, поскольку они в действительности могут увеличить текущий доход за счет отказа от замены выработавших свой ресурс капитальных благ.

Литература

J.M. Clark, *Clark, John Bates*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Кларк

Джон Морис

Clark John Maurice

(1884 — 1963)

Джон Морис Кларк, сын более известного Джона Бейтса Кларка, считал себя последователем Веблена*, Митчелла* и Коммонса*, короче говоря, институционалистом, но при этом он не претендовал на создание новой экономической теории, которая заняла бы место ортодоксальной теории цен. Напротив, он был убежден, что ортодоксальная теория цен не привела к большим ошибкам с тех пор, как она появилась на свет. Проблема состояла в том, что ее озабоченность статическим равновесием лишала ее всякой ценности при решении практических проблем. Таким образом, он видел задачу своей жизни в том, чтобы разработать динамические следствия экономической теории. В этом смысле он опирался на фундаментальное различие между статикой и динамикой, которое отстаивал его отец, соглашаясь с ним (и в этом смысле с Маршаллом*) в том, что анализ статичного равновесия не является завершением, но лишь началом тщательного исследования экономических феноменов. Эта точка зрения отлично суммирована в его наиболее известной статье «К концепции эффективной конкуренции» (*Toward a Concept of Workable Competition*, 1940), которая справедливо рассматривалась как имеющая большее влияние на развитие теории промышленной организации как специальной области исследования в экономической науке, чем любая другая

публикация со времен «Теории монополистической конкуренции» Чемберлина. Понятие совершенной конкуренции с ее свойствами оптимальности по Парето является, как знает каждый, неприменимым в том виде, как оно сформулировано, к любой реальной рыночной экономике. Чтобы оценить деятельность отраслей и разработать эффективные антимонопольные законы для поддержания конкуренции, необходимо некоторое определение «действующей», а не «совершенной» конкуренции. Задача Кларка в этой статье состояла в том, чтобы предложить не набор механических правил, а некоторые эмпирические правила, касающиеся свободы входа и альтернативных возможностей, доступных потребителям, с целью помочь судам оценить, находится ли отрасль в состоянии эффективной конкуренции или нет. Статья Кларка вызвала бурное развитие исследований в 1940-е и 1950-е годы в области, которая получила название «структурно-поведенчески-функциональная модель промышленной организации». Если взять более близкие к нам времена, то еще одним отголоском статьи Кларка является развитие теории «состязательных рынков».

Только статья Кларка «Акселерация бизнеса и закон спроса» (*Business Acceleration and the Law of Demand*, 1917) и его книга «Исследования по экономике накладных расходов» (*Studies in the Economics of Overhead Costs*, 1926) получили известность, сравнимую с его эссе по действующей конкуренции. Статья вернула к жизни принцип акселератора Афтальона* (любое изменение в потребительском спросе приводит к еще большему изменению в инвестиционном спросе) и связала его с возникновением деловых циклов. В книге о накладных расходах исследовалась роль внутренней экономии на масштабах производства в объяснении роста монополий, различии между внутренней и внешней экономией и между экономией в производстве и в маркетинге. Это была книга, соответствующая своей эпохе в том смысле, что все ее элементы вошли в работы более поздних авторов, но она полна примечательных предвидений и является весьма полезной для демонстрации того, как Чемберлин* и Робертсон* вскоре пришли к своим теориям монополистической и несовершенной конкуренции.

Джон Морис Кларк родился в Нортхэмптоне, Массачусетс, в 1884 году, посещал Амхерстский колледж, где и получил степень бакалавра в 1905 году. Он занимался своими аспирантскими исследованиями по экономической теории в Колумбийском универ-

ситете (там же преподавал его отец), получив докторскую степень в 1910 году за диссертацию по ценообразованию на железных дорогах, странно озаглавленную «Нормативные основания дискриминации при местных грузоперевозках» (*Standards of reasonableness in Local Freight Discriminations*, 1910). Он уже начал преподавать в колледже Колорадо, но переехал в Амхерст, откуда через пять лет перешел в Чикагский университет. В 1926 он оставил Чикаго, чтобы стать профессором экономики в Колумбийском университете, где он оставался более 30 лет до ухода на пенсию в 1957 году. Он был президентом Американской экономической ассоциации в 1922 году. Эта организация наградила его медалью Фрэнсиса А. Уолкера в 1952 г. за выдающуюся деятельность в области экономической науки. Он скончался в 1963 году в возрасте 79 лет.

Кларк опубликовал за время своей жизни невероятно много работ по проблемам антимонопольного законодательства, деловым циклам, экономическим издержкам войны, проблемам послевоенной демобилизации, макроэкономике управления спросом, теории инфляции, функционированию рынка труда и перспективам развития капитализма. Однако, немногие из его книг остались в памяти, поскольку он склонен в манере Джона Стюарта Милля излагать идеи целиком, со всеми соответствующими оговорками и модификациями. Таким образом, требуется тщательное чтение «Стратегических факторов в деловых циклах» (*Strategic Factors in Business Cycles*, 1934), чтобы заметить, как много идей Кейнса предвосхитила эта работа. Аналогично его «Альтернатива крепостному праву» (*Alternative to Serfdom*, 1948), ответ на «Дорогу к рабству» (*Road to Serfdom*, 1944) Фридриха Хайека, редко рассматривается как чрезвычайно эффективный ответ на тревоги Хайека о «ползущей инфляции».

Наконец, его последняя книга «Конкуренция как динамический процесс» (*Competition as a Dynamic Process*, 1961) содержит многое из того, что позднее провозглашалось как одна из великих идей современной австрийской экономической теории, а именно то, что ортодоксальная экономика представляет собой теорию равновесных состояний, при этом она не содержит теории процесса, при помощи которого достигается конкуренция. Это еще раз напоминает о том, что нет ничего нового в истории экономической мысли, или, точнее, все, что претендует

на новизну, должно излагаться таким образом, чтобы привлечь к себе внимание.

Литература

J.W. Markham, *Clark, John Maurice*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Клэпхем

Джон Гарольд

Clapham John Harold

(1873 — 1946)

Первоначально занимаясь историей Европы, Джон Клэпхем обратился к изучению экономической истории Британии и в особенности экономической истории Англии XIX века по настоянию Маршалла*. Он родился в Салфолде, графство Ланкашир, в 1873 году в семье ювелира и серебряных дел мастера. После получения степени бакалавра истории в Кембриджском университете, Клэпхем сдружился с Маршаллом как товарищем по Королевскому колледжу в Кембридже в период с 1898 по 1902 гг. В 1902 г. он переехал в Лидс в качестве профессора экономики и написал свою первую монографию по XIX веку «Шерстяная и камвольная промышленность» (*The Woollen and Worsted Industries*, 1907). В 1908 г. он вернулся в Королевский колледж в качестве декана, преподавателя-ассистента по истории и, конечно, коллеги Маршалла. Его следующая книга «Экономическое развитие Франции и Германии, 1815–1914» (*The Economic Development of France and Germany, 1815–1914*, 1921) ясно продемонстрировала влияние Маршалла в отношении таких факторов как роль положительной и отрицательной экономии от масштаба в структурной эволюции французской и немецкой промышленности. Но в следующем году последовала великая ересь: статья, озаглавленная «Пустые коробки экономической теории» (*Of Empty Economic Boxes*) и опубли-

кованная в журнале Кембриджского университета *Economic Journal* (1922).

Коробками экономической теории, которые Клэпхем провозгласил пустыми, оказалось не что иное, как основные строительные блоки системы Маршалла, а именно — те отрасли с возрастающими и убывающими затратами, которые, как говорил Маршалл своим читателям, нужно облагать налогами и субсидировать с целью максимизации экономического благосостояния. «Но как мы должны определять, относятся ли отрасли к той или иной категории?», — спрашивал Клэпхем. Проблема разделения результатов экономии от масштаба и результатов технического прогресса делает невозможным утверждение о том, соответствует ли какая-либо отрасль закону возрастающих, убывающих или постоянных затрат. Существует, заключал он, «большая опасность для преимущественно практической науки, какой является экономика, в выработке гипотетических выводов о, скажем, человеческом благосостоянии и налогах в отношении отраслей, которые не могут быть точно определены». Эта критика была фактически сокрушительным ударом по применимости предложений Маршалла о налогах и субсидиях. Маршалл сам не ответил на это, будучи в то время уже старым человеком, который никогда не любил споры, даже в молодости.

Но некоторые из его учеников сделали это. В результате развернулась дискуссия, которая протекала на страницах *Economic Journal* до конца этого десятилетия, достигнув кульминации спустя 10 лет в книге Джоан Робинсон «Экономика несовершенной конкуренции» (*Economics of Imperfect Competition*, 1933).

Клэпхем не участвовал в дальнейших дебатах о пустых коробках, но полученный опыт по-видимому привил ему на всю оставшуюся жизнь скептическое отношение к экономической теории, по крайней мере, к ее подробностям. Тем не менее, он никогда не терял из виду проблемы, которые беспокоили экономистов, и по этой причине его книги обладают исключительным свойством постоянной связи с интересами представителей экономической науки. Это, в частности, относится к его основному труду «Экономическая история современной Англии» (*An Economic History of Modern Britain*, 1926–38), который охватывает в своих трех томах целый век — с 1820 по 1929 гг. Одной из целей этой книги было «сделать повествование более наполненным количественными оцен-

ками, чем это делалось раньше». Разумеется, с той поры, как была написана эта работа, появились значительные достижения в области количественной стороны экономической истории, и весь этот период был целиком рассмотрен еще четыре или пять раз. Однако книга Клэпхема никогда не была полностью превзойдена и сохранила свою ценность даже по прошествии почти 50 лет.

Первая кафедра экономической истории в Кембриджском университете была создана специально для Клэпхема в 1928 году. Тридцатые годы в основном были заняты написанием второго и третьего томов «Экономической истории современной Англии» и редактированием двух амбициозных серий «Кембриджские исследования по экономической истории» (*Cambridge Studies in Economic History*) и «Кембриджская экономическая история Европы» (*Cambridge Economic History of Europe*). Он совмещал эти занятия с должностью декана, а позднее вице-ректора Королевского колледжа Кембриджа, не говоря о президентских постах в Обществе экономической истории и Британской академии. Тем не менее, он оказался в состоянии завершить, по крайней мере, еще одно крупное исследование — историческую работу «Банк Англии» (*The Bank of England*, 1944) и фактически закончил «Краткое изложение экономической истории Британии с древнейших времен до 1750 года» (*A Concise Economic History of Britain from the Earliest Time to 1750*), которое вышло в свет после его смерти в 1949 году и неоднократно переиздавалось. Он был удостоен рыцарского звания в 1943 г. и скончался в 1946 г. в возрасте 73 лет.

Литература

P. Mathias, *Clapham, John Harold*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Коммонс

Джон Роджер

Commons John Roger

(1862 — 1945)

Джон Коммонс был одним из трех основателей американского институционализма, (двумя другими были Веблен* и Митчелл*), но Коммонс был настолько же уникальным в своем роде мыслителем, какими были Веблен и Митчелл. Достаточно сказать, что он был крупнейшим историком трудовых отношений в Америке, и его «История труда в Соединенных Штатах» (*History of Labor in the United States*, 1918–35), опубликованная в четырех томах на протяжении 17 лет, она одна могла бы принести ему место в ряду выдающихся представителей американской экономической мысли, даже если бы он не написал ничего больше. С другой стороны, он был активным политиком, который помог разработать целый ряд законов для штата Висконсин, затрагивающих правовое положение профсоюзов, страхование от безработицы, компенсации при несчастных случаях на производстве и регулирование деятельности предприятий общественного пользования, которые сделали Висконсин известным в качестве законодательной «лаборатории» для других американских штатов. Позднее он был членом Комиссии по производственным отношениям при Федеральном правительстве и принимал участие в разработке закона о социальном обеспечении 1935 года, который создал современную американскую систему накопительного пенсионного страхования. Наконец, он

написал три известных трактата по экономической теории: «Распределение богатства» (*The Distribution of Wealth*, 1893), «Правовые основы капитализма» (*Legal Foundations of Capitalism*, 1924) и «Институциональная экономика» (*Institutional Economics*, 1934), которые анализировали «правила работы» «действующих предприятий» [*going concerns*], переводящие индивидуальное действие в коллективное.

Ему принадлежит теория коллективного действия, рассматриваемого как набор мер контроля над конфликтующими частными интересами. Интерпретируя эти меры контроля как «законы», в широком смысле этого слова, Коммонс фактически ставил юриспруденцию в центр экономического исследования. Так, он характеризовал Верховный суд США как «верховную власть политической экономики» для нации. Тем самым он основал направление, которое с тех пор было названо экономикой права, которая рассматривает суды и судебные решения как арену для примирения, а не только для разногласий о конечных целях экономической политики, а также для выявления надлежащих средств достижения этих конечных целей. Однако, новая экономика права не обращалась к Коммонсу как к источнику вдохновения, черпая основные идеи скорее из более поздних исследований о роли транзакционных издержек и экономике прав собственности. Книги Коммонса были фактически мертворожденными и привлекли незначительное внимание даже в то время, когда они были опубликованы. Это произошло по большей части из-за того, что они являются откровенно туманными; они изобилуют специальными терминами — «транзакции», «правила работы», «действующие предприятия», которыми автор манипулирует на высоком уровне абстракции, а затем использует для интерпретации судебных решений и правовых документов. Весь стиль аргументации был настолько чужд тому, который был принят в экономической теории в период между войнами, что неудивительно, что эти книги пришлись не ко двору. Однако, удивительно, что они не были взяты на вооружение впоследствии новыми энтузиастами экономического анализа права.

Коммонс родился в 1862 году в Холландсбурге, штат Огайо, посещал Оберлин-колледж как студент. Он работал неполный рабочий день печатником, чтобы содержать себя, и стал интересоваться экономикой в результате контактов с профсоюзами и дви-

жением Генри Джорджа за единый налог. После окончания колледжа в 1888 г. он поступил в Университет Джонса Хопкинса и попал под влияние Эли*. Он так и не закончил аспирантуру, и начал преподавать экономику в Веслейенском университете в 1890 г. После Веслейена он преподавал в Оберлине, Индиане и Сиракузах, после чего обосновался в Висконсине в 1904 г., где и оставался до ухода на пенсию в 1934 г., часто отлучаясь в отпуска, чтобы поработать консультантом для властей штата Висконсин. Он скончался в 1945 году в возрасте 83 лет.

Литература

L.G. Harter, *John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire* (Corvallis, 1962); J. Dorfman, *Commons, John R.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 3, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Кондратьев

Николай Дмитриевич

Kondratieff

Nikolai Dmitrievich

(1892 — 1931)

Николай Кондратьев был одним из выдающихся русских экономистов и статистиков 1920-х годов, которые много писали об экономике сельского хозяйства и проблемах централизованного планирования. Однако за пределами России он известен исключительно благодаря одной статье — «Большие циклы конъюнктуры», впервые опубликованной в России в 1925 г., затем в Германии в 1926 г. и, наконец, в Англии в 1935 г. Отвечая критикам, Кондратьев впоследствии превратил эту статью в небольшую книгу «Большие циклы конъюнктуры» (1928), которая только недавно появилась на английском языке. Сама идея о том, что экономический рост при капитализме подвержен периодическим циклам, которые значительно длиннее по срокам, чем обыкновенные деловые циклы, не была оригинальной: подобное предполагали Афтальон* и Шпитгоф*, и она обсуждалась среди голландских и немецких марксистов перед Первой мировой войной. Тем не менее, Кондратьев привел лучшие доказательства в пользу существования длинных волн, чем кто-либо из этих более ранних авторов, представив 36 годовых рядов данных по ценам, стоимости и объемам производства для США, Великобритании, Франции и Германии начиная с 1840 года, а в нескольких случаях — и с 1780 г. Он датировал длинные волны как занимающие приблизительно от 50

до 60 лет в следующем порядке: 1) с 1780-х до середины 1840-х с пиком около 1815 г.; 2) с середины 1840-х до середины 1890-х с пиком около 1875 г.; и 3) с середины 1890-х до пика примерно в 1918 г. с нисходящей фазой, протянувшейся (предположительно) до 1940-х годов.

Он признавал, что выравнивание данных, устранение трендов при помощи регрессии наименьших квадратов привносит определенное количество ложной регулярности в доказательство, и он не претендовал на то, что датирование поворотных точек является более чем приблизительно сходным в четырех странах в пределах 5 лет в ту или иную сторону. Тем не менее, он считал весьма вероятным, что длинные волны являются неотъемлемой особенностью капиталистического развития.

Признание существования длинных волн — это одно; утверждение о том, что они порождаются самой капиталистической экономикой — это совсем другое. Кондратьев не имел никакого реального объяснения этих длинных волн, но он предположил, что это следствия различных внешних воздействий на систему, таких как войны и открытия золотых месторождений. Единственной проблемой было объяснить более-менее регулярное их проявление. Гипотеза Кондратьева стала известной западным читателям во многом благодаря книге Шумпетера «Деловые циклы» (*Business Cycles*, 1939), которая содержала модель экономических колебаний из трех циклов, образованную циклами изменения объемов материальных запасов Китчина (3–5 лет), инвестиционными циклами Жугляра (7–11 лет) и длинными циклами Кондратьева (45–60 лет) — три цикла Китчина составляли один цикл Жугляра, а 6 циклов Жугляра — один кондратьевский цикл. Шумпетер* создал связную теорию длинных волн, согласно которой революционные инновации имеют тенденцию имитироваться другими, в результате чего инновации появляются массово в разных отраслях; именно из-за того, что они широко имитируются, они вскоре перестают быть прибыльными, что приводит инновационный всплеск к концу. Однако Шумпетер оказался не в состоянии показать, что период, требующийся для «поглощения» этих всплесков, составляет именно 45–60 лет. В результате этого интерес к длинным волнам угас в 1940-х годах. Но в последние годы возник новый всплеск интереса к циклам Кондратьева. Видный бельгийский марксист Эрнст Мандел серьезно исследовал эту проблематику в

работе «Длинные волны развития капитализма» (*Long Waves of Capitalist Development*, 1980) — хотя и стараясь согласовать ее с марксистской теорией капиталистического роста. В соответствии с этой точкой зрения, мы сегодня живем в нисходящей части четвертой волны Кондратьева, которая началась в 1945 г. и достигла своего пика в начале 1970-х гг.

Главная трудность, связанная с первоначальным доказательством Кондратьева — а на самом деле и со всеми доказательствами, представленными в дальнейшем, — заключается в том, что оно основано преимущественно на временных ценовых рядах. Но уровень цен на протяжении XIX века определялся преимущественно ценами на сельскохозяйственные, а не промышленные товары, а все теории длинных волн говорят об индустриальных инновациях и последующих эффектах накопления капитала в промышленности. По представленным данным, долгосрочные колебания в объеме выпуска и занятости представляются очень слабыми или несуществующими, и в любом случае восходят только к 1860-м годам, за исключением случая с Англией, где имеются некоторые свидетельства, относящиеся к 1790-м годам. Это подразумевает, что вывод цикла Кондратьева по историческим данным почти исключительно основывается лишь на одной полной длинной волне, а именно, третьей — с 1890-х по 1940-е гг.; иными словами, этот вывод основывается на данных лишь по пяти поворотным точкам. Поэтому, только смелый человек мог бы предсказывать следующий подъем четвертой волны Кондратьева в 1990-х гг. на основе всего лишь 5 наблюдений. Тем не менее, видимо, существует нечто подобное долгосрочным флуктуациям инвестиций в объекты инфраструктуры, по крайней мере, в XX веке, но все же остается открытым вопрос, являются ли эти 15–25-летние циклы Кузнеца в действительности тем, что объясняет случающееся время от времени появление еще более продолжительных циклов Кондратьева в 45–60 лет.

Кондратьев родился в Москве в 1893 году, непродолжительное время работал на должности заместителя министра продовольствия во Временном правительстве Керенского, которое существовало несколько месяцев между свержением царя в мае 1917 и приходом к власти большевиков в ноябре того же года. Кондратьев основал Конъюнктурный институт в 1920 и руководил им до 1928 г., пока учреждение не было расформировано властями. В 1930 г. его

арестовали как мнимого главу незаконной Трудовой крестьянской партии и выслали в Сибирь без суда и следствия.

Он умер, как и многие другие российские интеллектуалы его поколения, в неизвестном месте в неустановленное время и по неизвестным причинам.¹

Литература

G. Garvy, *Kondratieff, N.D.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.8, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

¹ Известно, что Кондратьев несколько лет провел в суздальском изоляторе. Он пытался работать над книгой, но здоровье его постоянно ухудшалось, и к 1938 г. он уже практически не вставал. 17 сентября 1938 г. его осудили по новому «делу» и в тот же день расстреляли. — прим. ред.

Курно
Антуан Огюстен
Cournot
Antoine Augustin
(1801 — 1877)

Антуан Курно, французский математик, философ, экономист и администратор в области университетского образования, был первым автором, который дал определение функции спроса и начертил ее график, а также первым, кто всерьез применил в экономике дифференциальное исчисление для решения задачи на нахождение максимума. Действительно, читая «Исследования о математических основаниях теории богатства» (*Recherches sur les Principes Mathématiques de la Théorie des Richesses*, 1838), трудно поверить в дату их издания: минуло лишь 15 лет после смерти Рикардо и 10 лет оставалось до появления «Принципов политической экономии» Милля (1848). В четвертой главе «Исследований», смело озаглавленной «О законе спроса», Курно допускает как само собой разумеющееся, что сбыт товаров является убывающей функцией их цен. Это утверждение никак не было связано с теорией полезности, а основывалось вместо этого на простом наблюдении; другими словами, функция спроса Курно — это не кривая спроса Маршалла, показывающая количества, которые потребители купили бы по разным гипотетическим ценам, а просто фактическая зависимость сбыта продукции от цены. Написав $D = F(p)$ для функции сбыта и $pF(p)$ для зависимости, которую мы сегодня назвали бы функцией общей выручки, Курно перешел к объяснению эластичности

спроса (не используя сам этот термин), показывая, что увеличение цены может снизить либо увеличить общую выручку в зависимости от гибкой или негибкой реакции спроса на изменение цены товара.

Вместо того чтобы начать со случая совершенной или неограниченной конкуренции среди многочисленных продавцов, а закончить монополией (случай единственного продавца), Курно начинает с монополии и переходит к конкурентному случаю, допуская неограниченное увеличение числа продавцов. Монополист имеет дело с заданной функцией общей выручки $R = pF(p)$ и функцией предельной выручки $M = F(p) + pF'(p)$, производной функции общей выручки. Эти заданные функции выручки затем сопоставляются с функциями общих и предельных издержек. Курно показывает, что прибыль максимизируется в том случае, когда монополист производит такой объем продукции, при котором предельные издержки равны предельной выручке. Маршалл* применил анализ максимизации прибыли по Курно в своих «Принципах экономической науки» (1890), но выразил его в терминах *общих* затрат и поступлений монополиста; в результате понятие предельной выручки пришлось заново открывать в начале 1930-х Джоан Робинсон и Рою Харроду.

Курно не только разработал теорию монополии, но также уделил внимание случаю дуополии (двух продавцов). Как и в случае монополии, он предположил, что покупатели называют цены, и продавцы лишь приводят выпуск в соответствие с заданными ценами; таким образом, каждый дуополист вычисляет функцию спроса на свой товар, а затем определяет количество продаваемого товара на основе предположения, что объем выпуска его конкурента остается постоянным. Предположение оказывается ложным. Однако, по мере того, как каждый из дуополистов шаг за шагом приводит свой выпуск в соответствие с изменяющимся выпуском другого, достигается определенное решение, при котором дальнейшие корректировки не позволяют ни одному из дуополистов увеличить прибыль. Эта равновесная ситуация характеризуется ценой, более низкой, чем цена, назначаемая монополистом, и объемом выпуска, превышающим объем выпуска монополиста. Далее Курно продемонстрировал, что по мере увеличения количества продавцов цена снижается, а выпуск растет, и в конечном счете создается конкурентная ситуация, при которой цена достигает ми-

нимального, а объем выпуска максимального значения при данном уровне спроса и технологии производства данного товара.

Немудрено, что книгу Курно совершенно не заметили, когда она впервые вышла в свет. Автор был настолько обескуражен таким приемом, что забросил экономическую науку на 25 лет, снова вернувшись к ней только в более поздних работах, «Основания теории богатства» (*Principes de la Théorie des Richesses*, 1863) и «Краткий обзор экономических учений» (*Revue Sommaire des Doctrines Économiques*, 1877), в которых он отказался от математического языка в тщетной попытке достичь большей доступности. В то же время он пользовался значительной известностью у современников как автор ряда книг по дифференциальному исчислению и теории вероятности, а также двух философских трактатов.

Курно родился в 1801 г. в центральной Франции, учился в местной школе и в 1821 г. поступил в Высшую педагогическую школу (*Ecole Normale Supérieure*) в Париже. В 1823 он был принят на работу в дом маршала Сен-Сира в качестве литературного помощника последнего и наставника его сына. Он провел в этом доме 10 лет, получив степень доктора наук в 1829 г. После непродолжительного пребывания в должности профессора математики в Лионском университете он занимал ряд высоких административных постов в университетах Гренобля и Дижона. Курно ушел на покой в 1862 г. и скончался в 1877 г. К этому моменту он был известен Джевонсу*, Вальрасу* и Маршаллу*, и начала складываться его репутация как крупной фигуры в истории математической экономики.

Литература

H. Guttion, *Cournot, Antoine Augustin*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 3, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); R.D. Theocharis, *Early Developments in Mathematical Economics* (Macmillan, 2nd ed., (1983), Chapter 9.

Кэри
Генри
Carey Henry
(1793 — 1879)

Из всех многочисленных американских экономистов первой половины XIX века наиболее известным, особенно за пределами Америки, был Генри Кэри. Его взгляды во многих отношениях являются типично американскими: глубокая антипатия к теории Мальтуса* и Рикардо*, которые, на его взгляд, извратили учение Адама Смита*; уверенность в том, что вся классическая экономическая теория нуждается в ревизии в свете американского контекста избыточных земельных ресурсов и редкости труда; оптимистическая вера в конечную гармонию экономических интересов, особенно в отношении интереса труда и капитала с одной стороны и землевладельцев — с другой; и поддержка протекционизма (которая только постепенно появлялась в ходе его публикаций). В своей основной работе «Принципы политической экономии» (*The Principles of Political Economy*, 1837–40) он разработал теорию трудовой ценности на основе воспроизводства (ценность определяется не только прошлыми, но и будущими затратами труда), которая произвела глубокое впечатление даже на Маркса. В книге «Прошлое, настоящее и будущее» (*The Past, The Present and the Future*, 1848) он подробно изложил свою теорию ренты и показал, что историческая последовательность обработки земли, по крайней мере, в Соединенных Штатах, была прямо противоположна последовательно-

сти, предложенной Рикардо, а именно, от худших земель к лучшим, видимо потому, что доходы от приложения капитала к земле характеризовались возрастающей, а не убывающей отдачей. Кэри не смог понять, что это применимо только к тому, что было названо «предельным уровнем экстенсивного использования земли» (приложение одного и того же количества капитала и труда к большему количеству земли), а не к «предельному уровню интенсивного использования земельных угодий» (приложение большего количества капитала и труда к участку земли одной и той же площади). Тем не менее, его возражение не давало покоя многим экономистам-классикам, и даже Джон Стюарт Милль* посчитал, что необходимо опровергнуть Кэри в своих собственных «Принципах политической экономии» (*The Principals of Political Economy*, 1848).

Генри Кэри родился в Филадельфии в 1793 году в семье Мэтью Кэри, добившегося всего своими силами ирландского иммигранта, известного издателя и ведущего публициста в вопросе защиты протекционизма. Генри Кэри также был самоучкой и в конечном итоге возглавил отцовскую издательскую фирму, совмещая журналистику с широкими деловыми интересами в Филадельфии и за ее пределами. Он, тем не менее, нашел время опубликовать более десятка книг и тысячи газетных статей и памфлетов. В конце 1850-х он все больше переходил от экономических работ к социологии, реагируя на растущее влияние Огюста Конта и Герберта Спенсера. В таких книгах как «Принципы общественной науки» (*Principles of Social Science*, 1858–60) и «Единство законов: соотношение физической, общественной, психологической и этической наук» (*The Unity of Law: As Exhibited in the Relations of Physical, Social, Mental and Moral Science*, 1872) он взвалил себе на плечи непосильную ношу, но эти работы вновь были типично американскими и выражали распространенную среди американских представителей общественных наук того периода уверенность в том, что дни специальной экономической науки закончились.

Литература

A.D.H. Kaplan, *Henry Charles Carey: A Study in American Economic Thought* (Johns Hopkins University Press, 1931; H.W. Spiegel, *Carey, Henry C., International Encyclopedia of the Social Science*, vol. 2, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Ланге**Оскар***Lange Oskar*

(1904 — 1965)

Карьера Оскара Ланге разбивается ровно на две части: американский этап до Второй мировой войны, на протяжении которого он внес важный вклад в экономический мейнстрим, не скрывая при этом своих симпатий к марксизму; и польский этап после войны, во время которого он пропагандировал недогматическую версию марксизма, использующую все современные экономические инструменты. Его наиболее известной работой была статья в двух частях «Об экономической теории социализма» (*On the Economic Theory of Socialism*), опубликованная в 1936–37 гг., где он постарался построить модель рыночного социализма, при которой управляющие заводами следовали бы модели максимизации прибыли за счет выравнивания цен и предельных затрат производства, в то время как органы экономического планирования боролись бы за баланс спроса и предложения, используя метод проб и ошибок, а конечным результатом их совместной деятельности должно было стать достижение всех эффективных результатов полностью конкурентной экономики при одновременном устранении безработицы, монополий и социального неравенства, свойственных капитализму. Эта работа вскоре стала рассматриваться как убедительный ответ на возражения Мизеса-Хайека о невозможности рационального планирования при социализме, тем самым снабдив

экономистов удобной доктриной о том, что сама по себе стандартная теория совершенной конкуренции не зависит от частной или общественной формы собственности. Аргументация Ланге была не новой: за 40 лет до него об этом говорили такие непоколебимо ортодоксальные экономисты как Бароне*, Парето* и Визер*. Ирония всех этих предложений была правильно подмечена Шумпетером*: экономическую теорию социализма следует искать не в трудах Маркса, а в писаниях «буржуазных» экономистов.

Последующие поколения испытывали все возрастающие сомнения в теории рыночного социализма Ланге, которая, подобно ортодоксальной теории цен, из которой она выросла, является чрезвычайно точной в отношении характера окончательного равновесного состояния после того, как все экономические силы исчерпают себя, и совершенно неясной в отношении природы реального процесса, благодаря которому экономика продвигается в направлении окончательного равновесия. Почему менеджеры должны максимизировать долгосрочные прибыли, а не свой собственный доход, и за чей счет будут финансироваться убытки, вызванные неудачными инвестициями? Сам Ланге после войны придерживался других мыслей о своей прежней программе для социалистического государства, признавая, что необходим не столько «социалистический экономикс», сколько «Политическая экономия социализма» (*The Political Economy of Socialism*, 1958). Тем не менее, в «Политической экономии» (1958) — первом томе из задуманного в трех томах послевоенного трактата, адресованного читателям Восточной Европы — он попытался продемонстрировать сохраняющуюся уместность применения маржиналистских принципов к анализу экономик с централизованным планированием. Когда книга была впервые опубликована, ее приветствовали как первую настоящую попытку объединения марксистской и «буржуазной» экономических теорий, знаменующей конец эпохи сталинизма в экономиках Восточной Европы. Увы, идеи этой книги не получили развития ни у Ланге, ни у других экономистов из Советского блока, и экономическая теория в Польше, Венгрии и России осталась столь же отделенной от западной экономической теории в 1980-х годах, как и в 1950-х.

Ланге родился в городе Томашов, Польша, в 1904 году, получил степень магистра юриспруденции в 1927 г. и степень доктора права в 1928 г., обе в Краковском университете. После короткого перио-

да учебы в Лондонской школе экономики (1929–30), в 1931 году он стал лектором Краковского университета. В 1935 году он оставил Европу, чтобы занять место преподавателя в Университете Мичигана, отметив свое прибытие первой статьей на английском языке «Марксистская экономика и современная экономическая теория» (*Marxian Economics and Modern Economic Theory*, 1935), содержащей классическое описание той пропасти, которая их разделяет. В 1943 году он стал профессором Чикагского университета, опубликовав свою последнюю крупную работу на английском в 1944 г. под заголовком «Гибкость цен и занятость» (*Price Flexibility and Employment*). В этой теоретической работе он попытался трактовать кейнсианские вопросы с помощью микроэкономических средств теории общего равновесия.

В 1945 году вновь созданное коммунистическое правительство Польши назначило Ланге послом в США, а на следующий год — делегатом от Польши в ООН. Однако, когда в 1947 г. события в Польше приняли резкий поворот в сторону сталинской ортодоксии, Ланге был отозван в Польшу и назначен на незначительный академический пост. К 1955 г., когда политическая атмосфера в Польше снова изменилась, он быстро продвинулся до профессора статистики в Варшавском университете и председателя Польского государственного экономического совета. В эти последние годы он сделал ряд публикаций на польском языке и написал несколько «Очерков об экономическом планировании» (*Essays on Economic Planning*, 1963), относящихся к проблемам планирования в странах третьего мира.

Литература

S. Wellisz, *Lange, Oscar*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.8, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

**Лаунхардт Карл
Фридрих Вильгельм**
Launhardt Carl
Friedrich Wilhelm
(1832 — 1918)

Вильгельм Лаунхардт был пионером математической экономики, ранним разработчиком чистой теории экономики благосостояния, важной фигурой в истории теории размещения производства и одним из немногих немецких инженеров-экономистов своего времени, которые поддержали традицию, заложенную Карлом Рау (1792–1870), Вильгельмом фон Германом (1795–1868), Госсеном*, Мангольдтом* и Тюненем*, и которую иногда называют немецкой классической экономической теорией, потому что она была в большей степени близка по духу к английской школе классической политической экономии, чем к доминировавшему немецкому течению исторической школы. Лаунхардт провел весь активный период своей жизни в городе Ганновере на должности профессора по строительству автомобильных и железных дорог и мостов в Высшей технической школе (*Technische Hochschule*, теперь Университет Ганновера), в конечном итоге став его директором. Это почти все, что известно о его жизни. Его *magnus opus* (основное произведение, лат. — прим. перев.) — до сих пор не переведенный на английский язык труд «Математические основы политической экономии» (*Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*). Эта книга была опубликована в 1885 году, десятилетие спустя после появления работ Джевонса*, Вальраса* и Менгера*, но до появле-

ния на свет следующей группы великих книг, «Позитивной теории капитала» Бем-Баверка (1889) и «Принципов экономической науки» Маршалла (1891). Эта работа была написана безо всякого знания об основополагающей книге Курно «Математические принципы благосостояния» (*Mathematical Principles of Wealth*, 1838) и вместо этого основывалась на внимательном изучении трудов Вальраса и Джевонса, чей анализ капитальных благ длительного пользования и предложения труда она заново излагала и уточняла. Однако, основные интересы Лаунхардта относились к области политики ценообразования на железных дорогах и связанных с этим вопросов размещения экономической деятельности, чему была посвящена последняя треть «Математических основ». Именно здесь он показал, сколь многому он научился у Тюнена, подкрепив его основанную на предложении теорию размещения сельскохозяйственного производства анализом влияния зон рынка сбыта на размещение промышленных предприятий.

Для всякого, кто интересуется увлекательной темой одновременных независимых открытий в науке и сопутствующим вопросом о том, почему некоторыми фигурами систематически пренебрегают, случай с Лаунхардтом дает хороший пример. Его книга по математической экономике полна оригинальных идей, многие из которых он опубликовал даже в более подробном виде еще в 1872 году в книге об экономике железных дорог, а также в 1882 г. в статье, затерявшейся в незаметном немецком техническом журнале. В этих двух публикациях он вводил так называемый «закон зон рынка сбыта» (при определенных специфических условиях границы между территориями продаж конкурирующих фирм принимают форму гиперболы) и предлагал полное решение знаменитой «проблемы трех точек» из классической теории размещения (оптимальное место для размещения промышленного предприятия, использующего сырье, находящееся в двух разных местах, и обслуживающего рынок, находящийся в третьем месте). Маршалл изложил закон районов продаж в своих «Принципах», но ошибочно приписал его Тюнену; в 1924 г. этот закон был вновь открыт Феттером*, который был осведомлен о Маршалле, но не о Лаунхардте. Аналогично, когда Альфред Вебер* опубликовал свою выдающуюся книгу «Теория размещения производства» (*The Theory of the Location of Industries*, 1909), он включил в нее «новое» доказательство проблемы трех точек в полной уверенности, что он был

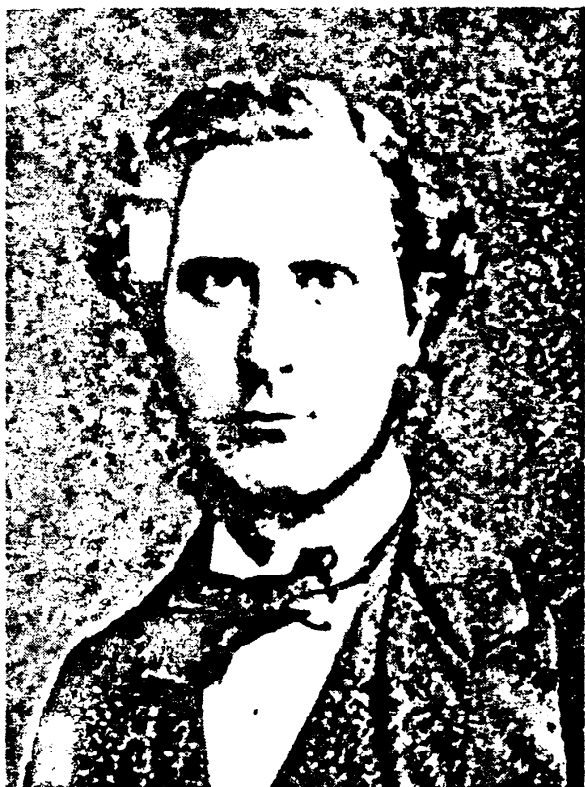
первым, кто его сформулировал. Практически до 1930-х годов авторы работ о размещении промышленности много теряли из-за незнания имени Лаунхардта, и не будет преувеличением сказать, что, будь его работа широко известна, теория размещения могла бы сберечь себе примерно четверть века, затраченную на попытки объединить сторону спроса и сторону предложения в анализе оптимального размещения промышленных предприятий.

Другой отличительной особенностью работы Лаунхардта являются его высказывания в пользу ценообразования на железных дорогах в соответствии с предельными, а не средними затратами; короче говоря, то, что позднее было названо правилом «ценообразования на основе предельных затрат». Благосостояние потребителей достигает максимума только в том случае, считал он, если дополнительный доход от увеличения цен железнодорожных перевозок равен дополнительным затратам, а это подразумевает, что постоянные или накладные затраты железных дорог должны финансироваться из налоговых поступлений. Частная конкуренция никогда не обеспечит подобного результата, поскольку железные дороги являются «естественными монополиями», в которых максимальная техническая эффективность (самые низкие единичные средние затраты) достигается только при таком объеме выпуска, который превышает совокупный рыночный спрос; пока железные дороги будут оставаться в частных руках, конкуренция будет уменьшаться, и плата за железнодорожные перевозки будет не в состоянии максимизировать экономическое благосостояние. Короче говоря, железные дороги должны субсидироваться и регулироваться государством, если не принадлежать ему. К сожалению, его доказательство данного предложения содержало линейные функции затрат и спроса, для которых предельные затраты равны средним, так что правило ценообразования на основе предельных затрат не было представлено с должной ясностью. Тем не менее, он сделал из своей демонстрации правильный вывод, а именно, что ценообразование на основе предельных затрат всегда приводит к финансовым дефицитам, когда рассматриваемая отрасль представляет собой то, что Маршалл называл «отраслью с уменьшающимися затратами» или «естественной монополией». Лаунхардт, таким образом, стоит первым в длинном ряду экономистов от Дюпюи* в 1830-х годах до Аббы П. Лернера в 1930-х, которые признавали, что ценообразование на услуги предприятий коммунального хо-

зяйства представляет собой отдельную проблему, требующую государственных дотаций, если целью является оптимум благосостояния потребителей.

Литература

Е.М. Fels, *Launhardt, Wilhelm*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); J.V. Pinto, *Launhardt and Location Theory: Rediscovery of a Neglected Book*, Journal of Regional Science, 17 (1), 1977.

**Лесли Томас
Эдвард Клифф**
*Leslie Thomas
Edward Cliffe*
(1827 — 1882)

Т.Э. Клифф Лесли важен не столько благодаря своим самостоятельным работам по земельному вопросу, в частности в отношении Ирландии, сколько благодаря своей пронизательной критике абстрактно-дедуктивных методов представителей английской классической экономической школы. Такая критика была слышна ранее даже в самой Англии, например, от Ричарда Джонса*, но атака Лесли зашла глубже в отрицании реализма как допущений, так и предсказаний классических доктрин. Так, он постоянно привлекал внимание к различиям в ставках заработной платы для рабочих одинаковой квалификации на местных рынках труда и неспособностью роста населения обогнать предложение продуктов питания как до, так и после введения свободной торговли в 1846 г. Его нападение на абстрактные допущения классической экономической теории захватило даже элементы, часто упускаемые другими критиками, такие как предположение о точном предвидении будущих экономических возможностей.

Опубликованные работы Лесли целиком выполнены в форме очерков, большинство из которых были позднее собраны в книги, такие как «Очерки о политической и моральной философии» (*Essays in Political and Moral Philosophy*, 1879) и «Очерки о политической экономии» (*Essays in Political Economy*, 1879). Лесли в

Англии не был одинок в отрицании преимущественно рикардianского характера современной экономической науки. Там были Бэджгот, Джон Ингрэм (1823–1907) и Арнольд Тойнби (1852–83), писавшие в 1870-х годах и точно также отвергавшие абстрактно-дедуктивный метод в пользу институционального и исторического подхода, хотя, разумеется, они различались между собой в том, что под этим подразумевали с позиции предмета и природы экономической науки. Эти авторы образовали группу, почти оформившуюся в английскую историческую школу, которая, что представляется достаточно странным, не имела ничего общего с более процветающей немецкой исторической школой.

Лесли родился в графстве Уэксфорд, Ирландия, в 1827 г. и получил образование в Тринити-колледж, Дублин. После завершения образования в 1847 г. он изучал право в Лондонском университете. Он получил возможность работать юристом как в Англии, так и в Ирландии, но никогда не занимался практической юридической деятельностью. Однако, в результате его ранних публикаций он был принят на должность профессора юриспруденции и политической экономии в Королевский колледж Белфаста, пост, который он занимал до своей смерти. Его инаугурационная лекция «Военные системы Европы с экономической точки зрения» (*The Military Systems of Europe Economically Considered*) была издана в 1856 г.; она доказывала преимущества добровольной армии по сравнению с армией, формируемой на основе воинской повинности. На протяжении 1860-х годов творчество Лесли концентрировалось вокруг земельного вопроса. Затем в 1870-х он повернулся к методологическим основам экономической теории и продолжал писать по этой теме до самой своей смерти в 1882 г. Отмеченная рядом почтительных ссылок на Лесли со стороны Маршалла* и Джона Невилла Кейнса*, его критика была серьезно воспринята экономистами, которые пришли после него.

Литература

F.W. Fetter, *Lesley, T.E. Cliffe*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Лист
Фридрих
List Friedrich
(1789 — 1846)

Фридрих Лист — один из первых и наиболее жестких критиков классической школы политической экономии. Он обличал Адама Смита и его последователей как «космополитическую школу» и утверждал, что всеобщая свободная торговля была тем идеалом, которого можно было бы достичь только в очень далеком будущем. В настоящее время, говорил он, каждая нация должна обеспечивать развитие своих собственных производителей за счет импортных пошлин и даже установления полных запретов. Только в результате использования подобных средств страны, подобные Германии, России и США, могли бы надеяться достичь промышленной эффективности, которая дала бы им возможность конкурировать на равных с Британией.

Лист никогда не использовал термин «молодая отрасль» [*infant industry*], но это именно то, что он имел в виду, потому что он специально отделял сельское хозяйство от всех своих протекционистских аргументов и даже допускал, что глобальная свободная торговля была конечной желаемой целью. Он выражал свои доказательства очень экспрессивно, но не очень четко. На самом деле, это более четко изложено в одном известном параграфе «Принципов» (1848) Джона Стюарта Милля с выражением признательности сочинениям Рэ*, чем это когда-либо излагалось на многочис-

ленных страницах «Естественной системы политической экономии» (*Natural System of Political Economy*, 1837) Листа или в более хорошо известной «Национальной системе политической экономии» (*National System of Political Economy*, 1841). Вызывает сомнения, понимал ли сам Лист обоснованность доказательства своих собственных выводов. Нет свидетельств, что он когда-нибудь понимал теорию сравнительных затрат, лежащую в основе классической теории свободной торговли, которую он так презирал; Рикардо никогда не упоминается в его ранней работе, а в последней о нем говорится только один раз в связи с теорией ренты. Точно так же, несмотря на его испепеляющую критику Адама Смита* и Сэя* за отделение экономики от политики, его собственный анализ окончательного перехода от «политики протекционизма к политике максимально возможной свободной торговли» безнадежно наивен именно по политическим основаниям.

В последнее время Лист превозносится не столько как сторонник протекционизма, сколько как защитник амбиций развивающихся стран. Несомненно, он был одним из первых, кто признал значение власти отдельной страны в международном разделении труда, и сегодняшние защитники теории зависимости в экономическом развитии могут с полным основанием считать его своим предшественником. Тем не менее, действительное содержание теории экономического развития, предложенной Листом, было очень слабым: он приписывал практически неограниченные полномочия экономическим действиям правительства и ставил процветание любой страны практически в полную зависимость от экономической политики государства. Пожалуй, Лист является одной из тех фигур прошлого, которые столь часто рекламировались и упоминались во вторичных источниках, что прочтение их собственных работ почти неминуемо приводит к разочарованию.

Был ли он в действительности великим экономистом, следует оставить под вопросом. Однако, нет никакого сомнения, что, в отличие от большинства других великих экономистов, он прожил интересную жизнь как государственный служащий, журналист, профессор, организатор деятельности железных дорог и политический агитатор в трех разных странах — Германии, Франции и Соединенных Штатах. Он родился в Вюртемберге в 1789 г. в семье кожевенника и рано начал принимать участие в либеральной политической деятельности как редактор нескольких периодичес-

ких изданий и советник известных государственных деятелей. Избранный в законодательное собрание Вюртемберга и на должность профессора в Тюбингенском университете в 1820 году, он, тем не менее, был осужден на 10 месяцев тюремного заключения за выступления в защиту рационализации государственной службы и придания большей гласности судебной процедуре. Чтобы избежать тюрьмы, он уехал за границу. Когда он вернулся в Германию два года спустя, он был арестован и отпущен только благодаря обещанию, что он эмигрирует в Америку.

Прибыв в Америку в 1825 году, он сначала работал фермером, затем редактором немецкой газеты, затем приобрел угольную шахту и связанную с ней железную дорогу и, наконец, написал свою первую книгу «Основные идеи американской политической экономии» (*Outlines of American Political Economy*, 1827) для Пенсильванского общества содействия промышленности, ведущей протекционистской организации Америки. В 1832 г. он принимал активное участие в избирательной кампании Эндрю Джексона и был награжден назначением на должность американского консула в Германии. Здесь он занялся планом организации немецкой системы железных дорог, который отчасти оказался успешным, но вовлек его в финансовый скандал, который заставил его уехать из Германии во второй раз. После трех лет в Париже он возвратился в Германию в 1840 г., опубликовал свою «Национальную систему» (*National System*, 1841) и стал редактором влиятельного журнала. Но последующие финансовые неудачи и расстроенные политические амбиции подтолкнули его к совершению самоубийства в 1846 году.

Литература

E. Salin and R.L. Frey, *List, Friedrich*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); W.O. Henderson, *Friedrich List. Economist and Visionary 1789–1846* (Frank Cass, 1983).

Ло
Джон
Law John
 (1671 — 1729)

Джон Ло был одной из тех экстраординарных личностей, которыми, кажется, изобилует XVIII век. Родившийся в Эдинбурге, сын преуспевающего банкира, получивший домашнее образование, он посвятил всю свою жизнь выдвижению предложений об учреждении банков, как в Шотландии, так и в континентальной Европе, будучи убежденным, что ключ к экономическому процветанию лежит в увеличении базы металлического денежного обращения при помощи бумажных денег, в частности бумажных денег, обеспеченных земельными угодьями. Однако его репутация как экономического теоретика основывается только на единственном трактате «Размышления о деньгах и торговле: с предложениями об обеспечении нации деньгами» (*Money and Trade Considered: With Proposal for Supplying the Nation with Money*, 1705); более поздний и даже лучший «Трактат о деньгах и коммерции» (*Treatise on Money and Commerce*, 1706) оставался неизданным на протяжении его собственной жизни. Подобно Локку*, Ло придерживался теории ценности, основанной на спросе и предложении и, снова аналогично Локку, он рассматривал ценность денег или определение среднего уровня цен как исключительно частный случай общей теории ценности. Проводя различие между потребительной и меновой ценностью, он отмечал, что товары обладают

ценностью только потому, что они полезны, но величина их ценности определяется «большим или меньшим количеством товаров по отношению к спросу ни них». Он иллюстрирует этот аргумент парадоксом с водой и алмазом — сочетание высокой потребительной ценности и низкой меновой ценности в случае с водой и прямо противоположное в случае с алмазами, — который Адам Смит* позднее взял на вооружение. Но если Смит использовал этот парадокс для демонстрации неуместности потребительной ценности в детерминации меновой ценности, Ло использовал его, чтобы показать, что редкость оказывает равное по значению воздействие на ценность, поскольку важна не потребительная ценность, а интенсивность спроса по отношению к количеству товаров, доступных для удовлетворения этого спроса. Смит цитировал работу Ло в своем «Богатстве народов», и можно только гадать, почему он совершенно не ухватил логики аргументации Ло.

Многочисленные попытки Ло продать свою идею земельного банка властям Шотландии, Франции и Савойского герцогства в Италии в конечном итоге увенчались успехом в 1716 году, когда он убедил герцога Орлеанского, регента Франции после смерти Людовика XVI, дать ему лицензию на право открытия первого Банка Франции. В течение следующего года он организует Западную компанию (позднее переименованную в Индийскую компанию) и начинает продавать акции французских североамериканских колоний Луизианы и Миссисипи. Объединив операции центрального банка с операциями его луизианской концессии, для которой он добился королевской привилегии по взиманию налогов, он завершил создание того, что стало называться «системой Ло»: эмиссия банкнот существенно возросла и большая их часть использовалась для искусственного завышения цен на акции Индийской компании.

Когда Франция в 1719–20 гг. пустилась в величайшее спекулятивное безумие в ее истории, Ло был выдвинут на должность министра финансов и достиг кульминационного момента в своей карьере. Когда этот бум завершился крахом в последние месяцы 1720 года, Ло был вынужден покинуть Францию навсегда дискредитированным и провел свои последние годы в качестве профессионального игрока в Венеции. Крушение этого бума — знаменитый «Миссисипский пузырь», который на протяжении целого века или дольше использовался, чтобы пугать государственных

деятелей призраком инфляции, вызванной бездумной эмиссией бумажных денег.

Литература

Е.Ж. Hamilton, *Law, John*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Лодердейл
Джеймс Мейтленд
Lauderdale
James Maitland
(1759 — 1839)

Джеймс Мейтленд, восьмой граф Лодердейла (по-английски произносится как «Лауэрдейл»), был активным членом Палаты лордов на протяжении всей своей жизни, начав как член партии вигов в возрасте 21 года и закончив как крайний тори и резкий противник билля о реформе парламентского представительства 1832 года на седьмом десятке. Он был хорошо известен в свое время благодаря буйному темпераменту и эксцентричным высказываниям. В своей единственной книге «Исследование природы и происхождения общественного богатства» (*An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth*, 1804) он постоянно подвергал сомнению содержание «Богатства народов» и отвергал «суеверное преклонение перед именем Адама Смита», но на дебатах в Палате лордов он неизменно высказывался в защиту принципов свободной конкуренции (*laissez-faire*), выступая против абсолютно любых исключений из них. Похожим образом, он всегда занимал исключительно ортодоксальную позицию по вопросам денежной политики: он был членом Комитета по ценным металлам и активно защищал Доклад о слитках (1810), который рекомендовал ускорить восстановление конвертируемости денег в золото, когда военная кампания Наполеона подошла к своему успешному завершению. Сомнительно, что неортодоксальные и запутанные рассу-

дения «Исследования» были поняты в то время, хотя они, по-видимому, оказали некоторое влияние на «Принципы» Мальтуса (1820). Однако, после кейнсианской революции в XX веке Лодердейл наряду с Мальтусом* и Сисмонди* был провозглашен в качестве предшественника Кейнса, поскольку утверждал, что избыточные сбережения были определенно возможны и что необходимы государственные расходы для компенсации частной бережливости, чтобы преодолеть стагнацию.

Лодердейл сражался не только с макроэкономикой Смита, но и с его микроэкономикой. Труд, говорил он, не является мерой ценности, поскольку его собственная ценность изменяется. Точно также, проводимое Смитом разделение между производительным и непроизводительным трудом является несостоятельным. Ценность зависит от полезности с одной стороны и от редкости — с другой. Это влечет за собой конфликт между «общественным богатством» и «частными состояниями», или государственным и частным благосостоянием: если товары становятся более редкими, скажем, в результате плохого урожая, то общественное богатство уменьшилось бы, но частные состояния бы возросли. Адам Смит слишком преувеличивал важность разделения труда, которое не является причиной внедрения машинного производства, экономящего время и затраты квалифицированного труда. Неадекватно и описание капитала как «авансовых выплат, которые приводят труд в движение» (цитата из Адама Смита). Напротив, капитал всегда является заменителем труда, выполняя функции, которые труд вообще не может выполнять. Частная бережливость не является неопределенным благодеянием, и капитал может легко быть аккумулярован в избытке в условиях превалирующих затрат на оплату труда и при существующем состоянии технологии. В свете этих рассуждений, решение правительства взимать налоги для выплаты государственного долга является ошибкой; было бы гораздо лучше, если бы налоговые поступления расходовались на товары и услуги, поскольку средний получатель государственных расходов с большей вероятностью, чем средний держатель облигаций, немедленно израсходует свой дополнительный доход.

Является ли эта доктрина опасности избыточных сбережений действительно кейнсианской по духу, остается предметом дискуссий. По-видимому, то, что Лодердейл (и по этому же поводу Мальтус), — имел в виду, так это теорию недопотребления в усло-

виях избыточных сбережений: совокупный спрос всегда угрожает стать недостаточным для того, чтобы обеспечить покупку всех товаров и услуг, произведенных по ценам, покрывающим затраты, не потому, что плановые сбережения превышают плановые инвестиции, по современной кейнсианской терминологии, а просто из-за того, что они всегда равны, и потому что инвестиции создают не только доход, но также увеличивают будущие производственные возможности; чтобы абсорбировать эти дополнительные производственные мощности, требуются постоянно растущие доходы, но как поддерживать рост доходов, если каждый акт сбережения способствует сокращению спроса на потребительские товары, даже если инвестиции из этих сбережений одновременно дают прибавку к предложению товаров для приобретения? Решение этой дилеммы заключается в динамической теории, описывающей условия для равномерного роста от периода к периоду, и именно потому, что Лодердейл и Мальтус были неспособны выйти за пределы характерного для их эпохи статического анализа одного периода, они не смогли донести свое сомнение в достаточности совокупного спроса до современных им читателей. Они были предшественниками, но не кейнсианской экономики, а теории роста Харрода-Домара. С помощью современной теории роста мы можем теперь понять их сочинения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в отсутствие этой теории читатели XIX века попросту считали эти книги недоступными для понимания.

Литература

B. Corry, *Lauderdale, James Maitland*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Локк**Джон***Locke John*

(1632 — 1704)

Джон Локк является выдающейся фигурой в истории политической мысли. Он также является не главной, но все же значительной фигурой в истории экономической мысли; и на это есть три причины: трудовая теория собственности, изложенная в его шедевре «Два трактата о правительстве» (*Two Treatises on Government*, 1690), предоставила философское обоснование трудовой теории ценности, которая впоследствии возникла в трудах Адама Смита и экономистов классической школы; его памфлеты «Некоторые рассуждения о последствиях снижения ставки процента» (*Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest*, 1691) и «Новые рассуждения» (*Further Considerations*, 1695) развивали следствия количественной теории денег как частного случая более общей теории ценообразования на основе спроса и предложения, а его утонченная защита меркантилизма предоставила превосходную возможность изучить несостоятельность некоторых лучших умов XVII века в признании того факта, что страна не в состоянии бесконечно накапливать золото.

Он родился в 1632 году в деревне Сомерсет и был старшим сыном мелкого землевладельца. Он поступил в колледж Христовой Церкви в Оксфорде в 1652 г., где он мог встречаться с Петти*, который, будучи только на 6 лет старше, уже являлся профессо-

ром анатомии и вице-президентом колледжа Брейсноус. В 1658 г. Локк был назначен преподавателем этики, будучи студентом старшего курса в колледже Христовой церкви. После встречи с лордом Эшли (позднее лорд Шефтсберийский), известным лидером вигов, он пошел в политику и вскоре проводил больше времени в Лондоне, чем в Оксфорде. После того как он стал секретарем Совета по делам торговли и колоний в 1668 г., его карьера достигла своего пика, когда он был назначен на хорошо оплачиваемую должность комиссионера по развитию колониальной торговли. Когда в 1683 г. «Славная революция» положила конец режиму Стюартов, лорд Шефтсберийский был изгнан за рубеж, а Локк вслед за ним был лишен академического поста и также удален в изгнание. Он нашел пристанище в Голландии, где он провел шесть лет в исследованиях и написании научных работ. Он вернулся в Англию в 1689 г. уже признанным как видный мыслитель и посвятил оставшиеся 15 лет своей жизни писательскому труду, одновременно занимая небольшие государственные должности и при случае давая консультации политическим лидерам.

Теория собственности Локка основывается на доктрине естественного права: каждый человек в момент рождения наделяется правом собственности на свою собственную личность и имеет право на продукты своего собственного труда; точно также, прикладывая свой труд к земле, он делает плоды земли своей собственностью. Таким образом, труд не только является источником всякой собственности, но и «создает различия в ценности различных вещей». Видел ли сам Локк все следствия этого рассуждения и придерживался ли он на самом деле трудовой теории *ценности* (относительные цены определяются количеством прошлого и сегодняшнего труда, воплощенного в товарах), может быть поставлено под сомнение, но он определенно утверждал, что труд приносит значительно больше в ценность товаров, чем природа, и остается один маленький шаг от этого эмпирического предположения до полноценной теории о том, что труд — единственное, что определяет ценность. Хотя Адам Смит* не сделал этого шага столетие спустя, но, возможно, Рикардо*, а Маркс* уж наверняка, совершили его.

В других своих экономических памфлетах Локк неоднократно использует не трудовую теорию ценности, а теорию спроса и предложения, или, говоря его словами, отношение между «потреблени-

ем» и «количеством»; так, например, он провозглашает, что воздух и вода полезны, но не имеют никакой цены, «поскольку их количество неизмеримо выше, чем их потребление».

Денежная теория Локка почти полностью изложена в терминах сравнения отношения денежного запаса одной страны к объему ее торговли и аналогичного отношения другой страны. Именно этот показатель определяет международные уровни цен, и все доказательство указывает на опасность того, что цены внутри страны упадут ниже цен за рубежом. Хотя это, казалось бы, противоречит меркантилистскому предпочтению низких цен как стимула для экспорта, Локк представляет это как призыв в пользу благоприятного торгового баланса, который повлечет за собой постоянный приток золота. Разрешение этого кажущегося противоречия лежит в том факте, что он подразумевал постоянный рост мирового денежного запаса, как в абсолютном значении, так и относительно объема торговли. Это представление об извечной всемирной инфляции подразумевает, что страна, которая еще лидирует, вскоре отстанет; короче говоря, важно не само приобретение золота как такового, а получение большего количества золота по сравнению с остальным миром. В этой связи он отмечает, что соотношение между денежным запасом страны и объемом ее торговли зависит не только от количества денег, но также и от «быстроты его обращения»; далее он предлагает грубо оценивать скорость оборота денег в различных экономических группах, таких как рабочие, торговцы и землевладельцы. По правде говоря, чтобы извлечь смысл из чрезвычайно лаконичных рассуждений Локка, приходится часто читать между строк. Так часто мы, выводя современное равенство $MV = PT$ (где M — денежное предложение, V — скорость оборота, P — средний уровень цен и T — объем торговли), можем вписывать недостающие условия, в случае которых доказательство обычно выглядит логичным. Тем не менее, примечательно заметить, как Локк всегда упускал из виду предположение о том, что перемещение золота по всему миру не может постоянно выходить из соответствия с торговыми потоками между странами вследствие действия «механизма денежного потока» Юма.

Литература

K.I. Vaughn, *John Locke. Economist and Social Scientist* (University of Chicago Press, 1980).

Лонгфилд

Самуэль Монтифор

Longfield

Samuel Mountifort

(1802 — 1884)

Со времени публикации в 1903 году знаменитой статьи Эдвина Селигмена «О некоторых забытых британских экономистах» (*On Some Neglected British Economists*), настоящей кладовой ранее забытых предшественников, историки экономической мысли отдавали должное «Лекциям по политической экономии» Лонгфилда (*Lectures on Political Economy*) за последовательное использование в них предельных подходов к теории ценности и распределения: рыночная цена товаров по Лонгфилду определяется «тем спросом, который обладает наименьшей интенсивностью, но все же приводит к реальным покупкам»; норма прибыли определяется «прибылью того капитала, который в действительности используется с наименьшей эффективностью», которая, в свою очередь, равна «разнице объемов работы, которые наименее квалифицированный работник выполнил бы с его использованием и без оно-го». Впоследствии, в своей пионерной работе «Исследования по теории международной торговли» (*Studies in the Theory of International Trade*, 1837) Джейкоб Вайнер показал, что «Лекции по торговле» Лонгфилда (*Lectures on Commerce*, 1834) представляют собой одну из самых ранних попыток расширить объяснение Рикардо международной торговли двумя товарами между двумя разными странами до ситуации с множеством товаров и множе-

ством стран, к которой можно добавить открытие Лонгфилдом современной теории международной торговли на основе пропорциональности факторов производства, относительно которой Бертиль Олин, ведущий сторонник этой теории в наше время, отдал пальму первенства целиком и полностью Лонгфилду. Р.Д. Коллисон Блэк пошел еще дальше в важной статье, опубликованной в журнале *Economica* — «Тринити-колледж в Дублине и теория ценности в 1832–63 гг.» (*Trinity College Dublin and the Theory of Value 1832–63, Economica, 1945*): он признал за Лонгфилдом создание ирландской школы субъективной теории ценности, которая была оппозиционна основной тенденции, господствовавшей в Англии до 1870-х годов. Еще более близкое к нам по времени исследование о Лонгфилде объемом в книгу утверждает, что он единственный среди всех своих современников разработал теорию распределения, которая была реальной альтернативой теории Рикардо. Как бы то ни было, Лонгфилд был в основном, если не полностью, проигнорирован английскими представителями классической школы, некоторые из коих неправильно толковали его как защитника, а не противника Рикардо.

Достаточно сказать, что «Лекции» Лонгфилда являются поразительно оригинальной, хотя отчасти сумбурно написанной книгой, которая кратко излагает субъективную теорию ценности и теорию распределения на основе предельной производительности, — и все это в 1834 году, 11 лет спустя после смерти Рикардо. Лонгфилд выдвигал идею о предельной цене спроса и предпочитал рассматривать скорее полезность, чем труд в качестве основы меновой ценности, но он оказался не в состоянии, как и любой другой до него, открыть концепцию предельной полезности как связующее звено между полезностью и спросом. Довольно любопытно, что даже эта связь вскоре была упомянута в «Лекциях о народонаселении, ценности, законах о бедных и ренте» (*Lectures on Population, Value, Poor laws and Rent, 1831*) В.Ф. Ллойда (1795–1852), преемника Сениора на посту профессора кафедры политической экономии Драммонда, Оксфорд. Другими словами, все строительные блоки и даже некоторые детали «маржиналистской революции» 1870-х годов были в наличии уже в 1837 г., что еще раз доказывает, что «нет ничего нового под солнцем».

Лонгфилд родился в 1802 г. и был сыном викария из графства Корк, Ирландия. Он учился в Тринити-колледже, Дублин, закон-

чив его в 1823 г. Ричард Уэйтли (1787–1863), англиканский священник, который писал на экономические темы, учредил должность профессора политической экономии им. Уэйтли в Тринити-колледже, когда стал архиепископом Дублина. Лонгфилд первым занимал эту должность с 1832 по 1836 гг. Разочарованный приемом своих «Лекций», Лонгфилд оставил экономику и занялся правом в 1840-х. Его опыт службы судьей в Суде по земельному имуществу в Ирландии привел его к выработке интервенционистских воззрений на экономическую политику, что более или менее перевернуло его более ранние консервативные верования в принципы свободной конкуренции. В 1872 г. в статье для Общества статистических и социальных исследований Ирландии он защищал пенсионное обеспечение по возрасту, государственное образование, бесплатное здравоохранение и регулирование строительства жилья для малоимущих. Он скончался в 1884 году в возрасте 82 лет.

Литература

Е. McKinley, *Longfield, Samuel Mountifort*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); L.S. Moss, *Mountifort Longfield: Ireland's First Professor of Political Economy* (Green Hill Publishing, 1976).

Люксембург**Роза***Luxemburg Rosa*

(1870 — 1919)

Маркс имел довольно-таки своеобразное представление относительно крушения капитализма. Он вовсе не думал, что капитализм, подобно карточному домику, разрушится сам по себе из-за некоего внутреннего недостатка, скорее, считал Маркс, капитализм будет свергнут рабочим классом, потому что развитие капитализма влечет за собой периодические кризисы, безработицу и отчуждение, которые неизбежно будут способствовать повышению революционного классового сознания среди неимущих. Во втором томе Капитала Маркс приводит ряд «уравнений воспроизводства», которые задают условия, требуемые для равномерного, без резких подъемов и спадов, роста двухсекторной капиталистической экономики. Эти условия были достаточно строгими, и нет никаких сомнений, что Маркс хотел этим подчеркнуть, насколько легко они могут быть нарушены. В то же время, эти критерии могли быть использованы с равным успехом и для того, чтобы продемонстрировать, что в закрытой капиталистической экономике в принципе возможен непрерывный, устойчивый рост. Маркс не успел закончить окончательную подготовку этих глав для публикации, и мы можем только догадываться, что именно он намеревался нам показать при помощи своей «схемы воспроизводства». После его смерти эта схема вообще была проигнорирована марксистами, но

публикация Розы Люксембург «Накопление капитала» (*Accumulation of Capital*, 1913) дала начало великому «расхождению во мнениях» среди немецких и австрийских марксистов о том, что подразумевалось под схемой воспроизводства Маркса.

Роза Люксембург не сомневалась в том, что схема Маркса демонстрировала невозможность поддержания устойчивого роста в закрытой капиталистической экономике. Поэтому рост при капитализме предполагал расширение сферы некапиталистического производства либо внутри страны, либо за границей. С увеличением коммерциализации крестьянства в сельском хозяйстве индустриальной Европы и уменьшением площади незаселенных территорий Северной Америки, капитализм все интенсивнее требовал эксплуатации слаборазвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки. Таким образом, она пришла к выводу, что внутренне присущий капитализму недостаток совокупного спроса — существенная причина напряженных международных отношений и дестабилизации, которые характерны для современного мира. А из этого следовало, что ниспровержение капитализма повлечет не только внутреннюю революцию, которую предсказал Маркс, но также международные войны и борьбу колоний за освобождение.

Прочтение «Капитала» Розой Люксембург обсуждалось всеми ведущими марксистами тех времен, включая Михаила Туган-Барановского (1865–1919), Карла Каутского (1854–1938), Николая Бухарина (1888–1938) и Эдуарда Бернштейна*. Роза Люксембург потратила часть срока своего тюремного заключения во время Первой мировой войны на написание книги, в которой она отвечала своим критикам. Эта книга недавно была переведена на английский язык (R. Luxemburg and N. Bukharin *Imperialism and the Accumulation of Capital*, ed. K.J. Tarbuck, Monthly Review Press, 1973). Дебаты продолжали бушевать в течение 1920-х годов. К тому времени она уже вызвала враждебное отношение Ленина своей брошюрой о большевистской революции 1917 года, написав, что широко приветствуемая ленинская диктатура пролетариата была фактически диктатурой коммунистической партии над российским пролетариатом.

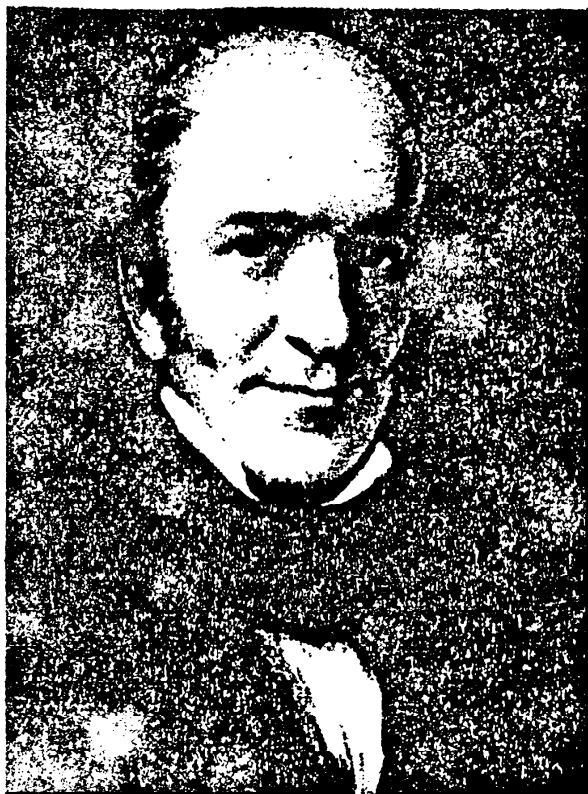
После выхода из тюрьмы в 1918 году, она вместе с Карлом Либкнехтом основала Коммунистическую партию Германии и участвовала в революционной деятельности, которая вспыхнула по всей Германии в 1919 году. Оба они были арестованы, а затем

убиты при таинственных обстоятельствах после взятия под стражу военными.

Роза Люксембург родилась в 1870 году в Польше и провела все детство и юность в Варшаве. Она активно участвовала в социалистическом движении еще во время обучения в школе и была вынуждена бежать за границу (в Швейцарию) в юном возрасте. Поступила в Университет Цюриха и получила степень доктора в 1898 году, защитив диссертацию на тему об индустриальном развитии Польши. Учитывая преобладавшее в то время отношение к образованию женщин, она, возможно, была одной из первых женщин, когда-либо получивших степень доктора экономики. После получения с помощью фиктивного брака немецкого гражданства в 1897 году переехала в Берлин и присоединилась к Карлу Каутскому в борьбе против ревизионизма Бернштейна. Однако вскоре она отмежевывалась от осторожной политики Каутского и возглавила левое крыло Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Начиная с 1907 года регулярно читала лекции по марксистской экономической теории в партийной школе в Берлине и широко публиковалась по вопросам экономики и политической организации. Ее резкая критика войны привела, как мы упомянули выше, к тюремному заключению на срок более трех лет, за которым последовала ее трагическая смерть в возрасте 49 лет.

Литература

J.P. Netti, *Rosa Luxemburg*, Oxford University Press, 1966; T. Kowalik, *Luxemburg, Rosa*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Мак-Куллох
Джон Рамсей
McCulloch
John Ramsay
(1789 — 1864)

Джон Рамсей Мак-Куллох был наиболее усердным учеником Рикардо. Возможно, именно он ответствен за то огромное влияние, которое оказал Рикардо на экономическое мышление тех времен. В течение четверти столетия он написал большое количество экономических статей в «Эдинбургском обозрении» (*Edinburgh Review*), широко читаемом ежеквартальном журнале первой половины XIX в. Кроме того, он был автором «Принципов политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1825), ряда широко читаемых памфлетов и почти бесконечного числа газетных статей. Несмотря на репутацию преданного ученика Рикардо, Мак-Куллох никогда не был просто догматичным последователем. Он охотно признавал различные дефекты в системе Рикардо и действительно открыто не соглашался с некоторыми из его суждений, так же как и с его мнениями по вопросам политики. В отличие от других членов круга Рикардо, он не поддерживал утилитаризм в философии и радикализм в политике. Его взгляды были взглядами либерального тори — оптимистического, но консервативного. Можно даже обнаружить постепенный переход в его работах от строгого абстрактного подхода Рикардо к более свободному анализу Адама Смита. От изложения экономической теории он явно перешел к сбору описательного и фактического материала.

ла. Его «Словарь торговли и коммерческой навигации» (*Dictionary of Commerce and Commercial Navigation*, 1832) и «Статистическое исследование Британской империи» (*A Statistical Account of the British Empire*, 1837) демонстрируют его энциклопедическое знание британской экономики. Эти работы остаются актуальными источниками справочного материала и по сей день. К своей карьере журналиста и собирателя фактов он добавил еще и карьеру профессионального историка экономической мысли. Его работа «Рассуждение о развитии политической экономии» (*Discourse on the Rise of Political Economy*, 1824) была фактически первой попыткой изложения формальной истории экономических доктрин. Впоследствии он редактировал «Богатство народов», работы Рикардо, многие редкие памфлеты XVII и XVIII века по экономическим вопросам, а также аннотированный каталог «Литературы по политической экономии» (*The Literature of Political Economy*, 1845), основанный на его собственной великолепной библиотеке.

Мак-Куллох родился в Шотландии в 1789 году. Он был сыном мелкого землевладельца. Мак-Куллох так никогда и не смог избавиться от заметного шотландского акцента. В Эдинбургском университете он изучал право, затем обратился к журналистике и политической экономии. Когда в 1817 году появились «Принципы» Рикардо, Мак-Куллох написал мастерский обзор книги для *Эдинбургского обозрения*, который вызвал восторженные отзывы Рикардо. В 1820 году он приехал в Лондон, где преподавал экономику частным образом.

После смерти Рикардо в 1823 году друзья и поклонники выбрали Мак-Куллоха для чтения мемориальных лекций о Рикардо. Лекции были затем расширены до статьи «Политическая экономия» для нового издания энциклопедии *Британника* (1824), в которой ставится знак равенства между экономикой Рикардо и самой наукой политической экономии. Академическая карьера Мак-Куллоха не ладилась всю его жизнь. Его назначение в 1828 году профессором в незадолго перед тем основанном университетском колледже Лондона так и не осуществилось, так как не нашлось патрона, готового обеспечивать финансами деятельность кафедры. Более ранняя попытка сделать его главой новой кафедры политической экономии в Эдинбургском университете также потерпела неудачу. Наконец, в 1838 году он получил бессрочную должность управляющего канцелярией Ее Величества. Он почти не участво-

вал в деятельности этого департамента и, отказавшись от эпизодической журналистики, продолжал издавать книги и памфлеты на экономические темы. Умер он в 1864 году в возрасте 75 лет.

Литература

D.P. O'Brien, J.R. McCulloch: *A Study in Classical Economics* (Alien & Unwin, 1970); M. Blaug, *Ricardian Economics: A Historical Study* (Greenwood Press, 1973).

Мальтус

Томас Роберт

Malthus Thomas Robert

(1766 — 1834)

Наиболее известным представителем общественных наук XIX столетия был не Давид Рикардо, и не Карл Маркс, но Роберт Мальтус. По существу, его известность опиралась на одну большую работу, «Опыт о законе народонаселения и его воздействии на будущее улучшение общества с замечаниями о построениях Годвина, Кондорсе и других писателей» (*An Essay on the Principle of Population, As It Affects the Future Improvement of Society; With Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers*, 1798). Мальтус был не первым автором, который обратил внимание на очевидный факт, что рост населения в конечном счете ограничен предложением продовольствия. Но он был, по существу, первым, кто донес это до читателей при помощи простой и яркой метафоры: население, когда ему позволено расти без ограничения, увеличивается в *геометрической* прогрессии, в то время как предложение продовольствия может в лучшем случае увеличиваться в *арифметической* прогрессии. Итак, каким бы ни был реалистичный темп роста предложения продовольствия, беспрепятственное увеличение численности человечества должно быстро привести к тому, что останутся только «стоячие места». Обрисованный им контраст между двумя видами математической прогрессии был доводом такой же гипнотически убеждающей силы,

как хороший рекламный слоган. Очень легко было понять, что даже самая маленькая конечная сумма, возрастающая по самой низкой ставке *сложного* процента должна, в конечном счете, опередить даже самую большую возможную конечную сумму, возрастающую по самой высокой ставке *простого* процента.

Значительное влияние этой работы было обусловлено как общими следствиями ее идей, так и непосредственно основным сильным тезисом. Руссо, Годвин и Кондорсе — три автора из многих, кого упоминал Мальтус — считали, что доброй воли и образования достаточно для установления совершенного социального порядка. Основной целью работы Мальтуса было опровержение их утверждений. Бедность имела свои корни не в социальных и политических институтах, а в различии между темпами роста населения и предложения средств к существованию. Кроме того, ничто не могло сдержать темп роста населения, кроме добровольного ограничения размера семейства самими бедными. Таким образом, Мальтус одновременно объяснил существование бедности, подверг сомнению панацеи, предлагаемые мечтательными реформаторами, и предоставил критерий решения всех вопросов политики в отношении «трудовой бедноты». Поэтому неудивительно, что Мальтус мгновенно достиг широкой известности, однако столь же мгновенно его постигла дискредитация. Поскольку теория народонаселения Мальтуса рационализировала теорию заработной платы как средств к существованию, с которой соглашались все современные экономисты (заработная плата всегда будет иметь тенденцию к уменьшению до уровня, требуемого для выживания рабочих, потому что высокая заработная плата стимулирует увеличение темпов роста населения), Мальтус стал олицетворять собой «мрачную науку» политической экономии, которую презирали столь многие реформаторы и ученые. Впоследствии, когда они нападали на экономическую науку, роль «злодея» часто отводилась именно Мальтусу, а не Адаму Смиту или Рикардо.

Мальтус в конечном счете преобразовал свой первоначальный очерк из 50 тысяч слов в полномасштабный трактат по демографии, содержащий приблизительно 250 тысяч слов. В ходе этого преобразования он фактически полностью отказался от своих первоначальных тезисов. Ранее он утверждал, что обычно увеличение населения сверх пределов, обусловленных предложением продовольствия, сдерживается естественными препятствиями (война,

голод или мор, которые поддерживают на высоком уровне показатель смертности) или превентивными факторами (аборты и детская смертность, которые уменьшают темпы рождаемости), и оба эти вида препятствий он считал проявлением “нищеты и пороков”. Теперь же он признал, что рост населения может также сдерживаться “моральными ограничениями”, такими, как увеличение возраста вступления в брак, сопровождаемое строгим сексуальным воздержанием до брака. Этому специфическому профилактическому препятствию было позволено остаться без неодобрительного ярлыка. Хотя Мальтус всегда оставался глубоким пессимистом по поводу способности человечества регулировать собственную численность моральными ограничениями, добавление этой концепции несколько просветляло слишком уж темные и мрачные тона его рассуждений, а также давало возможность истолковывать любые неблагоприятные с точки зрения основной концепции эмпирические свидетельства.

Сам Мальтус, подобно почти всем деятелям той эпохи, считал меры по ограничению рождаемости не просто нравственно недопустимым явлением, но по существу греховным. Однако по прошествии нескольких десятилетий после его смерти представители движения за ограничение рождаемости ухватились за его теорию народонаселения, чтобы оправдать свои действия, называя себя немальтузианцами. Так, по иронии судьбы, теория народонаселения Мальтуса в конечном счете стала центральным принципом платформы почти всех викторианских реформаторов. Однако в первой четверти XX столетия мальтузианский призрак перенаселенности уступил место кейнсианскому призраку недонаселенности, и влияние Мальтуса уменьшилось. После Второй мировой войны проблема развивающихся стран снова сделала теорию Мальтуса востребованной, давая ей новую жизнь.

В то время как известность Мальтуса при жизни была обусловлена в основном его теорией народонаселения, современная репутация Мальтуса среди экономистов основана больше на его возражениях против закона рынков Сэя и современной ему рикардianской доктрины невозможности общего перенасыщения товарами. Кейнс приветствовал Мальтуса как предшественника, и велись бесконечные споры о том, были ли взгляды Мальтуса относительно перенасыщений товарами — или, как мы в настоящее время говорим, депрессий деловой активности — в его «Принципах полити-

ческой экономии» (*Principles of Political Economy*, 1820) простым смешением идей или удивительно проницательным предвидением проблемы недостаточности эффективного спроса.

Роберт Мальтус родился в 1766 году, за 10 лет до публикации Смитом «Богатства народов», и всегда считал себя учеником Адама Смита. Получив частное образование, он поступил в Колледж Иисуса в Кембридже и окончил его в 1788 году с ученой степенью по математике. Мальтус принял духовный сан в 1797 году и в течение непродолжительного периода держал небольшой приход. Он женился в 1805 и вскоре после того был назначен профессором современной истории и политической экономии в Колледже Ост-Индской компании в Хейлибери, первое назначение такого рода в Англии. Он умер в 1834 году, в год отмены старого Закона о бедных и принятия нового, который, можно сказать, был вдохновлен его произведениями. Помимо своего «Опыта о законе народонаселения и его воздействии на будущее улучшение общества» (*An Essay on the Principle of Population, As It Affects the Future Improvement of Society*, 1798), он издал ряд менее значительных, но существенных публикаций по экономическим вопросам, например, «Исследование о природе и возрастании ренты» (*An Inquiry into the Nature and Progress of Rent*, 1815), «Мера ценности: изложение и пояснения» (*The Measure of Value Stated and Illustrated*, 1823) и «Определения в политической экономии» (*Definitions in Political Economy*, 1827).

Литература

D.V. Glass (ed.), *Introduction to Malthus* (Watt, 1953); G.F. McCleary, *The Malthusian Population Theory* (Faber & Faber 1953); P. James, *Population Malthus: His Life and Times* (Roudedse & Kegan Paul, 1979).

Ман

Томас

Mun Thomas

(1571 — 1641)

Для тех, кто хочет прочитать типичную работу сторонника системы меркантилизма, трудно посоветовать что-то лучшее, чем труд Томаса Мана «Богатство Англии во внешней торговле» (*England's Treasure by Forraign Trade*), написанный в 1628 году, но изданный посмертно только в 1664 году. Во всяком случае, Адам Смит* расценил эту работу как великолепный репрезентативный пример из большого количества подобной литературы: «Название книги Мана, — писал он, — стало фундаментальным принципом в политической экономии не только Англии, но и всех других торговых стран».

Основные особенности системы меркантилизма хорошо известны: торговый баланс как индекс экономического процветания, потому что сущность богатства — «драгоценности» или «звонкие монеты», то есть золото и серебро; регулирование внешней торговли, направленное на постоянное превышение экспорта над импортом и, следовательно, постоянный приток золотых и серебряных денег; содействие внутренней промышленности за счет стимулирования импорта дешевого сырья и введения протекционистских пошлин на конкурирующие импортные промышленные товары; поддержка экспорта конечных товаров, потому что это максимизирует внутреннюю занятость; и, наконец, поддержка прироста на-

селения, потому что это удерживает заработную плату и, следовательно, цены на низком уровне. Но Адам Смит увидел во всем этом наборе идей сторонников системы меркантилизма ошибку, которая состояла в отождествлении денег с капиталом. Подобно индивидууму, страна должна тратить меньше, чем ее доход, чтобы ее богатство увеличивалось. Однако, этот не потребленный излишек есть капитал, а не деньги, поэтому превышение дохода над потреблением, позволяющее накапливать капитал, не имеет ничего общего с благоприятным торговым балансом, способствующим притоку золота и серебра.

Другие авторы XVIII столетия, например Юм*, а также классические экономисты, которые следовали за Смитом, использовали еще один аргумент против меркантилистов. Совершенно непродвижимые силы, как они утверждали, имеют тенденцию устанавливать “естественное распределение звонкой монеты” между торговыми странами мира и такие уровни внутренних цен в различных странах, чтобы привести экспорт в равенство с импортом. Любая дополнительная золотодобыча в одной стране поднимает уровень цен этой страны относительно других стран; происходящий из этого избыток импорта должен финансироваться оттоком золота; это порождает тот же самый процесс в получающей золото стране; и процесс продолжается, пока все торгующие страны не установят новое равновесие между экспортом и импортом, соответствующее более высокому предложению золота. Внешняя торговля и золото подобны жидкости в двух сообщающихся сосудах, которая постоянно ищет для себя равновесный уровень. Следовательно, политика, стремящаяся к благоприятному торговому балансу, просто обречена на провал.

Действительно ли книга Мана не только ошибочно отождествляет деньги с капиталом, но также и игнорирует механизм денежного потока, только что описанный выше? Несомненно да, хотя необходимо заметить, что сам Ман, кажется, неоднократно интуитивно ловит проблеск недостатков в своем собственном рассуждении. Представление о том, что торговый баланс, под которым он подразумевал и видимые, и невидимые составляющие текущего общего платежного баланса, является «правилом» или «критерием» национального богатства, введено на первых страницах книги. Аналогично, он переходит в типичной меркантилистской манере к осуждению потребления предметов роскоши из-за высокого со-

держания импорта среди предметов роскоши. Тем не менее, он делает оговорку, что Англия должна импортировать какую-то часть товаров, чтобы не ослаблять иностранную покупательную способность, необходимую для покупки английского экспорта. Он рекомендует транспортную торговлю в большей степени, чем экспорт конечных промышленных товаров, а последний в большей степени, чем экспорт промежуточных продуктов, поскольку транспортная торговля является наиболее трудоемкой из всех экспортных отраслей. Затем следуют некоторые грубые оценки эластичности спроса по цене на различные типы товаров английского экспорта на иностранных рынках, в соответствии с которыми он устанавливает принципы для введения экспортных пошлин. Будучи заинтересованным в защите торговых отношений Англии с Ост-Индией, при которых товары шли в Англию, будучи полностью оплаченными серебряной монетой — постоянный неблагоприятный торговый баланс — он проводит тщательное разделение между двусторонним торговым балансом одной страны с другой и многосторонним торговым балансом страны с остальной частью мира: двусторонний баланс может быть неблагоприятным, отражая трехсторонние торговые отношения, но это не имеет большого значения, пока имеется благоприятный многосторонний торговый баланс.

В его книге можно найти все элементы механизма денежного потока, но они не собраны в единую, связную цепь рассуждения. Он понимает, что приток золота поднимает цены, а высокие цены уменьшают экспорт, из чего следует вывод, что любой благоприятный торговый баланс будет существовать весьма недолго. Но он не смог прийти к этому выводу, возможно, не только потому, что это разрушило бы весь его центральный тезис, но и потому, что он формировал свое мнение на примере торговли с Ост-Индией, из которой золото и серебро никогда не возвращалось и, соответственно, никогда не поднимало цены в Англии.

После сказанного выше, не вызовет большого удивления тот факт, что Ман был видным членом Ост-Индской компании и что его первая работа по экономике, «Рассуждения о торговле Англии с Ост-Индией» (*A Discourse of Trade from England Unto the East Indies*, 1621) защищала Ост-Индскую компанию от определенных обвинений в том, что торговля с Ост-Индией стала причиной экономической депрессии 1620 года, так как истощила запасы сереб-

ра в Англии. Об образовании Мана ничего не известно, но вероятно, он учился у купцов, занимающихся средиземноморской торговлей, и сперва сделал большое состояние на торговле с Ост-Индией. Он был третьим звеном в лондонской торговой династии: его отец и дедушка служили чиновниками Королевского монетного двора, а его отчим был одним из первых директоров Ост-Индской компании. В конце жизни Ман купил землю и поселился на ней как знатный помещик. В своем поместье он и умер в возрасте 70 лет.

Литература

R.W.K. Hinton, *Mun, Thomas*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Мангольдт

Ганс Карл Эмиль фон

Mangoldt Hans

Karl Emil von

(1824 — 1868)

Экономическая мысль в Германии в XIX веке лишь постепенно поддавалась чарам исторической школы. В первой половине столетия отдавалась дань романтическому национализму Адама Мюллера (1779–1829), либеральному национализму Листа*, государственному социализму Карла Родбертуса (1805–75) и Фердинанда Лассаля (1825–64), а также более абстрактным учениям немецких классических экономистов, таких, как Тюнен*, Карл Генрих Рау (1792–1870), Фридрих Вильгельм фон Герман (1795–1868). Но самым выдающимся из них был Карл Эмиль фон Мангольдт. Эта немецкая классическая школа происходила частично от Адама Смита*, частично от французской теории полезности XVIII века, представленной Галиани*; большинство идей Рикардо было отвергнуто, но теория народонаселения Мальтуса и теория сравнительных затрат была сохранена; концепция ренты была обобщена и применена ко всем факторам производства; вознаграждение факторов было признано зависящим от предельных доходов в той же степени для труда и капитала, как и для земли; и особый акцент был сделан на прибыль предпринимателя как на особую форму дохода наряду с заработной платой, процентом и рентой.

Мангольдт родился в Дрездене в 1824 году. Он изучал право и политологию в университетах Лейпцига, Женевы и Тюбингена,

получив докторскую степень в Тюбингене в 1847 году. В течение нескольких лет он занимал правительственный пост, с которого был вынужден уйти в отставку в связи с тем, что выражал либеральные политические взгляды. Затем он редактировал газету, и это тоже привело к его отставке по политическим причинам. Публикация первой важной работы Мангольдта, «Теория предпринимательской прибыли» (*Die Lehre von Unlemergergezuinn, The Doctrine of Entrepreneurial Gain*, 1855), привела его, наконец, к академическому посту в Геттингенском университете. *Unternehmergewinn* (предпринимательство) было термином Тюнена, которым тот обозначал особые компоненты прибыли. Монография Мангольдта развила анализ Тюнена до исчерпывающей классификации различных элементов дохода предпринимателя. В 1862 году Мангольдт перешел во Фрайбургский университет на пост профессора политологии и политической экономии. Годом позже он издал свою главную работу, «Основные принципы политической экономии» (*Grundriss der Volkswirthschaftslehre; Outline of Political Economy*, 1863), из которой только одна глава была переведена на английский язык. Это был исчерпывающий, но очень сжатый труд, который выделяется не только новаторской трактовкой формирования цен, но также щедрым использованием графиков, в том числе изображающих пересечение кривых спроса и предложения, как у Маршалла. Несомненно, Курно*, Дюпюи* и Госсен* опубликовали свои идеи до Мангольдта, но нет никаких свидетельств, что Мангольдт что-либо знал об их работах.

Мангольдт выводил нисходящую кривую спроса на том основании, что «потребительная ценность каждой следующей единицы продукта будет всегда тем меньше, чем большее его количество уже имеется». Также он изображал три кривые предложения: горизонтальную линию, представляющую случай постоянных затрат; обратной *L*-формы, представляющую случай постоянных затрат до некоторого жестко лимитированного объема предложения; и кривую *U*-формы, представляющую случай экономии от масштаба с последующей дизэкономией от масштаба. В последнем случае он объяснил, что нижний предел рыночной цены будет задан «затратами на последнюю единицу продукции или максимальными необходимыми затратами производства».

Мангольдт следовал за Тюненом не только в его анализе предпринимательской прибыли, но также и в использовании предель-

ной теории производительности для определения вознаграждения факторов производства: уровень заработной платы определяется «предполагаемой отдачей от наименее производительной, то есть предположительно последней примененной единицы труда». Аналогично, «чистый доход последней использованной единицы капитала определяет процентную ставку». Кроме того, «Основные принципы» Мангольдта содержали весьма глубокие идеи из области монетарной экономики, в частности, удивительно ясное предвосхищение объяснения Викселем циклических колебаний в терминах соотношения между «естественной» и «рыночной» ставкой процента. Книгу Мангольдта высоко оценили Эджуорт* и Маршалл*, но на родине его работы не были широко известны. Мангольдт умер в 1868 году в возрасте 44 лет, его карьера как экономиста продолжалась всего 15 или 16 лет.

Литература

Е. Schneider, *Mangoldt, Hans Karl Emil von*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); K.H. Hennings, *The Transition from Classical to Neoclassical Economic Theory: Hans Von Mangoldt*, (Kyklos, 33(4), 1980).

Мандевиль

Бернард

Mandeville Bernard

(1660 — 1733)

Одной из популярных доктрин XVIII века было предположение о том, что эгоистичные импульсы человека, несмотря на эгоистичность, работают на общее благо, потому что внутреннее чувство моральной справедливости удерживает эти импульсы под контролем, не сознательно, а подсознательно как часть Божественного Плана. Эта идентификация частных добродетелей с общественными была разрушена публикациями «Басен о пчелах» (*The Fables of the Bees*, 1714–29) под саркастическим подзаголовком «Частные пороки, общественные выгоды» (*Private Vices, Public Benefits*) Бернардом Мандевилем, голландским врачом, который приехал в Англию, когда ему было 29 лет. Скандальный аргумент Мандевилля был прост: личный интерес на самом деле был моральным пороком, который, однако, способствовал экономическому процветанию, а значит, и общественным выгодам как непреднамеренные последствия действий, предпринимаемых исключительно по частным и порочным причинам. Короче говоря, имелась гармония частных и общественных интересов, но не благодаря Божественному Провидению, а из-за того, что Адам Смит позднее назвал “невидимой рукой”, направляющей каждого индивида, чтобы способствовать процессу, который не был частью его намерения.

Сатира Мандевиля — общество как улей, производящий мед, хотя каждой пчелой движет жадность и жажда — была преднамеренно сделана такой обидной, чтобы содействовать пересмотру традиционных воззрений: потребление предметов роскоши ради привлечения к себе внимания, мода на импортные вещи, преступления, и даже естественные бедствия, такие, как лондонский пожар 1666 года — все это стимулирует «разделение труда» (*division of labour*, термин Мандевиля) и способствует оживленной торговле и полной занятости, а такие предполагаемые достоинства, как бережливость и милосердие, способствуют обеднению и стагнации. «Басня о пчелах» широко обсуждалась в XVIII столетии и критиковалась всеми ведущими мыслителями. Нет сомнений, что именно о ней думал Адам Смит, когда писал «Богатство народов». И все же он принял основу доктрины Мандевиля о непреднамеренных социальных последствиях, хотя в основном отверг ее форму. Мандевиль утверждал, что «частные пороки искусным управлением опытного политического деятеля могут быть обращены в общественные выгоды», и в его работах меркантилистская вера в важность поддержания благоприятного торгового баланса заглушает время от времени звучащие намеки на принцип невмешательства государства в экономику. Смит, напротив, считал, что именно механизм конкуренции, а не мудрость политических деятелей обращает частные пороки в общественные выгоды.

Литература

М.М. Goldsmith, *Mandeville, Bernard*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 9, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); P. Harth, *Introduction*, *The Fable of the Bees* by Mandeville (Penguin Books, 1970).

Маркс

Карл Генрих

Marx Karl Heinrich

(1818 — 1883)

Карл Маркс родился в Трире, в Рейнленде, что в Пруссии (ныне — Западная Германия), в еврейской семье, которая обратилась в христианство по социальным соображениям. Он учился в университетах Бонна, Берлина и Йены, где получил степень доктора философии в возрасте 23 лет. Будучи студентом, он начал общаться с молодыми гегельянцами, группой интеллектуалов, которая превратила консервативную философию Гегеля в орудие жесткого социального критицизма. Статьи молодого Маркса вскоре лишили его шансов сделать академическую карьеру, и он обратился к журналистике. Вынужденный бежать из Германии в связи с закрытием издававшейся им газеты, он поселился сначала в Париже, затем в Брюсселе и, наконец, в 1848 году приехал в Лондон, где и провел всю оставшуюся жизнь. Он уже завязал дружбу с Фридрихом Энгельсом, сыном богатого немецкого фабриканта, производившего хлопок и имевшего деловые интересы в Манчестере. Эти два человека стали сотрудничать почти сразу после того, как встретились. Энгельс хорошо знал Адама Смита* и Рикардо* и убедил Маркса проявить интерес к теориям английских экономистов-классиков. Это привело к первой публикации Маркса в области экономической науки, «Нищета философии» (*The Poverty of Philosophy*, 1847). Эта публикация представляла собой критику имевших в то

время влияние социалистических идей Прудона*. В 1848 году Маркс и Энгельс опубликовали для недавно сформированного Лондонского комитета союза коммунистов «Манифест коммунистической партии» (*The Communist Manifesto*), возможно, самый influential политический памфлет из всех когда-либо написанных памфлетов. Сильные фразы, открывающие и закрывающие этот памфлет, до сих пор отдаются эхом в нашей памяти: «Вся история прежде существовавшего общества есть история классовой борьбы... Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Они должны освободить мир. Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

После 1848 года Маркс и Энгельс редко писали вместе, но продолжали общаться и сотрудничать вплоть до смерти Маркса в 1883 году. После переезда в Лондон Маркс не имел работы, и всю жизнь зависел от финансовой помощи и, в конечном счете, от ежегодных фиксированных денежных выплат Энгельса. Маркс так и не смог до самой смерти завершить свой великий шедевр, «Капитал»; лишь том I был опубликован прижизненно в 1867 году.

После смерти Маркса Энгельс потратил более 10 лет, готовя для публикации тома II и III (1885, 1894). Вследствие смерти Энгельса в 1895 году том IV, составлявший почти 1000 страниц, — история экономической мысли от Петти до Милля, — остался неоцененным. Позднее он был опубликован Карлом Каутским, ведущим немецким марксистом. Короче говоря, дружба Энгельса с Марксом является одним из самых удивительных в истории социальной науки примеров бескорыстной интеллектуальной привязанности.

Маркс потратил свыше 20 лет, работая над публикацией «Капитала». Мы можем видеть, что еще до появления книги «Нищета философии», в не предназначавшихся для публикации «Экономических и философских рукописях» (*Economic and Philosophical Manuscripts*, 1844) и более поздней работе «Критика политической экономии» (*Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie; Foundations of a Critique of Political Economy*), написанной в 1857–58 годах, но изданной только в наше время, он стал весьма глубоко изучать экономическую литературу своего времени. В этих ранних работах еще сильно влияние Гегеля, но даже здесь оно начинает уходить на задний план, а на первый план выходит влияние Рикардо. Все больше и больше Рикардо (и особенно его модификация трудовой теории ценности) начал определять задачу, поставлен-

ную Марксом для самого себя. Рикардо показал, что, поскольку капитал и труд комбинируются в неодинаковых пропорциях в различных отраслях, трудовая теория ценности верна лишь приблизительно: строго говоря, никогда нельзя придерживаться утверждения о том, что относительные цены товаров определяются рабочим временем, требуемым для их производства. Рикардо был удовлетворен степенью приближения, которую предоставляла его теория, но Маркс был полон решимости продемонстрировать, что трудовая теория ценности верна не для каждого отдельного товара, а для всей системы товаров, рассматриваемых вместе, т.е. на макроуровне, говоря современным языком. Отсюда следовало, думал Маркс, что прибыль как доход капиталиста представляет собой не что иное, как «неоплаченный труд» — часть совокупного выпуска, созданная живым трудом, но экспроприированная собственниками средств производства. В этом заключалось главное обвинение Маркса в отношении капиталистической системы, причем обвинение, основанное не просто на этике или нормах справедливости, но на, как он полагал, строгих научных принципах, заложенных английскими экономистами-классиками.

«Капитал» по своей структуре был специально предназначен для того, чтобы отобразить философское различие между лежащей в основе «сущностью» вещей и их поверхностными «явлениями». В томе I предполагается, что трудовая теория является верной на глубинном, сущностном уровне понимания. Однако тома II и III показывают, что реальный мир искажает эту «сущность», потому что общепринятый способ определения цен — суммирование издержек и прибыли. Маркс пытался доказать, что эти цены фактически представляют собой преобразованные трудовые ценности. К сожалению, он был не вполне удовлетворен своими собственными доказательствами, кроме того, прижизненно он так и не смог закончить эти поздние тома «Капитала». Неудивительно, что дебаты, посвященные выработке ясной точки зрения относительно того, что он хотел в действительности сделать, продолжались почти четверть столетия. Излишне говорить, что и сейчас не достигнуто согласия по поводу его научных достижений, даже если оценивать их при помощи его собственной терминологии.

С такой тщательностью продуманный и изощренный аппарат, сконструированный Марксом для доказательства своей правоты, в итоге никогда и никого так и не сделал социалистом. Что

реально действовало на людей и убеждало, так это местами просто блестящая риторика на страницах, которые, вместо скучных абстракций, содержали живые описания нищеты рабочего класса при капитализме и апокалипсические предсказания неизбежного краха капитализма с той безапелляционной уверенностью, которая вообще свойственна предсказаниям из области естественных наук.

Стали популярными разговоры о том, что Маркс был не просто экономистом, но разносторонним специалистом в области общественных наук, который интегрировал экономическую теорию, социологию, политическую науку, историю и даже антропологию: о Марксе написаны сотни книг, в которых его экономические идеи едва упоминаются. Но Маркс написал не больше дюжины страниц о понятии общественного класса, теории государства и материалистической концепции истории. В то же время, им написаны едва ли не 10 000 страниц, посвященных чистой и фундаментальной экономической теории. Экономика была единственной общественной наукой, все аспекты которой он профессионально освоил. И пусть не будет сомнений в том, что он был действительно великим экономистом.

Даже если мы отвергаем фундаментальную марксистскую схему и большинство его основных заключений (если не все из них), все же надо признать, что три тома «Капитала», а особенно два последних, содержат множество замечательных образцов анализа, из которых современные экономисты еще многому могут научиться. Рост крупных предприятий, отделение собственности от контроля, к которому приводит такой рост, функциональная роль безработицы как метода дисциплинирования рабочих при капитализме, смысл изменений заработной платы в ходе делового цикла, периодичность делового цикла как его неотъемлемое свойство, влияние технического прогресса на норму прибыли, капиталосберегающая природа технического прогресса, — список можно продолжать бесконечно.

Мы даже можем найти нечто вроде современной теории роста, хотя и в простом варианте. Чтение Маркса *все еще является* полезным занятием. Да, он труден для восприятия, очень труден, но изучать его стоит, поскольку он развивал свои идеи исключительно ради них самих; в такие моменты он наслаждался, подобно Рикардо или Вальрасу, абстрактной мощью экономического мышления.

Литература

M. Rubel, *Marx, Karl*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); D. McLellan. *Karl Marx. His Life and Thought* (Macmillan, 1973); L. Kolakowski. *Main Currents of Marxism*, 3 vols. (Oxford University Press, 1978); M. Blaug, *Economic Theory in Retrospect* (Cambridge University Press, 4th edn, 1985), Chapter 7.

Маршалл
Альфред
Marshall Alfred
(1842 — 1924)

Из всех великих экономистов Альфред Маршалл — один из самых сложных для изучения. Начиная с 1890-х годов и вплоть до 1930-х он был доминирующей фигурой в британской экономической науке, а его книга «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*, 1890) до сих пор способна очаровывать и восхищать читателя. С другой стороны, его этический пыл и викторианское благочестие всегда отталкивали некоторых комментаторов, а его пренебрежительное отношение к Вальрасу*, Менгеру* и Бем-Баверку* неизменно вызывало глубокое возмущение на континенте. Он был отличным математиком — в действительности, гораздо более сильным, чем такие общепризнанные математики-экономисты, как Джевонс*, Вальрас* и Бароне*, но он скрывал свою математику в приложениях, и даже свои элегантные графики переносил в сноски, поскольку надеялся, что его будут читать бизнесмены. Он сделал большой оригинальный вклад в теорию статического равновесия, и всю свою жизнь страстно хотел разработать динамическую теорию, но был не способен сделать это, даже дойдя до декларации о том, что не механика, а биология является «Меккой экономиста». Одной из его основных тем было доказательство того, что цена всегда определяется спросом и предложением (работающими как «оба лезвия ножниц») и, несмотря на все

свидетельства об обратном, утверждал, что это, разумеется, прекрасно понимали великие экономисты-классики до него — история экономической мысли была бесшовной сетью, и в ней никогда не было «маржинальной революции».

Он твердо верил в частную собственность и достоинства рыночной экономики, при этом открыл одни из самых лучших доводов против доктрины, согласно которой свободные рынки максимизируют экономическое благосостояние, он всегда тайно сочувствовал профсоюзам и даже социализму. Он никогда не выражал своего мнения, будь то в области чистой теории или по вопросам конкретных политических мер, не приводя почти бесконечного перечня оговорок. Короче говоря, это был очень сложный, противоречивый экономист и, возможно, именно в этом заключается тайна его устойчивой привлекательности.

Его жизнь была относительно небогата событиями даже для представителя академической среды. Он родился в Лондоне в 1842 году в семье со скромным достатком, относившейся к среднему классу, и воспитывался чрезвычайно строгим отцом в расчете на то, что станет священником. Однако он взбунтовался против этого плана и поступил в Колледж св. Джона в Кембридже для изучения математики, закончив его в 1865 году как «второй отличник на экзамене по математике», что соответствовало степени бакалавра с отличием. Он был немедленно избран на должность преподавателя математики в Колледже св. Джона, но вынужден был оставить ее в 1877 году, когда женился на Мэри Пейли, своей бывшей студентке (в те годы от сотрудников Оксфорда и Кембриджа требовалось соблюдение обряда безбрачия, как от священников). Затем в течение пяти лет был ректором и профессором политической экономии Университи-колледжа в Бристоле (ныне Университет Бристоля), один год — сотрудником Бэллиол-колледжа в Оксфорде (оксбриджское требование безбрачия было к тому времени отменено), и вернулся в Кембридж в 1885 году как профессор политической экономии. Он оставался в Кембридже вплоть до ухода на пенсию в 1908 году, когда эту должность занял самый выдающийся его ученик Пигу*.

Ко времени издания «Принципов экономической науки» ему было уже 48 лет. Не считая обзорных публикаций и некоторых статей, он печатался мало. В двух ранних трактатах «Чистая теория международной торговли» (*The Pure Theory of Foreign Trade*)

и «Чистая теория внутренних цен» (*The Pure Theory of Domestic Values*), изданных в 1879 году, некоторые идеи Джона Стюарта Милля* были переработаны в строгие графики. Эти работы показывали, что Маршалл овладел основами маржинализма, но без намека на теорию полезности. Небольшая книга, написанная совместно с женой, «Экономика промышленности» (*The Economics of Industry*, 1879), опять-таки содержала мало признаков новой экономической теории. Позднее он настойчиво утверждал, что работы Курно*, Дюпюи* и Тюнена* привели его фактически к открытию предельной полезности и предельной производительности в 1860-е годы — задолго до опубликования работ Джевонса, Менгера и Вальраса. Хотя, подобное его утверждение нельзя назвать бесспорным. Тем не менее, благодаря столь длительной доработке «Принципов», он обеспечил авторитетность своего обобщения результатов «маржинальной революции» и, в то же время, смог определенным образом примирить старую классическую экономическую теорию с новой, «неоклассической».

За свою жизнь он опубликовал еще две большие книги: «Промышленность и торговля» (*Industry and Trade*, 1919) и «Деньги, кредит и торговля» (*Money, Credit and Commerce*, 1923), но ни одна из них не имела успеха *Principles*. Аналогично, его многочисленные официальные докладные записки и эмпирические данные, представленные Королевским комиссиям по исследованиям в 1880-е и 1890-е годы, были мало известны за пределами Кембриджа.

Среди большого количества аспектов оригинального вклада Маршалла в экономическую науку, которые он скромно представлял в виде достижений прошлого, мы можем выделить: анализ частичного равновесия, проведение различий между рыночным периодом, коротким периодом и длительным периодом, улучшенный анализ кривых спроса, идею эластичности спроса по цене, понятие излишка потребителя и излишка производителя, анализ условий стабильности равновесия, проведение различий между отраслями с возрастающими и убывающими издержками и между внутренней и внешней экономией от масштаба, явное признание несовместимости конкуренции и долгосрочных убывающих кривых предложения, приведшее к утверждению о том, что совершенная конкуренция не максимизирует экономическое благосостояние, поскольку совокупное благосостояние можно всегда увеличить посредством фискальной политики налогообложения отрас-

лей с возрастающими издержками для субсидирования отраслей с убывающими издержками, понятие квази-ренды, определение репрезентативной фирмы, и т.д., и т.п. Некоторые из этих идей стали основой основ учебников по экономике, тогда как другие идеи, например, его версия излишков потребителя и производителя, выводы о налогах и субсидиях, а также понятие репрезентативной фирмы были почти целиком отвергнуты. Еще один блок идей, таких, как проведение различий между отраслями с возрастающими и убывающими издержками и между внутренней и внешней экономией от масштаба, вошли в экономическую мысль, но были настолько изменены и усовершенствованы, что их собственно маршаллианское происхождение практически не признается.

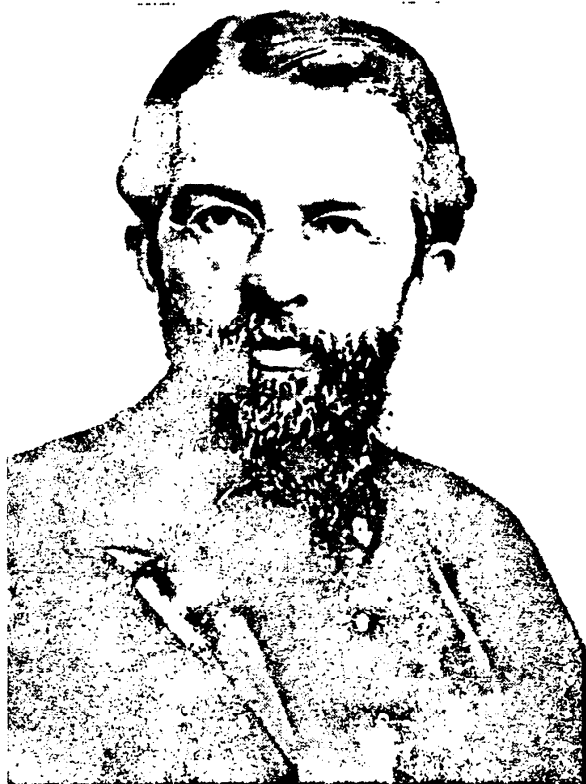
Всем вышесказанным далеко не исчерпывается то бесчисленное множество идей, заложенных в его книге, которая является классической в двух смыслах этого слова: как сохраняющая ценность в течение длительного времени и как вмещающая лучшее из классической традиции политической экономии. Ведь большая часть работ Джевонса, Менгера и Вальраса основана на предпосылке, согласно которой предложение ресурсов в экономике фиксировано, и единственная проблема состоит в том, как разместить их между альтернативными способами использования. Однако Маршалл никогда не упускал из виду тот факт, что количество ресурсов также растет со временем, и поэтому рост населения и накопление капитала, не говоря уже о техническом прогрессе, являются реально значимыми экономическими проблемами. Аналогично, он нашел место для обсуждения «специфических характеристик труда» — тех динамических сил, действующих в сфере предложения труда, которые приводят к кумулятивному ослаблению позиции рабочих в переговорных процессах на рынках труда. Таким образом, был сделан, возможно, самый серьезный вклад в экономику труда со времен «Богатства народов» Смита.

Следует признать, что он почти ничего не писал о теории денег (по крайней мере, в «Принципах») или о деловых циклах и макроэкономике, и поэтому был ответствен за докейнсианскую точку зрения, согласно которой эти вопросы считались периферийными для экономической науки. Способ же, посредством которого он перемежал свой статический анализ обрывками динамики и даже анализа исторических процессов, сеял путаницу, на устранение которой были направлены огромные усилия целого

поколения экономистов. Но это была цена, заплаченная не столько за величие, сколько за влияние: Маршалл, особенно в Британии, имел влияние большее, чем заслуживает любой из великих экономистов.

Литература

Ж.М. Кейнес, *Essays in Biography* (Macmillan, 1933); В. Корри, *Marshall, Alfred*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); Д.П. О'Бриен, А. Маршалл. *Pioneers of Modern Economics in Britain*, Д.П. О'Бриен and Ж.Р. Пресли (eds.) (Macmillan, 1981); *Alfred Marshall: Critical Assessments*, ed. J.C. Wood (Croom Helm, 1983).

Менгер

Карл

Menger Carl

(1840 — 1921)

Карл Менгер издал свои «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*) в 1871 году — в том же самом году, в котором Джевонс издал «Теорию политической экономии» (*The Theory of Political Economy*). Тремя годами позже появились в печати «Элементы чистой экономики» (*Elements of Pure Economics*, 1874) Вальраса. Все три автора отвергали теории ценности на основе затрат производства, и каждый использовал принцип убывающей предельной полезности как краеугольный камень нового стиля экономической теории. Приблизительно к 1900 году стало стандартной практикой объединять этих трех авторов в одну группу как основателей “маржиналистской революции”. Но тот факт, что Джевонс, Менгер и Вальрас издали свои труды одновременно, является чисто случайным, потому что никто из них не знал о работах другого, и все они вдохновлялись совершенно различной литературой. Кроме того, их различия почти так же заметны, как их подобия. С одной стороны, Вальрас выделяется тем, что сделал последовательный акцент на концепцию общего, мульти-рыночного равновесия, которая полностью отсутствует как у Джевонса, так и у Менгера. С другой стороны, Менгер выделяется последовательным подчеркиванием субъективных элементов экономической деятельности, сомнениями относительно самой концепции рав-

новесия — он настаивал, что многие наблюдаемые экономические явления нужно объяснять в терминах нарушения равновесия — и своими опасениями по поводу использования математики в экономическом анализе. Джевонс не сумел основать английскую школу последователей. Вальрас вскоре привлек несколько учеников, но в Италии, а не во Франции или Швейцарии. Однако Менгер привлек не просто учеников, но активных учеников — таких как Бем-Баверк* и Визер*, которые построили свои теории на его идеях и развили эти идеи в различных направлениях, основав объединенную австрийскую школу экономики, которая в течение 50 лет боролась за первое место в мире с кембриджской школой Маршалла и лозаннской школой Вальраса.

Менгер родился в 1840 году в Галиции, в южной Польше (тогда была частью Австро-Венгерской империи). Он был одним из трех сыновей в преуспевающем профессиональном семействе. В доме была такая атмосфера, что не только Карл (*Carl*), но и два его брата, Антон и Карл (*Karl*) достигли академической известности (Антон Менгер стал философом права и историком социализма, а Карл Менгер стал знаменитым математиком). Карл Менгер изучал право в университетах Вены, Праги и Кракова, получив степень доктора права в Краковском университете в 1867 году. Его первый пост был в отделе печати при канцелярии премьер-министра в Вене, и здесь он начал серьезно изучать экономику. После написания «Принципов экономики» он получил возможность читать лекции в Венском университете, а в 1873 году стал профессором этого университета. В 1876 году, подобно Адаму Смиту*, он стал частным учителем эрцгерцога Рудольфа, австрийского наследного принца, и много путешествовал с ним по Германии, Франции и Англии. В 1879 году он возвратился в Венский университет и начал «Битву методов» (*Methodenstreit*), опубликовав работу «Проблемы экономики и социологии» (*Problems of Economics and Sociology*), которая была атакой на более молодую немецкую историческую школу. Когда Шмоллер* ответил на его критику, Менгер усилил свою атаку острым памфлетом «Ошибки историзма в немецкой политической экономии» (*Die Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie; The Fallacies of Historicism in German Political Economy*, 1884). Эта работа обострила отношения с обеих сторон и произвела глубокий раскол между немецкой и австрийской экономической наукой, который сохранялся почти до совре-

менной эпохи. В начале 1890-х годов он написал множество статей по монетарной экономике, которые легли в основу более поздних австрийских работ о ценности денег, особенно работ Людвиг фон Мизеса (1881–1973). В 1903 году он оставил кафедру в Вене, чтобы полностью посвятить себя написанию большого труда, который должен был привести его первую работу в соответствие с современностью. Но он не дожид до завершения этой задачи. Некоторые фрагменты рукописи, которые перешли к его сыну по завещанию после его смерти в 1921 году, были изданы впоследствии только частично.

Первая половина «Принципов» Менгера посвящена теории ценности, особенно первые три главы, что являет поразительный контраст с работой Джевонса «Теория политической экономии». В отличие от Джевонса, Менгер развивал свои аргументы не в терминах максимизации удовольствия, а в терминах удовлетворения субъективно-чувственных потребностей, избегая использования диаграмм и математических формул. С самого начала оценка производительных товаров («товаров более высокого порядка», как Менгер их назвал) трактуется таким же образом, как и оценка конечных потребительских товаров («товары первого порядка»), и единственное различие заключается в том, что последние удовлетворяют потребности непосредственно, в то время как первые удовлетворяют потребности косвенно. Менгер настоятельно подчеркивал взаимозависимость между производительными и потребительскими товарами, и заложил основание для представления структуры производства как ряда последовательных слоев или стадий производства промежуточных товаров и услуг, которое Бем-Баверк позднее переработал в законченную теорию капитала и процента. Менгер считал, что потребности бывают различных видов, и попытка их удовлетворения может быть оценена только по гипотетической шкале, начинающейся с жизненно важных потребностей и убывающей к потребностям меньшей важности, до достижения полного насыщения. Его хорошо известная таблица, иллюстрирующая этот аргумент, подразумевала, что полезность измерима, но не предлагала способа этого измерения, лишь демонстрируя убывание предельной полезности — принцип, которому Менгер даже не позаботился дать определение.

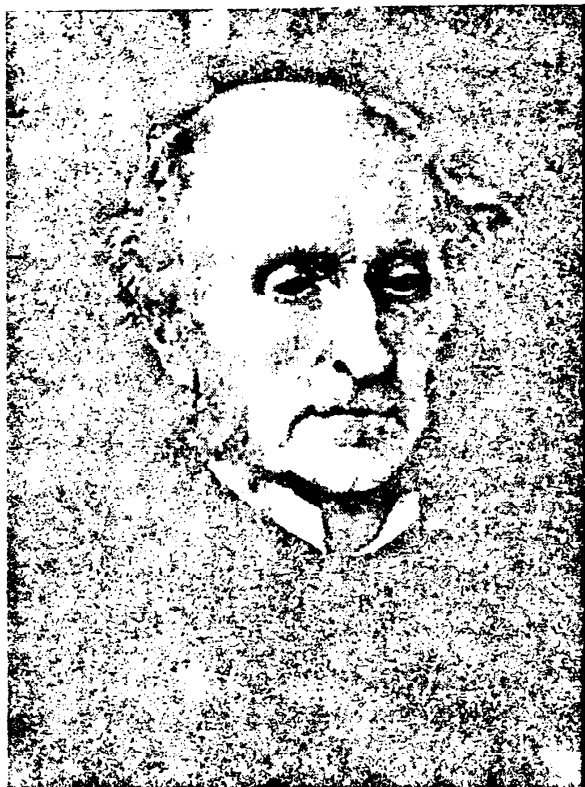
Далее он перешел к выражению ценности производительных товаров в терминах принципа «потери»: их ценность зависит от

потребительских товаров, которые могли бы быть произведены при изъятии наиболее продуктивной единицы этих производительных товаров, которая в настоящий момент используется. Таким образом, согласно этому принципу “вменения”, ценность потребительских товаров не определяется ценностью производительных товаров, используемых при их производстве, как считали классические экономисты; напротив, ценность производительных товаров всегда определяется ожидаемой ценностью потребительских товаров, для производства которых используются первые.

Это было тем пунктом, до которого дошел Менгер, анализируя роль затрат производства в определении ценности; он продвинулся намного меньше, чем даже Джевонс. Резко отвергая теорию ценности классических экономистов, оба разрабатывали свои аргументы на основе предположения о заданном запасе товаров, затраты производства которых, понесенные в прошлом, не имеют значения в настоящий момент.

Литература

J.A. Schumpeter, *Carl Menger, 1840–1921*, Ten Great Economists from Marx to Keynes (Oxford University Press, 1951); F.A. Hayek, *Menger, Carl*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Милль

Джон Стюарт

Mill John Stuart

(1806 — 1873)

На протяжении второй половины XIX столетия, в течение почти всей викторианской эпохи вплоть до публикации «Принципов» Маршалла в 1890 году, книга «Принципы политической экономии, с некоторыми их применениями к социальной философии» (*Principles of Political Economy, With Some of Their Applications to Social Philosophy*, 1848) Джона Стюарта Милля была основным экономическим учебником англоговорящего мира. Книга привлекала широким охватом экономических проблем той эпохи, разумным смешиванием экономического анализа и исторических иллюстраций, мастерским синтезом теории Рикардо с многими из ее модификаций, представленными критиками Рикардо, радикальным тоном в рамках ортодоксальной системы, элегантным стилем, а также благодаря репутации Милля как логика, философа, политического теоретика и беллетриста. Он был не просто экономистом, но выдающимся бентамианцем, «святым от либерализма», его фигура возвышалась среди величайших интеллектуалов того времени при обсуждении практически любых тем общественной науки.

Он родился в Лондоне, был старшим сыном Джеймса Милля, ведущего ученика и друга Рикардо и Джереми Бентама. Его образование взял в свои руки отец, начиная с греческого языка в трех-

летнем возрасте, латыни в восьмилетнем и политической экономии в десятилетнем. Все это весьма трогательно описано в его замечательной «Автобиографии» (*Autobiography*, 1873). Такое воспитание было призвано проиллюстрировать радикальные идеи Бентама об образовании, хотя на самом деле, как представляется, оно показало, что Милль действительно был одаренным человеком. Естественно, он скоро стал убежденным бентамианцем. Однако к тому времени, когда ему исполнилось 20 лет и он последовал за отцом на службу в Ост-Индскую компанию, у него начали появляться сомнения относительно идей Бентама. Будучи не в состоянии избавиться от серьезной умственной депрессии, он обратился к поэзии Вордсворта и Колриджа, и к возрасту 25 лет стал настоящим критиком Бентама, который стремился объединить британскую эмпирическую традицию социальной и политической философии с систематизированной исторической традицией таких французских писателей, как Сен-Симон* и Огюст Конт. Также в то время он встретил Гарриет Тейлор, жену лондонского бизнесмена, на которой впоследствии женился после 20-летнего ожидания, пока она станет вдовой. Эти отношения, в конечном счете, стали центральным событием его жизни: снова и снова он признавал не только ее непревзойденную способность к личным чувствам, но и выдающийся интеллект, и по сути объяснял все свои оригинальные научные достижения ее влиянием. Само собой разумеется, комментаторы с тех пор были разделены на тех, кто принимал высокое мнение Милля относительно таланта Гарриет Тейлор, и тех, кто видел в этом еще один пример старой пословицы, что любовь слепа.

Первой серьезной работой Милля была «Система логики» (*A System of Logic*, 1843). Кроме того, были и более ранние эссе «Дух эпохи» (*The Spirit of the Age*, 1831), «Об определении политической экономии и надлежащем ей методе исследования» (*On the Definition of Political Economy and on the Method of Investigation Proper to It*, 1836), «Бентам» (*Bentham*, 1838) и «Колридж» (*Coleridge*, 1840), которые уже утвердили его репутацию как зрелого мыслителя. «Принципы политической экономии» (*The Principles of Political Economy*, 1848) сопровождалась выходом его самого известного произведения — тонкой книжки, озаглавленной «О свободе» (*On Liberty*, 1859), в которой он дал выход одной из своих главных тем: рост массового конформизма в социальных

соглашениях и политических мнениях, которые имели тенденцию все более и более подавлять свободу индивидуума. Следующие работы по политической теории появились в 1861 году, а именно — «Соображения по поводу представительского правительства и утилитаризма» (*Considerations on Representative Government and Utilitarianism*), и далее «Угнетение женщин» (*The Subjection of Women*, 1869), замечательный ранний трактат о феминизме, а также «Огюст Конт и позитивизм» (*August Comte and Positivism*, 1865) и «Автобиография» (*Autobiography*, 1873). Кроме того, буквально сотни работ по логике, этике, метафизике, психологии и социологии. Университет Торонто уже издал 15 томов «Собраний сочинений Джона Стюарта Милля», и до конца этой серии еще далеко.

«Принципы политической экономии» Милля, как и «Принципы» Маршалла, написаны настолько хорошо, что незаурядные особенности на первый взгляд не выделяются, и в результате книга часто не имеет успеха под предлогом, что она повторяет Рикардо. Но, хотя Милль представил себя смиренным учеником Рикардо, книга полна подлинных теоретических новшеств, из которых наиболее долго сохранявшим свое значение было расширение теории сравнительных затрат Рикардо с принятием во внимание влияния перекрестного спроса на условия торговли при международном обмене. Кроме того, он уточнил теорию относительной заработной платы Смита введением концепции не конкурирующих групп на рынках труда; иначе сформулировал «закон спроса и предложения» как алгебраическое уравнение, а не как тождество; распознал проблемы, которые создавало совместное производство для трудовой теории ценности; продемонстрировал понимание того, что все затраты являются по существу затратами упущенных возможностей; отметил появление экономии от масштаба в промышленном производстве — список его изысканий мог бы быть продлен почти до бесконечности. Но еще более поразительными были политические выводы, которые он делал в своих работах, остававшихся по существу в рамках рикардианской системы экономических идей. Он был энергичным защитником налогообложения наследования, прав собственности крестьян, разделения прибылей, кооперативов потребителей и производителей. В ранней главе, называющейся «О собственности», он дал удивительно одобрительный обзор социалистических доктрин, воплощенных в работах Оуэна*, Сен-Симона* и Чарльза Фурье (ни тогда, ни позже он не

показал своей осведомленности о работах Маркса, чей «Манифест Коммунистической партии» вышел на английском языке в том же самом году), и в более поздних главах, посвященных вопросам надлежащих границ государственного вмешательства, он поддерживал протекционизм в пользу молодых отраслей промышленности, регулирование продолжительности рабочего дня на фабриках, обязательное образование (но не обязательное платное обучение в школе) для детей, вместе с системой государственных экзаменов для проверки достижения минимального уровня знаний.

Но в одном важном отношении «Принципы» Милля безнадежно устарели, а именно, в упорном настаивании на том, что каждая возможная политическая мера должна быть оценена в терминах ее влияния на темпы роста населения. Милль был горячим, даже маниакальным защитником теории народонаселения Мальтуса. Но он избежал почти всех мрачных истолкований доктрины Мальтуса благодаря оптимистической вере, столь отличной от воззрений самого Мальтуса, в способность рабочего класса к добровольному ограничению размера своих семейств. Он никогда открыто не говорил, как это добровольное ограничение размера семейства должно было возникнуть. Однако, хотя он не осмеливался защищать это публично, мы знаем фактически, что он одобрял использование мер контроля над рождаемостью среди бедных.

Литература

V.W. Bladen, *Mill, John Stuart: Economic Considerations*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); J.M. Robson, *The Improvement of Mankind: The Social and Political Thought of J.S. Mill* (University of Toronto Press, 1968); P. Schwartz, *The New Political Economy of J.S. Mill* (Weidenfeld & Nicholson, 1972).

Митчелл

Уэсли Клэр

Mitchell Wesley Clair

(1874 — 1948)

Уэсли К. Митчелла обычно ставят рядом с Вебленом* и Коммонсом* как одного из основателей американской школы институциональной экономики. Но фактически, три отца-основателя институциональной экономики имели так мало общего, что возникает сомнение в какой-либо связи между ними. В отличие от Веблена и Коммонса, Митчелл не проявлял особой склонности к методологическим атакам на предвзятые мнения ортодоксальной экономики и не уделял внимание междисциплинарным рассуждениям из области психологии, социологии и антропологии. Его институционализм имел форму компилирования статистических данных на том основании, что они, в конечном счете, предоставят объяснения выдвинутым гипотезам. Он был основателем Национального бюро экономических исследований (*National Bureau of Economic Research*, NBER) в 1920 году и главным выразителем точки зрения в экономике, которую критики безжалостно называли “измерением без теории”. Но фактически, у Митчелла имеется гораздо большее теории, чем кажется на первый взгляд (как однажды продемонстрировал в замечательном очерке для *Journal of Political Economy* Милтон Фридмен в 1950 году); только она глубоко скрыта в отступлениях или молчаливо использована при самой организации статистического материала.

Митчелл родился в Рашвилле, штат Иллинойс, в 1874 году и поступил в Чикагский университет в 1892 году, где он попал под влияние Веблена, одного из своих преподавателей. Однако, другой преподаватель, Джеймс Л. Лафлин (1850–1933), посоветовал ему посвятить докторскую диссертацию причинам ценовой инфляции во время американской гражданской войны. Это привело к его первой публикации «История бумажных долларов» (*A History of the Greenbacks*, 1903), которую Митчелл позднее расширил до периода после гражданской войны в книге «Золото, цены и заработная плата при системе бумажного доллара» (*Gold, Prices and Wages under the Greenback Standard*, 1908), которая остается авторитетной работой по американским монетарным переворотам периода 1862–78 годов. В 1903 году Митчелл начал преподавать в Калифорнийском университете в Беркли и оставался там в течение 10 лет до перехода в Колумбийский университет в 1913 году, когда был опубликован его большой трактат об экономических циклах. Изучение экономических циклов оставалось главным научным интересом Митчелла до конца его жизни. Основав NBER, он руководил большим количеством исследований, проводимых другими учеными по различным аспектам экономического цикла. Его научный труд 1913 года основывался на ежегодных данных по четырём странам в течение довольно короткого периода — с 1890 до 1911 гг. В работе «Экономические циклы: проблема и ее постановка» (*Business Cycles: The Problem and Its Setting*, 1927), где анализ был расширен до ежеквартальных и даже ежемесячных данных по 17 странам в течение различных периодов между 1850 и 1925 гг., добавлены «деловые летописи» (сообщения наблюдателей-современников о состоянии деловой активности в различные годы), которые в некоторых случаях восходили к 1790 году. Но даже это исследование было сменено «Измерением экономических циклов» (*Measuring Business Cycles*, 1946), написанным в соавторстве с Артуром Ф. Бернсом, которое использовало 1000 ежемесячных рядов наблюдений в четырех странах, чтобы установить степень, в которой различные индикаторы подъемов и спадов совпадают друг с другом.

Хотя изучение деловых циклов было начато в XIX столетии Жугляром*, Джевонсом*, Афтальоном* и Шпитгофом*, Митчелл довел анализ до того состояния, в котором требуется только обновление данных: не осталось буквально ничего нового, что могло бы

быть сделано после него. Кроме того, в части 3 книги 1913 года, часто переиздаваемой под названием «Экономические циклы и их причины» (*Business Cycles and Their Causes*, 1959), и в главе 2 книги 1927 года возникает ясная картина — можно назвать ее теорией — возникновения циклов деловой активности в капиталистической экономике. И подъем, и спад являются кумулятивными самопроизвольными изменениями в экономической деятельности, которые в конечном счете сами сменяют себя на противоположные, потому что изменения цен продаж запаздывают относительно изменений цен покупки, и расходы запаздывают относительно получения доходов. Именно эти задержки в реагировании экономических агентов из-за традиционных или договорных обязательств объясняют регулярную и высоко синхронизированную периодичность колебаний выпуска, занятости и цен. Во время интенсивного подъема предел устанавливается финансовыми институтами, но при большинстве подъемов именно спрос устанавливает эффективный предел объема экономической деятельности. Точно так же, при длительных спадах снижающиеся затраты замедления играют центральную роль в предпосылках к подъему, однако при большинстве спадов роль денег пассивна. Таким образом, объяснению Митчелла прекрасно удается примирить «реальные» и кредитно-денежные теории экономического цикла.

Митчелл продолжал преподавать в Колумбийском университете до 1919 года, после чего уехал, чтобы присоединиться к коллегам в организации Новой школы социальных исследований (*New School for Social Research*) в Нью-Йорке. Она была основана частично для того, чтобы дать возможность работать некоторым американским ученым, чей пацифизм во время Первой мировой войны поставил под угрозу их рабочие места.

В 1922 г. он возвратился в Колумбийский университет, где оставался до своего ухода на пенсию в 1944 году. Его популярный курс лекций «Типы экономической теории» (*Types of Economic Theory*) был расшифрован по стенограммам и издан посмертно как памятник его выдающемуся таланту преподавателя истории экономической мысли. Митчелл умер в 1948 году до завершения еще одной большой книги о причинах деловых циклов — опубликованная работа «Что происходит в течение циклов деловой активности: доклад о состоянии исследований» (*What Happens During Business Cycles: A Progress Report*, 1951) — только фрагмент этого

последнего его проекта.

Литература

V. Zamowitz, *Mitchell, Wesley C.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Мур

Генри Людвелл

Moore Henry Ludwell

(1869 — 1958)

Если эконометрика — это использование статистических методов для проверки взаимосвязей, декларируемых экономической теорией, то Генри Мур был первым эконометристом. Его количественные оценки кривых спроса и предложения, детерминант уровней заработной платы и причин деловых циклов предшествуют основанию Эконометрического Общества в 1930 году почти на два десятилетия.

Он родился в округе Чарльз, Мэриленд, в 1869 году, закончил Рэндольф-Мэйкон Колледж в Балтиморе в 1892 году и получил степень доктора философии в Университете Джонса Хопкинса в 1896 году, защитив диссертацию на тему концепции естественной заработной платы Тюнена, которая стала предметом его первой статьи, опубликованной в 1895 году. После посещения Венского университета в течение года, где ему преподавал Менгер*, он возвратился в Университет Джонса Хопкинса и получил свою первую преподавательскую должность в 1896 году. В 1897 году он стал профессором политической экономии в Колледже Смит, затем перешел в Колумбийский университет в 1902 году, где оставался до самого конца своей академической карьеры. Он ушел в отставку в 1929 году по собственному желанию из-за плохого здоровья, но прожил до 1958 года и умер в возрасте 88 лет.

Его знание математики и статистики было в значительной степени самообразовательным, хотя он и потратил два семестра в Лондоне в 1909 и 1913 годах, чтобы посетить курсы Карла Пирсона. Он совершал бесчисленные поездки в Европу и встречался и советовался со всеми крупными европейскими экономистами того времени: Вальрасом*, Парето* и Борткевичем*. Но дома он проводил жизнь академического отшельника и, кроме дружбы с двумя коллегами — Джоном Бэйтсом Кларком* и Джоном Морисом Кларком*, имел мало контактов с другими американскими экономистами. У него было плохое здоровье всю его жизнь; многие из его болезней, кажется, имеют психосоматическое происхождение. Его последняя книга, «Синтетическая экономика» (*Synthetic Economics*, 1929) — смелая попытка оценить полную систему общего равновесия Вальраса — показывает признаки разочарования автора в своих убывающих силах.

Его первая книга «Законы заработной платы» (*Laws of Wages*, 1911) была первой попыткой проверки выводов теории предельной производительности относительно заработной платы. Его первой задачей было выяснение того, что фактически прогнозировала эта теория относительно заработной платы. Дело в том, что при проверке экономических теорий этот первый шаг является самой сложной частью решения задачи, и по крайней мере один из выводов теории — относительная доля объема выпуска отрасли, вменяемая фактору труда, изменяется в прямой зависимости от соотношения труда и капитала в этой отрасли — фактически не вытекает из теории предельной производительности. Аналогично, другой вывод — ежедневная оплата труда в угольной промышленности изменяется вместе с ценностью угля, добытого в этот день — следует из большого количества альтернативных теорий определения заработной платы. Тем не менее, иные результаты (например, вывод о том, что уровни заработной платы на аналогичных рабочих местах в некоторой отрасли изменяются пропорционально размерам предприятия) неоднократно были подтверждены более поздними исследователями. Книга также содержала первую попытку измерить влияние профсоюзов на последствия забастовок, результаты которой были весьма двусмысленными.

Его следующая книга «Экономические циклы: их закономерности и причины» (*Economic Cycles: Their Laws and Cause*, 1914) содержала попытку фундаментального объяснения причин цик-

лов деловой активности через восьмилетние циклы атмосферных осадков.

Его аргументом было то, что циклы дождей продуцируют циклы урожайности такой же продолжительности, которые в свою очередь производят циклы как в ценах зерна, так и в ценах промышленных товаров. Мур столкнулся с трудностью выведения взаимосвязи между убывающей урожайностью зерновых и снижением цен на промышленные товары. Поэтому он был вынужден использовать “новый тип кривой спроса”, а именно, положительно наклоненную кривую спроса на чушковый чугун, выступающий в роли репрезентативного промышленного товара. Это испортило его теорию экономических циклов, но зато попутно он произвел одни из первых статистических оценок кривых спроса в англоязычной литературе. В статье 1919 года он представил концепцию “гибкости цен” (величина, обратная ценовой эластичности спроса) и оценил эту величину для разнообразных сельскохозяйственных товаров. Затем он расширил анализ на кривые предложения, связав изменения возделываемой площади и изменения цен в предшествующем году; доказано, что это стало источником более поздней работы по теореме о паутине, согласно которой цены приближаются или удаляются от их равновесных значений в зависимости от того, как производители фактически предсказывают цены.

Мур продолжил свои более ранние исследования по теории цикла в работе «Происхождение экономических циклов» (*Generating Economic Cycles*, 1923), используя новый тип кривой спроса и объяснив восьмилетний цикл цен восьмилетним периодом обращения планеты Венера. Этот труд Мура был встречен насмешками, почти точно так же, как и 11-летний цикл Джевонса, связанный с пятнами на Солнце. Тем самым был уничтожен всякий интерес к его теориям циклов деловой активности.

В 1920-е годы широкое развитие получило статистическое изучение кривых спроса, которое почти всегда выполнялось сельскохозяйственными экономистами, работающими в Бюро сельского хозяйства США. Лидером в этой области, хотя и не работавшим в Бюро сельского хозяйства, был Генри Шульц (1893–1938), единственный истинный ученик Мура, чья работа «Теория и измерение спроса» (*Theory and Measurement of Demand*,

1938) стала главным результатом исследований, начатых Муром 24 годами ранее.

Литература

G.J. Stigler, *Moore, Henry L.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 10,. ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Норт
Дадли
North Dudley
(1641 — 1691)

Дадли Норт не проявил особенного влияния на экономические воззрения своего времени, поскольку его единственный лаконичный памфлет «Рассуждения о торговле» (*Discourses Upon Trade*, 1691) был издан вскоре после его смерти и таким небольшим количеством экземпляров, что быстро исчез из обращения. Но почему же тогда мы упоминаем его здесь как крупного экономиста? Отчасти потому, что единственный памфлет Норта был повторно открыт в 1818 году Джеймсом Миллем и был переиздан Мак-Куллохом* в 1822 году; они утверждали, что теория, описанная в нем, — это откровение, которое полностью подтверждало их собственные «новые» представления относительно свободной торговли. Отчасти потому, что памфлет представляет уникальный пример способности мыслителя почти полностью оградить себя от преобладающих предвзятых мнений того времени, в которое он пишет свой труд. На самом деле, читая этот памфлет сейчас, кажется, невозможно предположить, что он был опубликован примерно в то же время, в которое об экономических вопросах писал Локк*.

Во-первых, нет и намека на меркантилистскую озабоченность благоприятным торговым балансом. Напротив, Норт утверждает, что международную торговлю, так же как и межрегиональную, лучше не стеснять регулированием. Кроме того, страны становят-

ся богатыми не благодаря хорошему регулированию, а благодаря активной промышленности, а предложение денег сохраняется на адекватном уровне за счет «отливов и приливов» рыночных сил. Общий объем мировой торговли не постоянен, так что одна страна получает выгоды за счет убытков другой страны, но вся внешняя торговля — это «обмен излишками», обмен «благоприятными возможностями». Во-вторых, рассуждения Норта проводятся на высоком уровне абстракции, свободном от морализирования и этического подтекста. Норт преднамеренно не обращается к конкретным проблемам, которые обсуждаются во всех других экономических трактатах тех времен. Он настаивает на «философском» рассмотрении торговли на основе «неоспоримо истинных принципов» — метод рассуждений, который, по его словам, вводится в «блестящей диссертации Декарта *De Methodo*». Такое методологическое самосознание было чрезвычайно редким в экономических трудах, написанных до XIX столетия.

Сэр Дадли Норт — потомок древнего и известного семейства торговцев и государственных деятелей. В значительной степени его можно считать самоучкой. Он бросил школу в 12 лет и был послан в Турцию в 19-летнем возрасте, чтобы испытать удачу в средиземноморской торговле. В 1680 году он возвратился в Англию, оставил бизнес и провел остаток своей жизни, сначала занимая пост комиссара таможни, а позднее — пост специального уполномоченного казначейства.

Литература

D. Vickers, *North, Dudley*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 11, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Ньюкомб

Саймон

Newcomb Simon

(1835 — 1909)

Хорошо известный на протяжении всей своей жизни как ведущий американский математик и астроном, Саймон Ньюкомб также был известен в середине 1880-х гг. как защитник старой экономической школы Рикардо от критики новых, вдохновленных немецкой исторической школой экономистов-историков, типичным представителем которых был Эли*. В популярных книгах, таких как «Азбука финансов» (*The ABC of Finance*, 1878) и «Разговор простого человека о трудовом вопросе» (*A Plain Man's Talk on the Labor Question*, 1886), Ньюкомб придерживался твердой линии относительно защиты индивидуализма и критики «ошибок» профсоюзного движения и социализма. В неподписанном обзоре благожелательной работы Эли «Рабочее движение в Америке» (*Labor Movement in America*, 1886) он осудил своего коллегу по Университету Джонса Хопкинса как недостойного быть руководителем университетской кафедры. Тем не менее, его профессиональные интересы в экономической теории были гораздо более глубокими. Уже 1872 году он был одним из немногих американцев, которые написали благоприятный обзор «Теории политической экономии» (*Theory of Political Economy*, 1871) Джевонса. Кроме того, его более ранняя переписка с философом Чарльзом С. Пирсом показывает хорошее знание «Математических принципов те-

ории благосостояния» (*Mathematical Principles of the Theory of Wealth*, 1838) Курно.

В 1886 году Ньюкомб издал очень оригинальную, но почти не замеченную работу «Принципы политической экономии» (*Principles of Political Economy*), которая оказала значительное влияние на последующие работы Фишера*. Книга Ньюкомба показала ясное различие между фондами и потоками и замкнутыми потоками денег и товаров. Высшей точкой в этом рассуждении стало “уравнение социального обращения”, $VR = KP$, которое идентично “уравнению обмена” Фишера, $MV = PT$, но с другими, выбранными Ньюкомбом не столь удачно мнемоническими символами. Он перешел к анализу спроса на деньги, различая между спросом *ex ante* и *ex post*, и начал тщательное исследование влияния тезаврирования на занятость и цены. Наконец, его обсуждение определения ставки процента в терминах спроса и предложения заемных фондов было столь же хорошим, как и предложенное 20 годами позже Фишером. В целом, это была выдающаяся работа, подсказывающая, что Ньюкомб мог бы стать крупным американским монетарным экономистом, если бы его интересы не относились к другому направлению.

Он родился в семье со скромным достатком в Нова Скотиа, Канада, в 1835 году, и получил весьма небольшое образование. Однако, после краткого периода работы сельским учителем, он получил свою первую степень в Гарвардском университете в 1858 году, работая неполный рабочий день над подготовкой «Мореходного альманаха» (*Nautical Almanac*). В 1861 году он стал профессором математики военно-морского флота США и профессором математики и астрономии в Университете Джонса Хопкинса. Оба поста он совмещал с периодическими лекциями по экономике в Гарварде и руководством переизданий «Американских эфемерид» (*American Ephemeris*) и «Мореходного альманаха» (*Nautical Almanac*) до ухода на пенсию в 1897 году. Он широко публиковался не только по вопросам математики, астрономии и экономики, но также политики, образования, богословия и психических исследований. Он оставался активным членом международного научного сообщества до своей смерти в 1909 году в возрасте 74 лет.

Литература

A.W. Coats, *Newcomb, Simon*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 11, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Оуэн
Роберт
Owen Robert
(1771 — 1858)

Никто не осмелился бы заявить, что Роберт Оуэн был выдающимся экономистом, но его труды, и особенно его практическая деятельность как просвещенного бизнесмена, лидера агитации профсоюзов и основателя кооперативных общин оказала взбудораживающее влияние на представителей общественной науки, которые жили в период промышленной революции в Британии. Для Рикардо*, Торренса* и Сениора* социализм означал Оуэнизм, и даже Джон Стюарт Милль* в 1848 году поставил его рядом с Сен-Симоном* и Шарлем Фурье как социалистического мыслителя того времени. Его вера в то, что кооперация более полезна, чем конкуренция, и его оптимистическая убежденность, что образование способно полностью трансформировать эгоистический интерес в заботу о других, впервые получила свое отражение в работе «Новый взгляд на общество или очерки о принципе формирования человеческого характера» (*A New View of Society: Or, Essays on the Principle of the Formation of the Human Character*, 1813), а затем была упрощена в множестве острых очерков, особенно в «Докладе графству Ланарк» (*Report to the County of Lanark*, 1821).

Позднее, когда в Америке он занялся учреждением самоокупающихся «кооперативных деревень» [*villages of cooperation*], он выступал за отмену денег, обеспеченных драгоценными металла-

ми, и замену их билетами, выраженными в единицах рабочего времени, которые выплачивались бы пропорционально выполненной работе. Хотя эта идея являлась практическим выражением широко поддерживаемой в те времена трудовой теории ценности, Оуэн никогда не утруждал себя объяснением ее действия или обеспечением какой-либо теоретической поддержки. Ни одна из его более поздних работ не содержала сколько-нибудь связного обсуждения трудовых денег. Тем не менее, эта идея с тех пор неоднократно применялась в производственных кооперативах, организованных по социалистическим или коммунистическим принципам; сегодня она практикуется в некоторых районах Китая, Кампучии и Эфиопии, хотя такие кооперативы редко обходятся без внешних субсидий для закупки оборудования и сырья.

Оуэн родился в 1771 году в Ньютауне, Уэльс. Он был сыном преуспевающего уэльсского фермера и торговца. Его карьера имела три отчетливых периода. Ранний период — с 1799 по 1824 гг., когда он был респектабельным владельцем хлопкопрядильной фабрики нового типа в Ланарке, Шотландия, где он устраивал дешевое жилье для своих рабочих и школы для их детей, и боролся за то, чтобы убедить богатых и влиятельных людей в мудрости и практичности его планов по поводу устройства нового социального порядка. Следующий период — стадия неудачного строительства общин в штате Индиана, США, которая продолжалась с 1824 до 1829 года.

С 1829 года начался третий период, во время которого он был вовлечен в политику британского рабочего класса. Высшей точкой его деятельности в этот период стало формирование Главного национального объединенного профсоюза (*Grand National Consolidated Trades Union*) в 1833 г., который стал первой попыткой в мире сформировать национальную федерацию профсоюзов. Когда по прошествии года она потерпела неудачу, Оуэн возвратился к экспериментам с общинами, но на сей раз в Великобритании.

Несомненно, что кооперативное движение Рочдейла, которое процветало в Англии в 1840-х годах, было вдохновлено идеалами Оуэна, но кооперативы Рочдейла были потребительскими, а не производственными, и, таким образом, не соответствовали представлениям Оуэна об «исправлении» общества. Оуэн дожил до

87-летнего возраста и умер хотя и уважаемым, но разочарованным человеком.

Литература

A. Briggs, *Owen, Robert*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 11, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Парето

Вильфредо

Pareto Vilfredo

(1848 — 1923)

Вильфредо Парето сменил Вальраса* на должности главы кафедры в Университете Лозанны в 1893 году и долгое время считал себя учеником Вальраса. Но Вальраса не всегда радовали социальные и политические идеи молодого человека, а Парето становился все более и более разочарованным не только в теории общего равновесия, но и в экономике вообще. Вместо этого он предпочел работать в рамках более широкой структуры политической социологии. Его поистине обширное знание математики и первое образование инженера проявлялись во всех его главных экономических трудах: «Курсе политической экономии» (*Cours d'économie politique*, 1896–97), «Руководстве по политической экономии» (*Manual of Political Economy*, 1906) и важной статье о «Математической экономике» (*Mathematical Economics*, 1911) для «Энциклопедии математических наук» (*Encyclopédie des sciences mathématiques*). Он интересовался Марксом уже в 1890-е годы и опубликовал яркий нематематический критический анализ социализма, включая марксизм, в своем трехтомном труде «Учения социалистов» (*Les systèmes socialistes*, 1902–03). Массивная работа в четырех томах «Разум и общество: трактат по общей социологии» (*The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*, 1916) увенчала последнее десятилетие его активной жизни.

Он родился в 1848 году в Париже. Его отец был итальянским эмигрантом, высланным по политическим мотивам. Парето начал свое образование во Франции и продолжил его в Италии, специализируясь в математике и классической литературе. Он закончил Политехнический институт в Турине в 1869 году, затем более 20 лет работал инженером и директором двух итальянских железнодорожных компаний. Он начал изучать экономику в 1890 году, когда ему исполнилось 42. Он преподавал экономику в Лозанне только семь лет, уйдя в отставку в 1900 году после получения большого наследства. Оставшуюся часть своей жизни он провел в Швейцарии, полностью посвятив себя научным исследованиям и написанию своих работ. Незадолго до своей смерти в 1923 году он был назначен членом итальянского Сената новым правительством Муссолини.

И «Курс», и первые две главы «Руководства» содержат выдающееся обсуждение методологии экономики, которое показывает, что Парето знал тогдашнюю признанную литературу по философии науки лучше, чем любой другой экономист того периода. Шероховатый и плохо организованный «Курс» среди многих исторических и статистических иллюстраций содержал так называемый закон Парето распределения дохода, согласно которому наклон линии, соотносящей долю дохода, полученного выше некоторого уровня, и долю соответствующих получателей дохода, является постоянным. Таким образом, он продемонстрировал, что распределение дохода во всех странах и во все эпохи неизменно. «Руководство» знаменито благодаря по крайней мере трем идеям. Это, во-первых, неудачная попытка избавиться от термина *полезность* и заменить его словом *ophelimity*, придуманным Парето для обозначения способности товаров к удовлетворению потребностей. Во-вторых, четкое разделение между кардинальной и ординальной полезностью и демонстрация, с использованием кривых безразличия Эджуорта, что ординальная полезность или простое ранжирование предпочтений достаточна, чтобы вывести все важные утверждения теории спроса. И, наконец, в-третьих, нарочито невинное, непротиворечивое определение экономического оптимума как такой конфигурации цен, которая получает единодушное одобрение — любая другая конфигурация могла бы «улучшить» чье-либо положение, но только за счет «ухудшения» положения хотя бы одного члена общества — известная концепция оптимальности Парето, сопровождаемая не вполне успешной попыткой

показать, что экономика совершенной конкуренции фактически достигает оптимума по Парето, и наоборот. Несмотря на запугивающее применение довольно сложной математики, сомнительно, что предложенная Парето теория потребительского поведения была значительным шагом вперед по сравнению с «Математической психологией» (*Mathematical Psychics*, 1888) Эджуорта и «Математическим исследованием теории ценности и цен» (*Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices*, 1892) Фишера. Даже концепция парето-оптимальности встречается уже у Эджуорта, хотя, следует признать, не в таком виде, чтобы ее можно было заметить, не зная о ней из работ Парето. «Руководство» также содержало в значительной мере неправильно истолкованный читателями раздел по теории производства, который, казалось, отрицал предельную теорию производительности как ошибочную, но фактически просто придавал большее значение комплиментарности факторов производства, чем их взаимозаменяемости.

Парето — трудный автор для чтения: слишком много его кратко изложенных идей «сваливаются в кучу» на одной странице, многие мысли оставлены незаконченными, чтобы позднее быть снова подхваченными и продолженными, а его математические примечания часто противоречивы. Признание приходило к Парето очень медленно, и только в конце 1930-х годов он вступил в англоговорящую экономику, отчасти потому, что даже к тому времени ни одна его книга не была переведена на английский язык. («Руководство» появилось на английском только в 1971 году, а «Разум и общество» — в 1963 году.) Даже теперь трудно ухватить смысл всех его сочинений, и особенно его поздних социологических работ, с их пессимистической картиной человека, которым управляют иррациональные чувства, тонко замаскированные остатками рациональных рассуждений, запертого в бесконечной социальной борьбе и удерживаемого в безвыходном положении сменяющими друг друга общественными элитами.

Литература

J.A. Schumpeter, *Ten Great Economists from Marx to Keynes* (Oxford University Press, 1951); M. Allais, *Pareto, Vilfredo*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 11, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Петти

Уильям

Petty William

(1623 — 1687)

Единственной крупной работой Петти, которую он опубликовал при жизни, был «Трактат о налогах и сборах» (*A Treatise of Taxes and Contributions*, 1662). Все остальные — «Политическая арифметика» (*Political Arithmetic*, 1690), «Слово мудрым» (*Verbum Sapienti*, 1691), «Политическая анатомия Ирландии» (*Political Anatomy of Ireland*, 1691) и «Разное о деньгах» (*Quantulumcunque Concerning Money*, 1695) — были изданы в течение десятилетия после его смерти. Каждая из них была посвящена обсуждению некоторого практического вопроса того времени: военных финансов, денежной реформы, помощи бедным, относительной мощи Англии по сравнению с ее конкурентами, и т.д. Он всегда высказывал общие принципы почти случайно, в процессе обсуждения конкретных проблем. Тем не менее, эти работы представляют собой настоящий рог изобилия терминов и концепций, которые стали преобладать в экономической мысли в течение последующих трех веков: «полная занятость» и «при прочих равных условиях» — это термины Петти; идея о том, что национальный доход равен национальным расходам; общественные работы как метод борьбы с безработицей; земля и труд как единственные первичные факторы производства — «Труд есть отец и активный принцип богатства, в то время как земля — его мать»; понятие общей еди-

ницы измерения, с помощью которой можно конвертировать продукт земли в продукт труда; цена земли как дисконтированная текущая ценность ожидаемых будущих рентных платежей и, аналогично, «ценность человека» как текущая ценность его ожидаемого дохода; прирост населения как критерий национального процветания; преимущества низкой заработной платы, связанные с обратным наклоном кривой предложения труда; теория, согласно которой предложение денег регулируется автоматически, приспособляясь к «потребностям торговли», через изменение скорости обращения денег; рассуждение о том, что налоги должны быть пропорциональны расходам, а не доходам, и что они должны быть нейтральны по отношению к преобладающему распределению богатства; оценка выгод от внешней торговли в терминах преимуществ специализации и территориального разделения труда — взгляды Петти были бесконечно многосторонними, он генерировал идеи, касающиеся всех аспектов экономики.

Однако самым большим его вкладом в экономику стало изобретение «политической арифметики» — количественных оценок национального богатства и потока национального дохода с целью определения надлежащей базы для налогообложения. Испытывая недостаток надлежащих данных и не зная статистических методов, кроме концепции среднего арифметического, Петти использовал максимально упрощенные методы, которые вызвали несерьезное отношение к Петти со стороны последующих поколений. Так, чтобы оценить численность населения Англии, он начал с подсчета населения Лондона; умножив известное ему число похорон в Лондоне на 30 по допущению, что за год умирает каждый тридцатый Лондонец, он умножил полученное число на 8, что является пропорцией, в которой налоговая база всей Англии относится к налоговой базе Лондона. Неудивительно, что Адам Смит заявил, что не слишком доверяет политической арифметике. Однако методы Петти были развиты и дополнены другими авторами XVII века, например, Давенантом* и Грегори Кингом, чьи методы социального учета были удивительно современными. Трудно понять, почему после такого многообещающего старта, в начале XVIII столетия работа по измерению уровня национального дохода Англии была полностью остановлена. Возможно, это могло быть вызвано продолжающимся отсутствием точных статистических данных и ослаблением международной напряженности. Но, какова бы ни

была причина, количественный подход к экономике вообще и к оценке национального дохода в частности приостановил свое развитие до самого начала XIX столетия.

По сравнению с ослепительными работами Петти, его собственная жизнь была еще более пестрой. Он родился в 1623 году в семье бедного гемпширского портного. В местной школе он изучил латинский и греческий языки. Выйдя в море в качестве юнги в 14 лет, он был высажен на побережье Нормандии после того, как сломал ногу. Там он поступил в колледж Иезуитов в Кане. Оттуда он переехал в Нидерланды, чтобы изучать медицину, а затем в Париж, где помогал Томасу Гоббсу, известному политическому философу, в изучении анатомии.

В 1647 году он возвратился Англию, поступил в Оксфордский университет и через несколько лет получил степень доктора медицины. Потом он был принят на работу в Лондонский медицинский колледж и через некоторое время стал вице-ректором Брейсноус-колледжа (Оксфорд) и профессором анатомии. Между тем, гражданская война между королем и парламентом была в полном разгаре, и Петти переехал из Англии в Ирландию в 1651 году, чтобы служить главным медиком английской армии Кромвеля. В течение двух лет после прибытия в Ирландию он выполнил непосильную задачу учета конфискованных владений ирландских повстанцев с целью распределения их среди солдат армии Кромвеля. Эта работа, за которую он был частично вознагражден земельными угодьями, поставила его в привилегированное положение, позволяющее приобрести еще больше земли у других претендентов. Тем самым была заложена основа для значительного состояния.

Петти возвратился в Лондон в 1659 году, и с тех пор стал регулярно посещать Ирландию. Он стал членом парламента, одним из основателей Королевского общества (где он часто выступал на разнообразные темы), советником Карла II, который простил его прошлые связи с Кромвелем и присвоил ему рыцарское звание в 1661 году, работал над многими изобретениями (двухколесный экипаж, туалет с системой смыва, катамаран), и начал писать ряд книг, из которых, как мы говорили, только одна была опубликована при его жизни. После восхождения на трон Якова II в 1685 году, он стал советником нового короля.

Петти умер в 1687 году, годом раньше, чем Яков II был свергнут с трона.

Литература

R. Deane, *Petty, William*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 12, ed.; D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Пигу

Артур С.

Pigou Arthur C.

(1877 — 1959)

Артур Пигу, профессор политической экономии Кембриджского университета с 1908 по 1943 гг., известен главным образом благодаря своему авторитетному изложению «старой» теории экономического благосостояния. «Теория безработицы» (*Theory of Unemployment*, 1933) Пигу послужила для Кейнса в его «Общей теории» (*General Theory*, 1936) наилучшим примером классической экономики, которую тот так решительно отвергал. Подвергнутый неоправданной критике Кейнса в преклонном возрасте, Пигу тем не менее сумел признать, что Кейнс был в значительной степени прав.

В своей фундаментальной работе «Экономика благосостояния» (*The Economics of Welfare*, 1920) Пигу развил концепцию внешних эффектов Маршалла в общую экономическую теорию государственного вмешательства. Внешние эффекты (экстерналии) возникают тогда, когда действия одного экономического агента неумышленно вредят или приносят пользу другим экономическим агентам, в результате чего *личные* затраты или выгоды от деятельности отличаются от истинных *социальных* затрат или выгод. Такие случаи «провалов рынка», считал он, требуют государственного вмешательства в форме налогов или субсидий для устранения разницы между частными и социальными соотношениями затрат

и выгод. Эта либеральная теория государственной деятельности в экономической сфере применялась так долго и так глубоко вошла в структуру политической жизни XX столетия, что ее слабые стороны не совсем очевидны. Только совсем недавно экономисты пришли к выводу, что провал рынка как таковой — недостаточная причина для государственного вмешательства, так как сами налоги и субсидии порождают расхождения между частными и социальными затратами-выгодами: возможен «провал государственной политики» в той же мере, что и провал рынка.

«Экономика благосостояния» была изложением «старой» экономики благосостояния в том смысле, что Пигу был готов употреблять открытые межличностные сравнения полезности, как будто бы они имели «научный» статус. Он считал, что любое увеличение в национальном доходе, которое не подразумевает перераспределение дохода от бедных к богатым, должно быть расценено как «улучшение» экономического благосостояния; естественно, он предоставил себе возможность в каждом случае принимать собственное решение о том, кого считать бедными, а кого богатыми.

Пигу родился в Райде, на острове Уайт в 1877 году. Он был сыном отставного армейского офицера. В раннем возрасте он получил право на стипендию в известной государственной школе в Харроу, после которой он получил право на стипендию в Королевском колледже в Кембридже, и окончил его в 1901 году с диссертацией «Роберт Браунинг как религиозный учитель», которая стала его первой опубликованной книгой. В том же году он начал читать лекции по экономике в Кембридже и продолжал преподавать до самого начала Второй мировой войны. В этот ранний период он был блестящим лектором, и его упорное напоминание студентам: «вы найдете все это у Маршалла» сыграло большую роль в преобладании маршаллианской ортодоксии у экономистов Кембриджа в годы между двумя войнами. Ранние его книги — «Тарифы» (*Tariffs*, 1903), «Индустриальный мир» (*Industrial Peace*, 1905) и «Пошлины на импорт» (*Import Duties*, 1906) — не могут объяснить назначение его главой кафедры экономики Маршалла в 1908 году, в возрасте всего 30 лет. Но «Богатство и благосостояние» (*Wealth and Welfare*, 1912) и «Безработица» (*Unemployment*, 1914) уже дают возможность получить представление о его истинных способностях, более поздняя работа — «Экономика благосостояния» (*Economics of Welfare*, 1920), была переработкой «Богатства

и благосостояния». Далее были написаны следующие крупные работы: «Очерки по прикладной экономике» (*Essays in Applied Economics*, 1923), «Колебания промышленной активности» (*Industrial Fluctuations*, 1927) и «Исследование государственных финансов» (*A Study in Public Finance*, 1928).

Начиная с 1927 года плохое здоровье стало мешать его работе. Это отразилось и на чтении лекций, и на написании научных трудов. Он отказался от альпинизма — своего основного хобби в молодости, и постепенно стал “академическим затворником”, известным своей рассеянностью и неряшливым видом. Но его работа над сочинениями не прекратилась. За печально известной «Теорией безработицы» (*Theory of Unemployment*, 1933) последовали «Экономика стационарных состояний» (*The Economics of Stationary States*, 1935), «Занятость и равновесие» (*Employment and Equilibrium*, 1941), и целый ряд коротких работ в популярном стиле: «Социализм против капитализма» (*Socialism versus Capitalism*, 1937), «Доход: введение в экономику» (*Income: An Introduction to Economics*, 1946), «Отклонения от полной занятости» (*Lapses from Full Employment*, 1947), «Денежная вуаль» (*The Veil of Money*, 1949), «Общая теория Кейнса: ретроспективный взгляд» (*Keynes's General Theory: A Retrospective View*, 1950) и «Очерки по экономике» (*Essays in Economics*, 1952).

Пожалуй, Пигу был самым недооцененным крупным экономистом. Только недавно с него были сняты “обвинения” Кейнса, выдвинутые в его «Общей теории». Действительно, обнаружить описанные Кейнсом идеи Пигу в самой «Теории безработицы» Пигу невозможно — в частности, тезис о том, что единственным средством борьбы с Великой депрессией было снижение реальной заработной платы. Пигу, подобно Кейнсу, не верил в то, что можно существенно уменьшить реальную заработную плату, и считал, что способ уменьшить безработицу состоит в том, чтобы использовать общественные работы. С другой стороны, трудно обнаружить последовательную и работоспособную теорию безработицы в этой книге, которая является одним из самых абстрактных и сложных трудов Пигу. Другие работы Пигу содержат замечательные намеки на идеи, которые впоследствии вошли в экономику, особенно в кредитно-денежную теорию. Например, в «Безработице» (*Unemployment*, 1913) он вводит концепцию «мультипликатора сбалансированного бюджета», которой Кейнс мог бы позавидо-

вать 23 года спустя. В работе «Ценность денег» (*The Value of Money*, 1917) он почти объяснил «эффект реальных кассовых остатков», который затем «изобрел» Патinkin в известной работе «Деньги, процент, и цены» (*Money, Interest, and Prices*, 1956). Но главным достижением Пигу остается монументальная «Экономика благосостояния».

Литература

A. Robinson, *Pigou, Arthur Cecil*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 12, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); D. Collard, *A.C. Kdou, 1877–1959*, Pioneers of Modern Economics in Britain, D.P. O'Brien and J.R. Presley (eds.) (Macmillan, 1981).

Прудон

Пьер-Жозеф

Proudhon Pierre-Joseph

(1809 — 1865)

Хотя Оуэн*, Сен-Симон* и Шарль Фурье были известными ранними социалистами, ни одному из них не удалось завоевать такой широкой читательской аудитории как Прудону, особенно во Франции до и после революции 1848 г. Кроме того, Прудон был первым социалистом, кто заставил ортодоксальных экономистов вступить в активный диалог. Маркс не ошибся, когда выбрал Прудона в качестве мишени для своих знаменитых полемических нападок в работе «Нищета философии» (*The Poverty of Philosophy*, 1847).

Не сила идей, а саркастическое красноречие стиля его работ сделало Прудона столь влиятельным. Его главный труд «Что такое собственность?» (*What is Property?*, 1840) содержал бессмертный ответ: «собственность есть кража», но на самом деле во всех его трудах множество строк, заслуживающих цитирования. В этом отношении, также как и во многих других, он отличался от большинства социалистов своего времени. Он порицал феминизм, свободную любовь, гражданский брак, но превозносил крепкую семью; в основном его социальные взгляды были взглядами мелкого ремесленника или мелкобуржуазного владельца магазина. С другой стороны, он был атеистом и антисемитом, что типично для социалистов того времени. Но от остальных социалистов он наиболее радикально отличался своими взглядами на государство. Не

испытывая никаких колебаний он называл себя анархистом и выдвигал теорию ликвидации государства.

Вместо государства он пропагандировал «взаимное согласие» (*mutualisme*), а именно, систему добровольных соглашений между крупными сообществами, занимающимися сельскохозяйственным производством, и федеральную систему со строгим представительством, конституцию которой он разработал с особой тщательностью. Применяя грубую версию трудовой теории ценности, он предполагал, что в этих сообществах исчезнут все «нетрудовые» доходы и ренты, в то время как «народный банк» должен будет обрабатывать в деньги продукты их труда и предоставлять кредиты для инвестиций. Маркс в своих работах с удовольствием высмеивал незрелые экономические идеи Прудона, и следует признать, что экономические воззрения Прудона действительно не является его сильной стороной.

Большинство социалистов того времени были выходцами из среднего класса или даже из высшего общества, в то время как Прудон был сыном местного пивовара, который обанкротился. Он провел свое детство в крайней нищете (о чем постоянно напоминал своим читателям позднее) и смог получить среднее образование только работая корректором и старшим рабочим в типографии. Ему было 29 лет, когда его приняли в высшее учебное заведение, которое он не смог закончить. После работы в небольшой судоходной компании в Лионе, переехал в Париж и был избран в Национальную ассамблею в 1848 г. К этому времени он уже был известен как сильный журналист и автор. В 1849 г. его приговорили к трем годам тюремного заключения за публикацию клеветнических статей в газете, которую он редактировал. Он продолжал писать даже в тюрьме и впоследствии был выслан в Бельгию. В 1862 г. он был помилован и вернулся во Францию. Прудон умер в 1865 г. в нищете.

Литература

M. Prélôt, *Proudhon, Pierre-Joseph*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.12, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); E. Hyams, *Pierre-Joseph Proudhon: His Revolutionary Life, Mind and Works*. (Taplinger, 1979).

Рикардо

Давид

Ricardo David

(1772 — 1823)

Возможно, за исключением Карла Маркса, нет великого экономиста прошлого, которого столь по-разному и даже противоположным образом интерпретировали, как Давида Рикардо. Как только появились его «Принципы политической экономии и налогообложения» (*Principles of Political Economy and Taxation*, 1817), он привлек множество страстных приверженцев, которые провозгласили его основателем новой строгой науки политической экономии. Вскоре, однако, появилось еще большее количество противников, которые боролись (не всегда успешно) за избавление от огромного влияния Рикардо на экономическое мышление того времени. В основном учебнике по экономике середины XIX века — «Принципах политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848) Джона Стюарта Милля — была вновь отдана дань гению Рикардо и сохранена его репутация для еще одного поколения исследователей. С началом «маржинальной революции» в 1870-е годы звезда Рикардо стала идти к закату, и многие теперь соглашались с Джевонсом*, что «он направил поезд экономической науки по ложному пути». Тот факт, что Маркс провозгласил Рикардо своим интеллектуальным учителем, пожалуй, способствовал ускорению антирикардрианской тенденции, и даже благородные усилия Маршалла в его «Принципах экономической науки» (*Principles*

of Economics, 1890) по представлению убедительнейших аргументов в поддержку Рикардо не смогли остановить падение его репутации.

Однако возвращение Рикардо состоялось в наши дни. Одной из многих характеристик мышления Рикардо, ставившего в тупик поколения читателей, была его привычка выражать все свои экономические переменные в единицах «неизменной меры ценности» — гипотетического мерил, которое, по признанию самого Рикардо, как таковое не существовало и не могло существовать. Но в 1960 году Пьеро Сраффа опубликовал небольшую книгу под названием «Производство товаров с помощью других товаров» (*Production of Commodities by Means of Commodities*), предназначенную для того, чтобы показать, что Рикардо был прав, когда измерял цены с помощью мерил, которое делало все цены независимыми от изменений прибыли и заработной платы. Это реабилитировало Рикардо как ученого, указавшего на важнейшую истину: вопреки современному учению, существует возможность отделить определение товарных цен от определения факторных цен, и есть даже контекст, в котором можно сказать, что логически второе предшествует первому. Новую интерпретацию Рикардо, данную Сраффой — ученым, который был редактором сборника «Сочинения и переписка Давида Рикардо» (*The Works and Correspondence of David Ricardo*, 1951–55) — нельзя было игнорировать.

Экономистам-марксистам потребовалось немного времени, чтобы осознать значимость этого сраффианского прочтения Рикардо. Они говорят, что история экономической мысли имеет два больших направления. Одно из них — подход с точки зрения общего равновесия, идущий от Джевонса, Вальраса и даже Маршалла к таким современным экономистам, как Фридмен и Самуэльсон, в рамках которого все важные экономические переменные определяются взаимно и одновременно. Другое направление — подход Рикардо-Маркса-Сраффы, в рамках которого распределение предшествует ценообразованию, а все экономические переменные определяются последовательно через причинно-следственные связи, начинающиеся от реальной заработной платы и, следовательно, отношений власти между капиталом и трудом. Таким образом, 160 лет спустя после смерти, Рикардо, самый буржуазный из всех буржуазных экономистов, вернулся в науку как один из от-

цов-основателей марксистской экономической теории. Таковы странные изгибы и повороты интеллектуальной истории.

Рикардо родился в Лондоне и был третьим ребенком в сефардической еврейской семье, эмигрировавшей из Голландии в 1760 году. В возрасте 14 лет он начал работать на своего отца, который стал успешно играть на фондовой бирже. В возрасте 21 года он женился на дочери квакера вопреки воле своих родителей, которые немедленно лишили его наследства. Будучи вынужденным содержать себя самостоятельно, он вскоре сколотил небольшое состояние, спекулируя ценными бумагами и посредничая в заключении кредитных договоров. В 1814 году, в возрасте 42 лет, он ушел из бизнеса, купил поместье Гэткомб Парк в Глостершире (теперь этим поместьем владеет и там же живет Ее Королевское Высочество принцесса Анна) и посвятил себя литературным занятиям.

Рикардо начал проявлять интерес к экономической науке в 1799 году, когда ему случайно попался экземпляр «Богатства народов» (*Wealth of Nations*) Адама Смита. Десять лет спустя он впервые опубликовался, напечатав в газете статью, посвященную дискуссии о слитках. Эта статья была позднее расширена до убедительного памфлета, названного «Высокая цена золотых слитков: доказательство обесценивания банкнот» (*The High Price of Bullions: The Proof of the Depreciation of Bank Notes*, 1810). В Отчете Комитета по ценным металлам, появившемся в следующем году, было выражено согласие с Рикардо по поводу того, что текущая инфляция была вызвана неспособностью Банка Англии ограничить выпуск банкнот. Известность этого отчета придала такой престиж брошюре Рикардо, что поздние комментаторы неправильно приписывали Рикардо тот факт, что он якобы вдохновил написание этого отчета.

В 1814 году он переключил свое внимание на торговую политику и год спустя опубликовал важную работу «Очерк о влиянии низкой цены зерна на доходность капитала» (*Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock*, 1815), которая заложила то, что вскоре стало одним из краеугольных камней классической политической экономии — закон убывающей отдачи от приращений капитала и труда, примененных к фиксированным участкам земли. Два года спустя он расширил этот памфлет до крупного трактата «О принципах политической экономии и налогооб-

ложения» (*On the Principles of Political Economy and Taxation*, 1817). В 1819 году он получил место в Палате Общин и в течение нескольких следующих лет принимал активное участие в парламентских дискуссиях по текущим проблемам.

Умер Рикардо от церебральной инфекции в 1823 году, оставив жену, семерых детей и состояние, оцененное в 750 000 ф. ст. (что эквивалентно сегодняшним 75 млн. ф. ст.). Может быть, Рикардо — самый великий из всех когда-либо живших экономистов, а, возможно, и нет, но уж точно он был самым богатым из них.

Интеллектуальная привлекательность Рикардо тогда и теперь обусловлена его впечатляющим даром к смелым абстракциям: он объединял широкий круг важных проблем посредством простой аналитической модели, включавшей всего несколько стратегических переменных и после элементарных манипуляций приводившей к впечатляющим выводам, имевшим, несомненно, практическое значение. Короче говоря, он был первым, кто овладел искусством, которое позднее принесло успех Кейнсу. Это был стиль мышления, заметно отличавшийся от стиля Адама Смита, и он устанавливал совершенно новый стандарт для экономического дискурса.

В центре рикардрианской аргументации находится идея о том, что экономический рост должен рано или поздно иссякнуть из-за редкости земли. В простой версии его модели, изложенной в «Очерке» 1815 года, вся экономика рассматривается как гигантская ферма, распределяющая свой продукт между землевладельцами, фермерами-арендаторами и наемными работниками. Мальтузианская тенденция роста населения до пределов, задаваемых предложением продовольствия, обеспечивает неограниченное предложение труда, который можно нанять при постоянной реальной заработной плате, зафиксированной в единицах зерна (или пшеницы). Это, конечно, печально известный «железный закон заработной платы», который отстаивался Рикардо со значительными оговорками. Каждый работник оснащен одним и тем же количеством основного капитала (например, лопатой), которое комбинируется с каждым работником в одной той же пропорции и поэтому также может быть выражено в единицах зерна. Иными словами, зерно — единственный вид продукции, выпускаемой гигантской фермой, а также единственный вид ресурсов, затрачиваемых в виде семян и продуктов питания для поддержания жизни работников. По мере

роста численности рабочей силы дополнительное зерно, необходимое для питания дополнительных работников, может быть произведено лишь посредством обработки менее плодородных земельных участков или применения дополнительных единиц капитала и труда к уже обрабатываемым земельным участкам с убывающей отдачей. Разница между чистым выпуском зерна каждым работником на наименее плодородном земельном участке и его постоянной заработной платой достается фермеру-арендатору в виде прибыли. Поскольку фермеры конкурируют друг с другом за лучший земельный участок, реальное преимущество от работы с таким участком достается землевладельцу в форме растущей ренты. По мере использования большего числа земельных участков чистый продукт в расчете на одного работника уменьшается, тогда как реальная заработная плата остается постоянной; очевидно, прибыль, приходящаяся на одного работника, также снижается. В то же время выраженная в зерне ценность капитала каждого работника увеличивается, поскольку производство зерна постоянно дорожает в единицах используемых реальных ресурсов. Разделим приходящуюся на одного работника падающую прибыль на возрастающий капитал одного работника, и получим, что норма прибыли на капитал, предоставляющая мотив для инвестиций, падает.

В книге «Принципы» эта простая односекторная модель была заменена трехсекторной моделью, но аргументация и полученные выводы были по существу теми же самыми. Очевидно, что краткосрочное решение проблемы, связанной с убывающей урожайностью пшеницы на один акр земли, состоит в импорте пшеницы из других стран, лучше обеспеченных плодородной землей, в обмен на производимые внутри страны продукты обрабатывающей промышленности. Не удивительно, что Рикардо решительно нападал на тогдашние законы о зерне, которые защищали британских фермеров, выращивавших пшеницу, запретом на ввоз иностранной пшеницы, отменявшимся только в годы очень высоких цен.

Желая показать, что Великобритания выиграет от специализации на производстве товаров обрабатывающей промышленности и импорта большей части своего продовольствия, он выступил с доктриной сравнительных издержек, которая явилась наиболее долгодействующим по значению вкладом Рикардо в экономическую науку: в условиях свободной торговли каждая страна обнаружива-

ет, что выгодно экспортировать не только те товары, которые она может произвести дешевле других стран, но и те товары, которые она может произвести дешевле *по сравнению* с импортируемыми товарами. Даже когда эта страна производит все дороже, чем любая другая страна, существуют выгоды, которые можно получить от международной торговли, и не только для рассматриваемой страны, но и для всех стран, взятых вместе. Здесь первоисточник всей доктрины свободной торговли XIX века! Хотя хлебные законы в действительности не отменялись до 1846 года — в течение еще 23 лет после смерти Рикардо — его труды помогли сделать свободную торговлю широко декларируемой целью британской политики. Невольно Рикардо представил теоретическое обоснование для решения проблемы роста в длительном периоде, которое Британия фактически взяла на вооружение в XIX веке: Британия стала «мастерской мира» и начала закупать большую часть своего продовольствия за рубежом.

Литература

О. St Clair, *A Key to Ricardo* (Augustus M. Kelly, 1957); M. Blaug, *Ricardian Economics. A Historical Study* (Greenwood Press, 1973); B. Gordon, *Ricardo in Parliament, 1819–23* (Barnes & Noble, 1977); S. Hollander, *The Economics of David Ricardo* (University of Toronto Press, 1979).

Робертсон
Деннис Холм
Robertson
Dennis Holme
(1890 — 1963)

Деннис Робертсон родился в Лаустофте, в семье сельского священника и школьной учительницы. В возрасте 12 лет он поступил в Итонский колледж, а затем, для изучения классических предметов, — в кембриджский Тринити-колледж. Несмотря на блестящие успехи в изучении классических дисциплин, он переключился на экономическую науку, получив диплом первой категории в 1912 году. В Кембридже ему преподавали Пигу* и молодой лектор Джон Мейнард Кейнс*, который был старше него всего на семь лет. Это положило начало дружбе и сотрудничеству между Робертсоном и Кейнсом, которые продолжались до середины 1930-х годов, пока не были прерваны нежеланием Робертсона одобрить Кейнсианскую революцию.

Робертсон получил должность преподавателя в Тринити-колледже благодаря своей первой крупной работе «Исследование колебаний в промышленности» (*A Study of Industrial Fluctuations*, 1915) и провел оставшуюся часть своей академической жизни в Кембридже, за исключением службы в армии во время Первой мировой войны, одного года на должности профессора по банковскому делу в Лондонской школе экономики в 1938 году и нескольких лет работы в качестве экономического консультанта Министерства финансов в течение Второй мировой войны. Он стал пре-

емником Пигу на посту главы кафедры экономики в Кембридже в 1947 году и ушел на пенсию в 1957 году. С 1944 по 1946 годы он был ведущим членом Королевской комиссии по равной оплате, а в 1957–58 годах — единственным экономистом в состоящем из трех человек Совете по ценам, производительности и доходам, сформированном консервативным правительством в ходе его нерешительных попыток проведения политики доходов.

Хотя он был удостоен многих наград, в том числе и рыцарского звания в 1953 году, последние годы его пребывания в Кембридже были отравлены спорами с последователями Кейнса, которые объединились против него как человека, изменившего благому делу, и осуществляли в отношении него едва ли не личную кровную месть.

Работа «Исследование колебаний в промышленности» была выдающейся книгой, которая действенным образом привнесла в британскую литературу континентально-европейский анализ неденежных причин деловых циклов. Робертсон пошел дальше, направив свое внимание к денежной сфере в работе «Деньги» (*Money*, 1922) и к интеграции реальных и денежных аспектов в книге «Политика банков и уровень цен» (*Banking Policy and the Price Level*, 1926). Книга «Деньги», главы которой названы «уместными цитатами» из «Алисы в стране чудес», стала одной из самых известных работ Робертсона; она часто перерабатывалась, бесконечно переиздавалась и была переведена на многие языки. Из всех его 15 книг именно в этой работе наилучшим образом проявляются его превосходное владение английским языком и простой, но изящный стиль изложения.

Книга «Политика банков и уровень цен», с другой стороны, была слишком трудной и специфичной, чтобы привлечь читательские массы — она изобиловала специализированными терминами типа «автоматического ограничения» и «индуцированной нехватки» — и осталась в значительной мере проигнорированной как тогда, так и теперь. Однако при ретроспективном взгляде она предстает как одно из самых важных достижений экономической науки XX века: данная книга оказалась едва ли не первой работой, в которой была сделана попытка точно определить значения таких терминов, как сбережения и инвестиции, и исследовать связь между ними, используя метод сравнительного анализа стадий и периодов. По существу, вовсе не бу-

дет экстравагантным провозгласить именно эту книгу, а не «Общую теорию» Кейнса, первоисточником современной макроэкономической динамической теории.

На этой стадии карьеры Робертсона он и Кейнс виделись с глазу на глаз. Но после публикации Кейнсом своего «Трактата» (*Treatise*, 1930) и в еще большей степени после издания его «Общей теории» (*General Theory*, 1936) их пути стали все сильнее расходиться. Робертсон отвергал кейнсианский анализ равновесия в коротком периоде, его определения сбережений и инвестиций и его теорию процента на основе предпочтения ликвидности, на время став главным оппонентом Кейнсианской революции.

Он настаивал на том, что определение как сбережений, так и инвестиций в виде функций дохода *этого* года, т.е. их трактовка как двух идентичных сторон одной и той же медали, и одновременно рассмотрение изменения дохода этого года как фактора, приводящего сбережения и инвестиции в состояние равенства в том же самом периоде времени, противоречат друг другу. Аналогично, он сомневался, что обусловленный предпочтением ликвидности спрос на *запас* денег был полезным способом анализа детерминации процентной ставки, которую он трактовал как переменную, уравнивающую *потоки* заемных фондов, состоящие из сбережений частных лиц и предприятий, а также из созданного банками чистого кредита на стороне предложения, а на стороне спроса — из инвестиций и тазаврирования денег.

Его критика кейнсианской системы содержалась в многочисленных статьях, большинство из которых собрано в книге «Очерки по теории денег» (*Essays in Monetary Theory*, 1956).

Аналогично, в 1950-е годы он не захотел присоединиться к большинству и одобрить новую экономическую теорию благосостояния, вернувшись к Маршаллу в этом и других вопросах. Работы «Полезность и тому подобное» (*Utility and All That*, 1952), «Экономические комментарии» (*Economic Commentaries*, 1956) и прекрасное собрание «Лекции по основам экономики» в трех томах (*Lectures on Economic Principles*, 1957–59) в полной мере передают его неуважительное отношение к господствовавшим взглядам.

Одна из его последних публикаций «Рост, заработная плата, деньги» (*Growth, Wages, Money*, 1961) была возвращением к теме его

молодости — деловым циклам, теперь пересмотренной с оглядкой на Кейнсианскую революцию.

Литература

S.R. Dennison, *Robertson Dennis Holme*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 13, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); J.R. Presley, *D.H. Robertson, 1890–1963*, Pioneers of Modern Economics in Britain, D.P. O'Brien and J.R. Presley (eds.) (Macmillan, 1981).

Рошер Вильгельм
Георг Фридрих
Roscher Wilhelm
Georg Friedrich
(1817 — 1894)

Вильгельм Рошер был одним из главных основателей немецкой исторической школы. Бруно Гильдебранда (1818–78), Карла Книса (1821–98) и Рошера часто объединяют как представителей «старой» исторической школы, чтобы отличить их от Шмоллера * и Зомбарта*, представляющих «новую» историческую школу следующего поколения. Все трое разделяли мнение о том, что четкое изложение целей и методов экономического исследования должно предшествовать разработке значимых доктрин; что все экономические истины исключительно относительны и имеют силу только для конкретной совокупности национальных и исторических условий; что в соответствии с этим экономическая наука должна развиваться через историю экономической мысли, безжалостно критикуя идеи прошлого; что экономическое развитие проходит через определенные стадии роста, схожие с биологическими стадиями младенчества, юности, зрелости и старости; и что для улучшения условий жизни рабочего класса и сдерживания распространения социалистических идей требуются разнообразные меры социальной политики. Рошер был ближе к идеям английских экономистов-классиков, чем Гильдебранд и Книс, и он, единственный из них, провел фундаментальное исследование в сфере истории экономической науки, наилучшим образом представленное в

его книге «История политической экономии в Германии» (*Geschichte der Nationaloekonomik in Deutschland*, 1874), которая до сих пор сохраняет научную ценность.

Рошер родился в Ганновере в 1817 году в семье судьи. Он изучал историю и политические науки в университетах Геттингена и Берлина и читал лекции по обеим этим дисциплинам в Геттингенском университете начиная с 1840 года. В 1843 году он положил начало исторической школе программной публикацией «Конспект лекций по политической экономии на основе исторического метода» (*Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswissenschaft nach geschichtlicher Methode*). В 1848 году он стал профессором политической экономии в Лейпцигском университете и взялся за написание «Принципов политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1854), работы, которую он расширял и пересматривал вплоть до своей смерти в 1894 году. Эта работа, возможно, стала самым читаемым учебником по экономике в Германии во второй половине XIX века.

В сравнении с тем, что можно было ожидать, итоговый результат трудов Рошера оказался очень скромным. В действительности, он заключался в критическом переосмыслении общепринятой экономической науки того времени с обилием примеров и иллюстраций так называемых «законов» исторического развития, которые он почему-то никогда не мог четко сформулировать. Умышленное нежелание вдаваться во что-либо, имеющее привкус нормативной экономики, удерживало его от разъяснения политических следствий его идей.

Литература

F. Salin, *Roscher, Wilhelm*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 13, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Рэ

Джон

Rae John

(1796 — 1872)

Джон Рэ написал одну большую книгу: «Изложение некоторых новых принципов политической экономии» (*Statement of Some New Principles on the Subject of Political Economy*, 1834), которая привлекла внимание Сениора* и Джона Стюарта Милля*. Милль часто ссылался на нее в своих «Принципах политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848), и все же книга осталась в значительной степени нечитаемой, причем настолько, что, когда она была позже переиздана в сокращенной переработанной версии под новым названием «Социологическая теория капитала» (*The Sociological Theory of Capital*, 1902), она была встречена как откровение такими ведущими неоклассическими экономистами как Бем-Баверк*, Виксель* и Фишер*. Фишер был так впечатлен, что впоследствии посвятил свой шедевр «Теория процента» (*The Theory of Interest*, 1930) «памяти Джона Рэ и Евгения фон Бем-Баверка, заложивших фундамент моих построений».

Всех поражала невероятная проницательность, с которой Рэ предвосхитил два принципа, на которых впоследствии была построена теория капитала австрийской школы — идею о том, что дополнительный капитал увеличивает выпуск только посредством «удлинения» периода производства, и представление о том, что некоторый объем выпуска в будущем всегда ценится меньше,

чем тот же объем выпуска в настоящий момент, из-за временных предпочтений. Эти два принципа указывали на детерминанты ставки процента со стороны предложения и со стороны спроса соответственно. Кроме того, он включил анализ этих двух элементов в исследование социальных и культурных сил, которые определяют «эффективное стремление к накоплению» как состязание между техническим процессом и временными предпочтением. Таким образом, имелось некоторое оправдание для названия его книги «социологической теорией капитала».

Пренебрежение книгой Рэ, несмотря на похвалу Милля, в некоторой степени объясняется тем, что она была написана в Канаде, издана в Америке и своим подзаголовком «Демонстрация ошибок системы свободной торговли и некоторых других доктрин, отстаиваемых в «Богатстве народов» создавала впечатление, что является очередным опровержением классических экономических доктрин.

Джон Рэ родился в Шотландии, учился в университетах Эдинбурга и Абердина, не получив, однако, ученой степени, и в 1822 г. эмигрировал в Канаду, чтобы работать школьным учителем. В 1848 г. он переехал в Калифорнию а оттуда — на Гавайи, занимаясь преподаванием, медицинской практикой и написанием статей для газет и журналов. В 1871 г. он вернулся в Америку, где и умер менее чем через год в Нью-Йорке.

Богатый опыт жизни в примитивных обществах придал ему здоровое расположение к влиянию государства на экономическую деятельность. В своей книге он рассуждал о том, что государства способны прекрасно стимулировать «эффективное стремление к накоплению» посредством патентного законодательства, налогообложения предметов роскоши, регулирования банков, субсидирования образования и защиты новых отраслей промышленности.

Его рассуждения по этому поводу имели сходство с доводами Листа*, писавшего примерно в то же самое время и так же озабоченного проблемами развития периферийных аграрных стран.

Литература

R.W. James, *John Rae, Political Economist: An Account of His Life and a Compilation of His Main Writings* (University of Toronto Press, 1965); J.J. Spengler, *Rae, John*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 13, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Саймонс

Генри Калверт

Simons Henry Calvert

(1899 — 1946)

Генри Саймонс был одним из основателей чикагской школы, известными представителями которой являются Милтон Фридмен, Гэри Беккер и Джордж Стиглер. Многие из основополагающих идей современных экономистов чикагской школы Саймонс изложил в своих очерках 1930-х гг., объединенных в сборник «Экономическая политика в свободном обществе» (*Economic Policy for a Free Society*, 1948). Среди этих идей — убеждение в том, что роль государства в экономической жизни по существу сводится к поддержанию структуры, в которой может функционировать свободное предпринимательство, а именно, к ведению соответствующей кредитно-денежной и финансово-бюджетной политики, антимонопольным мерам и т.д.; что кредитно-денежная политика должна быть сведена к не допускающему произвольных действий правилу, регулирующему объем денежной массы; что следует обязать банки к поддержанию резервов в размере 100% от депозитов; что профсоюзы представляют более значительную угрозу для конкуренции, чем крупный бизнес; что тенденция к укрупнению бизнеса могла бы вскоре измениться на противоположную, если бы государство постоянно не проводило мероприятия, прямо или косвенно поддерживающие монополии.

Такие значительные труды Саймонса, как его знаменитый очерк

«Позитивная программа политики невмешательства государства в экономику» (*A Positive Program for Laissez-Faire*, 1934), опубликовались в пору Великой депрессии, и вполне естественно, что в них прослеживается стремление защитить систему свободного предпринимательства во времена, когда она выглядела разрушающейся. Считая, что депрессия, в основном, была следствием неправильного монетарного управления, он стал одним из первых среди американских экономистов выступать в защиту денежной экспансии за счет бюджетного дефицита как средства борьбы с массовой безработицей. Таким образом, тогда как Кейнс утверждал, что финансово-бюджетная политика представляет собой средство оздоровления именно потому, что монетарная политика относительно неэффективна в условиях депрессии, Саймонс считал, что финансово-бюджетная политика необходима для придания действенности монетарной политике, поскольку способ, которым финансируется дефицит бюджета, может оказывать мощное воздействие на денежную массу.

Среди многих положений, выведенных Саймонсом самостоятельно, одному он уделял самое пристальное внимание, а именно реформе налоговой системы. В двух небольших книгах, «Налогообложение личного дохода» (*Personal Income Taxation*, 1938) и «Федеральная налоговая реформа» (*Federal Tax Reform*, 1943), он обстоятельно объяснил следствия нескольких основных идей, которые были центральными в предложенной им реформе. Он дал определение «дохода» для целей налогообложения в духе Фишера* как суммы затрат на потребление и изменения стоимости находящихся в собственности чистых активов, и настаивал на том, что календарный год — слишком короткий период времени для оценки дохода. Поэтому он предлагал, чтобы даже в том случае, когда доход облагается налогом по мере его поступления, счет на уплату налогов корректировался каждые несколько лет для учета дохода, который поступал постепенно в течение нескольких лет. Руководствуясь этими принципами, он исследовал все известные проблемы в налогообложении доходов от прироста капитала, прибылей корпораций, наследуемых доходов и т.п. Хотя во всех его предложениях акцент делается на то, чтобы предоставить налогоплательщикам максимальную свободу в распоряжении доходом после уплаты налогов, вызывает удивление то обстоятельство, что он не пренебрегал политикой расходов, мотивированной задачей

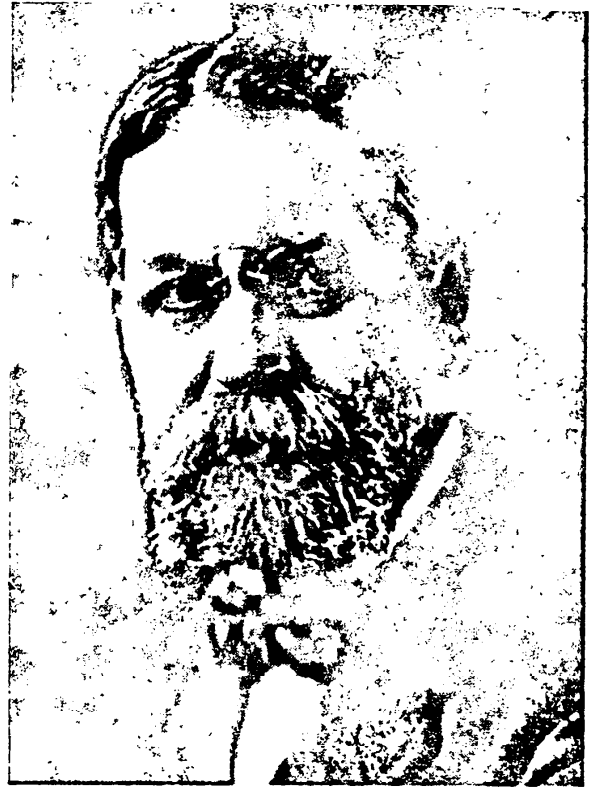
достижения социального равенства. В действительности, он хотел показать, что довод в пользу увеличения расходов на социальные программы оставался весьма слабым, пока эти затраты либо полностью, либо частично финансировались в рамках существующей не реформированной налоговой системы.

Саймонс родился в Вердене, Иллинойс, в 1899 г. Окончил Мичиганский университет в 1920 и сразу же после окончания начал преподавательскую деятельность в Университете Айовы. В 1927 г. перешел в Чикагский университет, где и работал в течение всей своей жизни. Он умер рано, в возрасте 47 лет в 1946 г. В годы активной деятельности он написал относительно немного — две книги и менее дюжины статей; он был известен более как преподаватель, чем как писатель. Он был окружен выдающимися коллегами. В это блестящее сообщество входили Джекоб Вайнер (1882–1970), Фрэнк Найт (1885–1972), Генри Шульц (1893–1938), Поль Дуглас (1892–1976) и многие другие, среди которых он держался независимо и предложил ряд существенных философских идей, которые стали неотъемлемой частью уникальной системы взглядов Чикагской школы на вопросы экономики.

Литература

F. Stein, *Simens, Henry C.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D. Stills (Macmillan Free Press 1968).

**Селигмен Эдвин
Роберт Андерсон**
*Seligman Edwin
Robert Anderson*
(1861 — 1939)

Эдвин Селигмен был экспертом по общественным финансам, членом бесчисленных налоговых комиссий, известным библиофилом и историком экономической мысли, а также ключевой фигурой в профессионализации американской экономической науки. Среди большого количества его книг и очерков по налогообложению, такие работы как «Прогрессивное налогообложение в теории и на практике» (*Progressive Taxation in Theory and Practice*, 1894) и «Подходный налог: исследование истории, теории и практики налогообложения доходов в США и за рубежом» (*The Income Tax: A Study of the History, Theory and Practice of Income Taxation at Home and Abroad*, 1911) все еще полезно читать как ранние примеры применения предельного анализа к относительно новой сфере — прямому налогообложению заработанного дохода. Селигмен был одним из многих, кто пытался ввести теорию предельной полезности в теорию налогообложения с точки зрения платежеспособности. По этому поводу он неоднократно дискутировал с Эджуортом*, у которого обычно находились самые веские аргументы.

Впечатляющая личная библиотека книг и памфлетов по истории экономической мысли (теперь Собрание Селигмена в Колумбийском университете) сформировала основу его новаторской статьи «О некоторых забытых английских экономистах» (*On Some*

Neglected British Economists, 1903), в которой он привлек внимание к таким забытым авторам, как Ллойд и Лонгфилд* в качестве предвестников теории предельной полезности. Селгимен помогал Эли в создании Американской экономической ассоциации в 1885 году и стал его преемником на посту президента в период с 1902 по 1904 годы. Он также помогал учредить Американскую ассоциацию университетских профессоров (AAUP), став ее президентом в 1919–20 годах и возглавляя комитет AAUP, написавший «Отчет о свободе академической науки» (*Report on Academic Freedom*, 1915). Вплоть до сегодняшнего дня этот отчет служит фундаментальным изложением принципов AAUP.

В начале своей карьеры он также опубликовал важное исследование «Экономическая интерпретация истории» (*The Economic Interpretation of History*, 1902), в котором тщетно пытался извлечь крупницы истины из многих сомнительных утверждений Маркса относительно философии истории. Читая эту книгу сегодня, можно только удивляться состоянию исторической дискуссии на рубеже веков, которая делала неизбежным акцентирование очевидных истин, что и делал Селигмен.

В последнее десятилетие своей жизни он увенчал свою многостороннюю карьеру участием в редактировании первой на английском языке «Энциклопедии общественных наук» (*Encyclopedia of the Social Sciences*, 1930–35) в 15 томах. Хотя теперь ее затмила «Международная энциклопедия общественных наук» (*International Encyclopedia of the Social Sciences*, edited by O.L. Sills, 1968) в 18 томах, к старой «Энциклопедии» все еще полезно обращаться для ознакомления с множеством биографий и некоторыми классическими статьями, написанными ведущими экспертами своего времени.

Эдвин Селигмен родился в Нью-Йорке в семье известных банкиров. Он обучался дома до 11 лет, в возрасте 14 лет поступил в Колумбийский колледж и окончил его в 1879 году в возрасте 18 лет. Следуя моде того времени, он в течение трех лет посещал университеты Берлина, Гейдельберга и Парижа, прежде чем присоединиться к первой группе аспирантов-экономистов Колумбийского университета. В 1884 году получил степень магистра гуманитарных наук и бакалавра права, а в следующем году — степень доктора философии. Он сразу же присоединился к только что сформированному профессорско-преподавательскому составу факульте-

та политических наук Колумбийского университета, где оставался вплоть до своего ухода на пенсию в 1931 году, став профессором политической экономии и финансов в 1890 году. Умер в 1939 году в возрасте 88 лет.

Литература

C.S. Shoup, *Seligman R.A.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Сениор

Уильям Нассау

Senior Nassau William

(1790 — 1864)

Нассау Сениор был второстепенным, но весьма своеобразным классическим экономистом в период между опубликованием «Принципов» Рикардо (1817) и «Принципов» Милля (1848). В 1836 году Сениор издал собственный учебник «Основы политической экономии» (*An Outline of the Science of Political Economy*), который представлял собой конспект лекций, прочитанных им в Оксфорде, где Сениор занимал пост драммондовского профессора политической экономии. Как в этих, так и в других своих лекциях, опубликованных отдельно, Сениор высказывает довольно оригинальные гипотезы относительно вопросов ценности, ренты, народонаселения, денег и международной торговли. Его наиболее известным, даже скандальным, вкладом в политэкономия стала теория воздержания, согласно которой прибыль является вознаграждением капиталиста за отказ от расходования собственного капитала на личные нужды. Эта концепция спровоцировала, пожалуй, наиболее едкие насмешки Маркса относительно апологетической природы «буржуазной экономической науки». Большого внимания, однако, заслуживает трактовка Сениором принципа убывающей предельной полезности (хотя и без связи с теорией спроса), а также его обобщение выдвинутой Рикардо концепции ренты на все факторы производства, предложение которых фиксировано, и

демонстрация того, что равновесное состояние платежного баланса подразумевает предсказуемые расхождения в ценах и размерах заработной платы между разными странами. Кроме того, из всех последователей Рикардо Сениор наиболее интересен с точки зрения методологии — например, он сделал попытку вывести все положения политэкономии из четырех аксиом об экономической мотивации и промышленных и сельскохозяйственных технологий. Наконец, Сениор работал над определением фундаментального различия между «наукой» и «искусством» политэкономии — или, как мы сказали бы теперь, между «позитивной» и «нормативной» экономической наукой.

Это различие для самого Сениора имело большое персональное значение, поскольку он стал первым теоретиком-экономистом, который многие годы оказывал консультативные услуги политикам — а именно, членам партии Вигов того времени — как в официальном, так и в частном порядке. Он принимал участие в подготовке законов о профсоюзах, работал над реформой муниципальных корпораций, участвовал в организации помощи неимущим в Ирландии и состоял в четырех Королевских комиссиях — по Закону о бедных (1834), по Фабричному закону (1837), по бедственному положению ткачей (1841) и по народному образованию (1857). Каждый раз именно Сениор становился автором большинства или даже всех отчетов соответствующей комиссии. Его вклад в подготовку Закона о бедных 1834 года, который менял саму концепцию оказания помощи — если ранее пособие предоставлялось трудоспособным неимущим, живущим самостоятельно, то теперь эти средства распространялись лишь на тех, кто содержался в домах призрения, больницах и т.п. — стал наиболее масштабным успехом его деятельности как политика: он не только составил авторитетный отчет по работе комиссии, но также организовал предшествующее отчету исследование и, действуя с неумолимой настойчивостью, добился от парламента утверждения предложенных в отчете рекомендаций. Отмена старого Закона о бедности, который предусматривал выплату пособия по безработице местными органами власти, стала воплощением одного из самых значимых для Мальтуса практических выводов его теории народонаселения. По этому пункту Сениор был согласен с Мальтусом, хотя к другим положениям его теории относился отрицательно. Действительно, работа Сениора «Две лекции о населении» (*Two Lectures on*

population, 1829), стала одной из первых попыток критики мальтузианской теории. Аргументом Сениора в его споре с Мальтусом в данном случае была апелляция к эмпирически очевидному повышению уровня жизни при росте численности населения.

Сениор родился в 1790 году в Уилтшире и был старшим сыном в семье викария. Он учился в Итоне, Магдален-колледже, Оксфорд, и в школе подготовки барристеров Линкольнз-инн, Лондон. В 1817 году он получил сертификат на ведение дел по передаче имущества, а в 1819 начал адвокатскую практику. В двадцатые годы он совмещал практику в адвокатуре с преподаванием и написанием статей по экономике, а в тридцатых годах к этому добавилась политическая деятельность. После поражения либералов (Виггов) на выборах 1841 года, Сениор вернулся к занятиям теоретической экономикой. В 1847 году он вновь занял должность профессора политической экономии им. Драммонда. До своей смерти в возрасте 74 лет Сениор опубликовал еще ряд лекций и написал несколько больших глав к трактату по политэкономии, который ему не суждено было завершить. Он много путешествовал, во время поездок вел дневники; часть своих путевых заметок Сениор успел опубликовать сам, но многие из них увидели свет лишь после его смерти в 1864 году.

Литература

M. Bowley, *Nassau Senior and Classical economics* (A.M. Kelley, 1949); M. Bowley, *Senior, Nassau William*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Сен-Симон Клод
Анри де Рувруа
Saint-Simon Claude
Henri de Rouvroy
(1760 — 1825)

Все слышали о Сен-Симоне, но очень немногие когда-либо его читали; это неудивительно, ведь он так и не написал ни одной крупной работы, выдержавшей испытание временем, а его бесчисленные статьи и очерки перемещались с умопомрачительной скоростью из одного забытого издания в другое, страдая отсутствием упорядоченности, логичности и ясности. Тем не менее, у него нашлись последователи, которые систематизировали его идеи и придали им новую форму, особенно работавший в одно время с ним Огюст Конт, и на какое-то время в 1830-е и 1840-е годы в ряды движения, связанного с его именем, встали многие выдающиеся молодые интеллектуалы того времени, в том числе Томас Карлейль и Джон Стюарт Милль. Позднее Карл Маркс критиковал Сен-Симона вместе с Оуэном* и Шарлем Фурье (1772–1837) как «социалистов-утопистов». Термин «утопист-реформатор» мог бы лучше охарактеризовать позицию Сен-Симона, который никогда не присоединялся к идеям коллективизации средств производства и надеялся на то, что правители отдадут свою власть добровольно после того, как убедятся в неизбежности социальных перемен.

В основе всех работ Сен-Симона, которые эффективно распространялись по всей Европе несмотря на то, что они были трудны

для понимания, лежали три сильных идеи. Первая идея — осведомленность об уникальной научной и технической революции его времени (он придумал термин «индустриализация»), возможности которой он оценивал лучше, чем большинство его современников. Он проектировал будущее общество, в котором бедность и война будут искоренены посредством крупномасштабной индустриализации под плановым научным руководством ученых, инженеров и руководителей предприятий. Вторая идея — мнение о том, что методы естественных наук можно расширить применительно к социальной сфере, и что этой «позитивной науке», как он ее называл, можно учить массы; таким образом, она может служить новой секулярной религией для объединения общества. Третья идея состоит в том, что история характеризуется определенными стадиями развития, которые по существу носят идеологический характер. Так, греко-романская цивилизация имела политеистическую религию, рабовладельческую экономику и монолитное политическое устройство.

Такая система была вытеснена в средние века католицизмом, феодальными отношениями собственности и децентрализованным политическим контролем. Затем, в XV веке, началась новая эпоха, основанная на науке, промышленности и парламентской демократии. Его собственные усилия были направлены на завершение этой третьей стадии истории посредством управленческой и идеологической революции, предназначенной освободить производительные силы. Все это представляло собой искаженную мешанину идей, которая, тем не менее, оказала чрезвычайно сильное влияние на интеллектуальный климат Европы во второй четверти XIX века.

Он родился в Париже в 1760 году в семье деклассированного дворянина, и в течение своей жизни занимался разнообразными видами деятельности, побывав солдатом, борющимся за американскую революцию, и спекулянтom конфискованными церковными землями. Он был заключен в тюрьму в период террора 1793–94 годов и едва избежал смертного приговора. Накопив значительное состояние в качестве спекулянта, он за 10 лет промотал свои деньги, и в период с 1804 года до самой смерти в 1825 году кое-как сводил концы с концами, работая журналистом и памфлетистом.

После смерти его последователи продолжали развивать его идеи,

но вскоре выродились в религиозную секту, которая была разогнана властями.

Литература

M.V. Martel, *Saint-Simon*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 13, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); K. Taylor, *Henry Saint-Simon* (Croom Helm, 1975).

Сиджвик

Генри

Sidgwick Henry

(1838 — 1900)

Генри Сиджвик был последним британским политическим философом, который внес свой вклад в экономическую науку. Подобно Локку, Юму и Джону Стюарту Миллю, Сиджвик посвятил несколько лет экономике, но свои основные идеи он изложил в работах «Методы этики» (*The Methods of Ethics*, 1874) и «Элементы политики» (*The Elements of Politics*, 1891). Тем не менее, его работа «Принципы политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1883) заложила основу для ряда важных положений более значительной работы Маршалла «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*, 1890), способствуя, таким образом, формированию нового направления, которое вскоре стали называть кембриджской школой неоклассической экономики: красноречивого, нетехнического стиля, рассчитанного не только на студентов, изучающих экономику, но и на широкий круг читателей, с акцентом на непрерывность и последовательность экономической мысли; отсюда продуманная попытка ввести некоторые более новые элементы предельного анализа в систему, разработанную Рикардо и Миллем; настойчивое требование разделения «науки» и «искусства» политической экономии; сугубо утилитарный подход ко всем актам государственного вмешательства, включая фискальные мероприятия, рассчитанные на

выравнивание распределения дохода; признание внешних эффектов, связанных с производством (известный пример с маяком), как источника «несостоятельности рынка», подсказывающее идею об общей теории государственного вмешательства, основанной на несоответствиях частных и общественных выгод; благожелательное, но скептическое отношение к социализму. Две первые из трех книг «Принципов» Сиджвика достаточно традиционны, хотя и отличаются новым качеством ясности и остротой стиля изложения, но суть работы становится понятной из книги III, в которой рассматривается искусство экономической политики с таких позиций, словно в науке политической экономии мало смысла, если она не способствует разработке предложений, которые помогли бы государству лучше организовать экономическую жизнь.

Сиджвик родился в 1838 в Скиптоне в семье англиканского священника. В 1859 он окончил Кембриджский университет по двум специальностям: античная литература и история и математика. Сразу же после окончания университета получил должность научного сотрудника в Тринити-колледже. Всю жизнь проработал в Кембриджском университете, став одним из главных организаторов реформ программы обучения 1870-х гг., которые распахнули двери для женщин, отменили религиозные обеты, которые ранее налагались на сотрудников университета, и повысили статус общественных наук и других профессиональных предметов. Умер в 1900 г.

Однажды Маршалл сказал о Сиджвике: «Он был, можно сказать, моим духовным отцом и матерью». Вполне заслуженный комплимент.

Литература

B. Corry, *Sidgwick, Henry*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

**Сисмонди Жан
Шарль Леонард**
Sismondi Jean Charles
Leonard Simonde de
(1773 — 1842)

Симон де Сисмонди родился в Женеве, в семье кальвинистского священника. Он был историком и экономистом, первым критиком промышленного капитализма. Он не был социалистом, его взгляды можно охарактеризовать выражением Ленина «экономический романтизм»: он сожалел о тех «издержках», которые индустриализация возложила на «пролетариев» (его собственный термин), и тосковал по простым личным отношениям, характерным для экономики сельского хозяйства минувших дней. Но его критическое отношение формировалось медленно, в результате глубокого кризиса, возникшего после окончания наполеоновских войн. Ранняя работа «Коммерческое богатство» (*De la richesse commerciale*, 1803) представляла собой вполне традиционное изложение доктрин Адама Смита. Затем 10 лет своей жизни он отдал гигантскому труду в 16-ти томах, посвященному истории итальянских республик, за которым последовала еще более обширная 31-томная история Франции. Работа «Новые принципы политической экономии» (*Nouveaux principes of d'économie politique*, 1819), до сего времени не переведенная на английский язык, ознаменовала его поворот в сторону более критического отношения к свободной торговле, невмешательству государства в экономику и промышленному капитализму. Убежденный в том, что новая индустриальная сис-

тема обречена на неизбежные повторяющиеся кризисы и хроническую тенденцию недопотребления, он был особенно обеспокоен экономией живого труда вследствие технического прогресса. Он не видел другого решения этой проблемы кроме глубокого государственного вмешательства, включая гарантированную минимальную плату как для работающих, так и для безработных, ограничение максимального рабочего времени, ограничение максимального и минимального трудоспособного возраста и введение системы участия в прибылях.

Сисмонди встречался с Рикардо*, Мальтусом* и Сэем*. Его цитировали Мальтус*, Мак-Куллох*, Торренс* и Джон Стюарт Милль*. Все они, кроме Мальтуса, подвергали его разгромной критике. В действительности, совершенно очевидно, что его труд «Новые принципы» (*Nouveaux Principes*) оказал глубокое влияние на работу Мальтуса «Принципы политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1820). Один и тот же акцент на том, что мы назвали бы в наше время недостаточным совокупным спросом, одна и та же тенденция к отказу от системы сравнительной статистики и к рассмотрению понятия совокупного спроса с динамической точки зрения как вопроса воспроизводства потоков доходов данного периода в следующем периоде — все это присутствует в обеих названных книгах. На самом деле, дух кейнсианства в работе Сисмонди значительно сильнее, чем в работе Мальтуса. Кейнсу следовало бы провозгласить своим предшественником именно Сисмонди, но не Мальтуса. Сисмонди также можно рассматривать как истинного предшественника Маркса не только ввиду того, что он выделил рабочий класс в качестве *преимущественной* жертвы фабрично-заводской системы, но и благодаря пониманию того, что рабочие и хозяева вовлечены в вечную «классовую борьбу» — еще один созданный им новый термин.

В течение своей жизни Сисмонди жил поочередно в Швейцарии, Франции, Италии и Англии, вел обширную переписку со своими современниками — историками, экономистами и государственными деятелями. Ему дважды предлагали академические должности, и он дважды отклонял эти предложения. Его работы были популярны, особенно среди социалистов, в течение всего XIX столетия — даже в 1896 г. Ленин считал его достаточно важной фигурой для критики в одной из двух своих экономических работ,

«Характеристика экономического романтизма: Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» (1896).

Литература

G. Sotiroff, *Simonde de Sismondi*, International Encyclopedia of the Social Sciences, v.14, ed. D.J. Sills (MacMillan Free Press, 1968); *History*, T. Sowell, *Sismondi: A Neglected Pioneer of Political Economy*, vol. 4(I), Spring 1972.

Слущкий
Евгений Евгеньевич
Slutsky Eugen
 (1880 — 1948)

Когда Джон Хикс и Рой Аллен в 1934 году выступили со своей новой теорией поведения потребителя на рынке, основанной на концепции безразличия, а не на идее предельной полезности, они, в частности, утверждали, что им удалось четко разложить на два компонента влияние изменения цены на спрос: «эффект дохода» и «эффект замещения», которые обычно, усиливая друг друга, обуславливают нисходящую форму кривой спроса, но при вполне определенных обстоятельствах могут нейтрализовать друг друга, что приведет к появлению восходящей кривой спроса. Таким образом, была решена старинная загадка Маршалла о «товарах Гиффена», или, как их называли Хикс и Аллен, «худших товарах» — и заодно получено четкое объяснение нисходящих кривых предложения рабочей силы, которые в той же мере озадачивали предшествующих исследователей.

И лишь по прошествии более двух лет с момента написания данной работы в 1934 году Аллен обнаружил, что эти идеи уже были не только высказаны, и подкреплены математическими выкладками в оставшейся незамеченной статье русского экономиста и статистика Евгения Слущкого, которая была опубликована в Италии двадцатью годами раньше, в 1935 году. Аллен сразу же объявил о своей находке и признал первенство Слущкого в создании

большей части этой теории, которая получила название теории Хикса-Аллена, кроме ставших широко известными геометрических диаграмм «кривых безразличия».

Это был не единственный случай, когда Слущкий оказывался впереди всех остальных в той или иной области, оставаясь незамеченным всеми, кто в ней работал. В 1913 году он опубликовал в *Journal of the Royal Statistical Society* свою статью о критерии соответствия линии регрессии, которая имела удивительное сходство со статьей на ту же тему, вышедшей в свет девятью годами позже за подписью Фишера, знаменитого статистика. Последующие статьи Слущкого были посвящены теории вероятности и теории стохастических процессов; его интерес к экономике, по всей видимости, иссяк после статьи 1915 года.

Слущкий родился в 1880 году в России в семье школьного учителя. В 1899 году он поступил в Киевский университет на математический факультет, но через три года был исключен в связи с участием в революционной деятельности. В 1903 году Слущкий поступил в Технологический институт в Мюнхене с целью изучения инженерного дела, но, также не закончив курса, в 1905 году вернулся в Россию. В 1911 году он наконец получил научную степень по юриспруденции, закончив с отличием Киевский университет, а в 1918 году получил вторую степень, на этот раз по экономике. Это означает, что его знаменитая статья 1915 года была написана всего лишь через год или два после того, как Слущкий начал изучать экономику. В 1918 году Слущкий получил место профессора политэкономии в Киевском институте торговли, а в 1926 году переехал в Москву и начал работать в Конъюнктурном институте под руководством Кондратьева*. С 1931 по 1934 годы Слущкий был сотрудником Центрального института метеорологии в Москве, а с 1934 года вплоть до своей смерти в 1948 году занимал должность в Математическом институте Академии Наук СССР.

Литература

R.G.D. Allen, *The Work of Eugen Slutsky*, *Econometrica*, 18 July 1950; A.A. Koms, *Slutsky, Eugen*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Смит**Адам***Smith Adam*

(1723 — 1790)

До недавнего времени Адам Смит был известен только как автор единственной книги «Исследование о природе и причинах богатства народов» (*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*), год выхода в свет которой для американского читателя запомнить несложно — это год американской революции, 1776. Считается, что эта книга положила начало формированию экономики как самостоятельной науки. Кроме того, именно этой книге мы обязаны появлению доктрины свободного предпринимательства. Хотя перу Адама Смита принадлежит еще один крупный трактат, «Теория нравственных чувств» (*The Theory of Moral Sentiments*, 1759), посвященный исследованию этических норм, которые сохраняют целостность человеческого общества, экономисты обычно ограничиваются прочтением «Богатства народов»; те же, кто прочел обе книги, как правило, отмечают видимые противоречия между ними и недоумевают, почему Смит не попытался как-то согласовать эти книги одну с другой. Кроме того, он написал множество очерков на философские и литературные темы, а найденные среди его рукописей заметки по вопросам риторики и правосудия позволяют предположить, что Смит до конца жизни работал над созданием всеобъемлющей системы общественных наук, которая, увы, осталась незавершенной. Но эти очерки и за-

метки редко попадались на глаза исследователям и считались малоинтересными.

Однако публикация полного собрания сочинений и переписки Адама Смита, предпринятая Университетом Глазго (*Complete Works and Correspondence of Adam Smith*, 1976–81) пролила новый свет на его творческое наследие, которое, если рассматривать его целиком, характеризует автора не просто как экономиста, а скорее как создателя философской системы, охватывающей различные стороны человеческой жизни — и, кроме того, как мыслителя, в значительной степени проникнутого традициями XIX столетия и гораздо менее «современного», чем принято считать. И все же, именно «Богатство народов» отражает наивысший уровень развития философской мысли Адама Смита. На тот момент это исследование явилось наиболее серьезной попыткой проанализировать процессы, характерные для «коммерческого общества» — так в те времена именовалась система, которую сейчас мы называем «капиталистической экономикой». Разработанный Смитом подход к вопросам ценности и распределения предопределил ход развития экономической мысли на сто лет вперед — вплоть до «маржинальной революции» восьмидесятых годов XIX столетия, и фактически стал основой школы английской классической политэкономии. А его «крестовый поход» против экономической политики тех времен, которая, с его легкой руки, и по сей день именуется «меркантилизмом», определил характер воздействия на текущие события, который остается свойственным экономической науке и по сей день. Именно это имеется в виду, когда мы называем Адама Смита классиком *политической* экономики; для него, однако, этот термин означал не взаимосвязь политики и экономики, но экономическую политику государства.

Адам Смит родился в небольшом шотландском городке Кирколди, отделенном от Эдинбурга заливом Ферт-оф-Форт и населенном по большей части рыбаками и углекопами. Его отец, таможенный чиновник, умер вскоре после рождения своего единственного сына. Все годы, кроме проведенных за пределами Шотландии, Адам Смит прожил с матерью, вплоть до ее смерти в 1784 году. Он не был женат и, насколько известно, никогда не был всерьез увлечен какой-либо женщиной. Адам Смит поступил в Университет Глазго в возрасте 14 лет — что, впрочем, в те времена было обычным делом — и в 17 лет уже получил диплом магистра

гуманитарных наук. Затем, получив стипендию, он продолжил обучение в Оксфорде, в Бэллиол-колледже. Шесть лет, проведенные в этом старейшем английском университете, заставили его глубоко разочароваться в практикуемой там (как и в Кембридже) системе обучения. По возвращении в Шотландию Адам Смит прочел несколько курсов публичных лекций, благодаря успеху которых он был избран на должность профессора логики в Университете Глазго в 1751 году и почти сразу же после этого получил еще более почетное место профессора этики.

Опубликовав в 1759 году свою «Теорию нравственных чувств», которая упрочила его научную репутацию, Адам Смит оставил университетскую кафедру в 1763 году, чтобы сопровождать юного герцога [*Duke of Buccleuch*] в качестве наставника в его путешествии по Европе. За время, проведенное во Франции, Адам Смит познакомился со многими выдающимися деятелями науки и культуры того времени, в том числе Кенэ*, Тюрго*, Жан-Жаком Руссо и Вольтером. Вернувшись в Англию в 1766 году, он поселился на родине, в Кирколди, и посвятил следующие годы «Исследованию о природе и причинах богатства народов» — поездка на континент с герцогом Баклю обеспечила ему солидную пожизненную пенсию. Через два года после выхода в свет этой книги Адам Смит был назначен комиссаром таможенного управления Шотландии и, вступив в должность, начал борьбу с контрабандой — хотя в «Богатстве народов» контрабанда оправдывалась и даже превозносилась как протест против «неестественного» законодательства! Адам Смит умер в 1790 году в Эдинбурге. Незадолго до смерти он приказал сжечь все свои неопубликованные рукописи — по словам очевидцев, 16 томов инфолио — и самолично проследил за выполнением этого приказа.

Современных читателей «Богатства народов» в первую очередь, как правило, удивляет широта этого исследования, которое раздвигает рамки экономики и пытается охватить историю, политэкономию и даже антропологию. Этот основательный труд состоит из пяти книг, но лишь первые две из них вызывают неизменный интерес читателей уже более двухсот лет. Именно здесь вводится идея о фундаментальной причине «богатства народов», каковой является, по Смиту, разделение труда; объясняется столь же фундаментальное различие между «естественной» и «рыночной» ценой товаров и развиваются теории ценности и распределения. Не-

которые концепции — например, различие между мерой и причиной ценности и между производительным и непроизводительным трудом — не сразу нашли понимание и вызвали долгие споры многих поколений мыслителей-экономистов. Но все же большая часть идей, изложенных в «Богатстве народов», стала классикой в прямом смысле этого слова — например, мастерское объяснение структуры относительных уровней заработной платы (книга I, глава X) и доказательство так называемой «теоремы о равенстве сбережений и расходов» (книга II, глава III). Но книги III–V уже никак не вписываются в наши представления о классическом труде по экономике: здесь мы находим и описание экономического развития Европы со времен падения Римской империи, и критику колониальной политики европейских государств, и анализ различных методов отправления правосудия в первобытном обществе; автор знакомит нас с историей возникновения регулярных армий, рассказывает о развитии образования в средние века, об увеличении и уменьшении светской власти церкви — и все эти многообразные сведения изложены великолепным стилем, характерным для прозы XVIII столетия.

Но при этом одной из особенностей книги, которая делает ее даже более привлекательной для нынешнего читателя, чем для современника Адама Смита или человека XIX столетия, является постоянное внимание автора к политическим позициям различных социальных групп, в особенности предпринимателей, организовано воздействующих на правительства с целью получения легальных монополий и особых привилегий. Также Адам Смит демонстрирует ясное понимание корыстных мотивов политиков и государственных чиновников. Фундаментальный труд «Богатство народов» предвосхитил появление в XX столетии теорий государственного выбора и экономического регулирования, которые связываются с именами Джеймса Бьюкенена и Джорджа Стиглера.

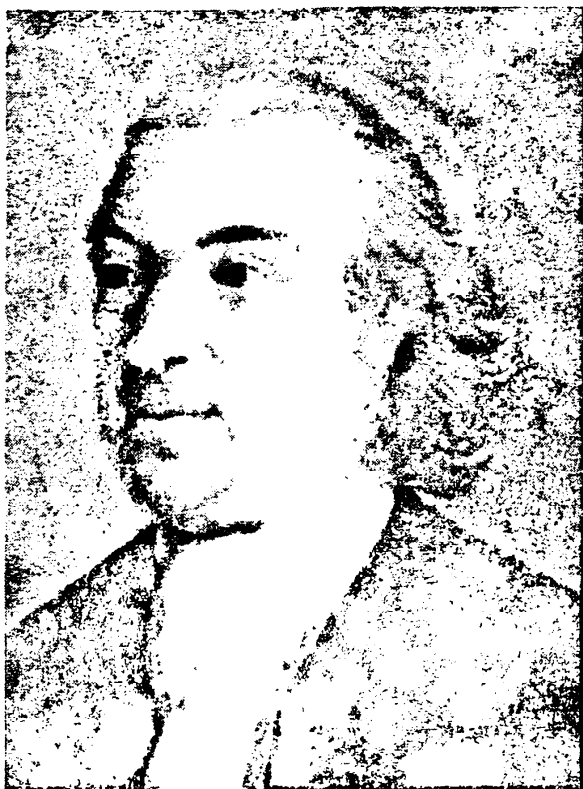
Хотя взгляды Адама Смита на действия предпринимателей и законодателей отличаются глубоким цинизмом, а функцией правительства он считал обеспечение населения теми социальными услугами, которые не могут или не должны быть предоставлены частными организациями, все же в истории экономики и европейской научной мысли он останется навсегда как один из ярчайших сторонников свободы торговли, свободы предпринимательства и свободы перемещения людей и товаров — короче говоря, поли-

тики невмешательства государства и свободы рынка от каких-либо ограничений. Некоторые скажут, что это представление очень далеко от действительности, и цели Адама Смита были совсем иными.

Несомненно, перечисленные выше идеи не исчерпывают всего философского наследия этого мыслителя, но так же несомненно и то, что они являются его важной частью. Называя Адама Смита выразителем воззрений промышленной буржуазии, мы, возможно, приуменьшаем его значение, но отнюдь не приписываем ему лишнего.

Литература

J. Viner, *Smith, Adam*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); S. Hollander, *The Economics of Adam Smith* (University of Toronto Press, 1973); A.S. Skinner and T. Wilson (eds.), *Essays on Adam Smith* (Clarendon Press, 1975); R.H. Campbell and A.S. Skinner, *Adam Smith* (Croom Helm, 1982).

Стюарт
Джеймс Денхам
Steuart James Denham
(1712 — 1780)

Сэр Джеймс Стюарт — последний представитель традиции британских меркантилистов, берущей начало еще в XVI столетии. Он опубликовал свой основной труд «Исследование принципов политической экономии» (*An Inquiry into the Principles of Political Economy*) в 1767 году — за девять лет до того, как под влиянием «Богатства народов» Адама Смита слово «меркантилизм» в ученых кругах стало едва ли не ругательством. Но главный удар Смит нанес ему своим молчанием: он полностью игнорировал труды Стюарта и, как нам известно из его частной переписки, сознательно избегал упоминания его имени даже в тех местах, где собственные идеи Смита являлись прямым отрицанием положений Стюарта. В результате книга Стюарта была предана полному забвению, и ни в одной статье английских классических экономистов нельзя найти ссылку на «Исследование принципов политической экономии». Однако в конце XIX в. на эту книгу обратил внимание Маркс, и постепенно имя Стюарта приобрело определенный вес в кругах немецкой исторической школы — в частности, благодаря его историческому видению экономики и идее о том, что экономическое развитие страны должно осознанно направляться государством. Позднее он был провозглашен предшественником «контролируемой экономики» и концепции планирования экономического развития.

Сэр Джеймс Стюарт родился в Эдинбурге в 1712 году. Его отец был генеральным стряпчим по делам Шотландии при королеве Анне и при Георге I. После обучения юриспруденции в Эдинбургском университете Джеймс Стюарт много путешествовал по Европе. Его участие в восстании якобитов, пытавшихся освободить Шотландию от власти Англии, вынудило его оставаться за границей вплоть до 1763 года. Вернувшись в Шотландию, Стюарт посвятил остаток жизни литературным трудам и умер в 1780 году.

Будучи шотландцем, Стюарт испытал влияние тех же учителей и наставников, что и Адам Смит*, что подтверждается небезынтересным сходством этапов развития экономики в разработанных ими теориях. И Стюарт, и Смит отмечают такие этапы, как охотничий, затем пастушеский, на смену которому пришел этап торговли, когда натуральное хозяйство уступило место товарному; затем — появление и рост городов и формирование национального рынка. Единственным отличием является то, что, по Смиту, весь этот процесс является спонтанным, а по Стюарту — контролируется государством. Более того, степень государственного вмешательства, по мнению Стюарта, становится все более определяющей по мере развития торговли и промышленности. Особое беспокойство Стюарта вызывали вопросы перенаселения — при этом его взгляды необычайно схожи с мыслями, высказанными позднее Мальтусом*, — рост внешней торговли по мере того как в результате коммерциализации заработная плата и доходы в Англии росли быстрее, чем за границей, и вытеснение человеческого труда с появлением новых промышленных машин. Соответственно, он рекомендовал для решения этих проблем весь арсенал меркантилистской стратегии: регулирование внешней торговли с целью обеспечения притока золота; развитие национальной промышленности путем стимулирования импорта дешевого сырья; введение протекционистских пошлин на импорт промышленных товаров; поощрение экспорта, особенно готовой продукции как воплощающей в себе наибольшее количество труда; контроль численности населения путем гибкой миграционной политики, целью которой является поддержание низкого уровня заработной платы — и в завершение этого Стюарт приводил свое опровержение идеи Юма о том, что приток золота в страну в конечном счете лишь приводит к повышению цен, за которым вновь следует его отток за границу.

Если Стюарт и заслуживает внимания в наши дни, то лишь как «младший брат» Адама Смита, разделявший с ним широту охвата социологических и исторических вопросов, но не давший человечеству идей, сравнимых с теорией Смита о ценности и распределении, и, что еще важнее, бывший не в состоянии принять идею о непреднамеренных социальных последствиях действий отдельного человека.

Литература

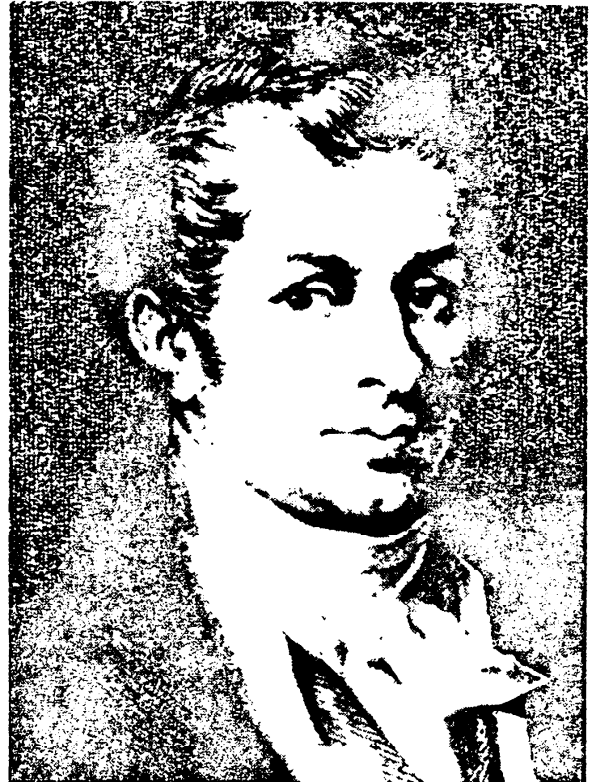
W. Stark, *Steuart, James Denham*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 15, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); A.S. Skinner, *Introduction*, J. Steuart, *Inquiry into the Principles of Political Economy* (Oliver & Boyd, 1976).

Сэй

Жан Батист

Say Jean Baptiste

(1776 — 1832)

Жана Батиста Сэя сегодня почти не читают, и тем не менее он известен как автор закона Сэя, трактовавшегося Кейнсом в его «Общей теории» (1936) как источник всех последующих рассуждений о том, что конкурентные рынки имеют автоматическую тенденцию к достижению полной занятости. Увы, Сэй не изобретал закон рынков Сэя. Он говорил в своем «Трактате о политической экономии» (*Treatise on Political Economy*, 1803), что «продукты всегда обмениваются на продукты», но именно Джеймс Милль в своей работе «В защиту торговли» (*Commerce Defended*, 1808) превратил это утверждение в тезис «предложение создает свой собственный спрос» и вывел из него некоторые следствия. Например, вывод о том, что затоваривание или торговые депрессии никогда не происходят из-за перепроизводства, или о том, что деньги играют второстепенную роль в объяснении феноменов обмена. После того, как Милль, — а вслед за ним и Рикардо, — продемонстрировали такой способ рассуждений, Сэй развил свои утверждения настолько, что они стали напоминать формулировку Милля. Кроме того, ни Сэй, ни Милль, ни Рикардо никогда не толковали закон Сэя так, как это делал Кейнс. Для них он, по сути, был аргументом против монетарных средств регулирования экономики и против страха, что экономика может войти в перманентное состояние

стагнации из-за абсолютного избытка товаров. Этот закон никогда не означал какое-либо отрицание того, что депрессии могут происходить и могут длиться по нескольку лет.

Поэтому репутация Сэя как первооткрывателя закона Сэя не оправдана. Аналогично, его имя иногда связывают с концепцией предпринимательства, в противоположность Адаму Смиту и Рикардо, которые всегда отождествляли роль капиталиста как собственника предприятия с фундаментально иной креативной ролью предпринимателя. Но внимательное чтение Сэя показывает, что он подчеркивал роль предпринимателя как координатора факторов производства и почти полностью отрицал более важную функцию, на которой уже давно делал акцент Кантильон*: функцию, состоящую в покупке ресурсов по определенной текущей цене для того, чтобы продавать по неопределенной будущей цене. Даже роль предпринимателя как инноватора, внедряющего новые продукты и процессы производства, которую Шумпетер* позднее сделал краеугольным камнем своей собственной теории предпринимательства, обнаруживается у Сэя только при ретроспективном взгляде. Таким образом, история еще раз оказалась очень добра к Сэю.

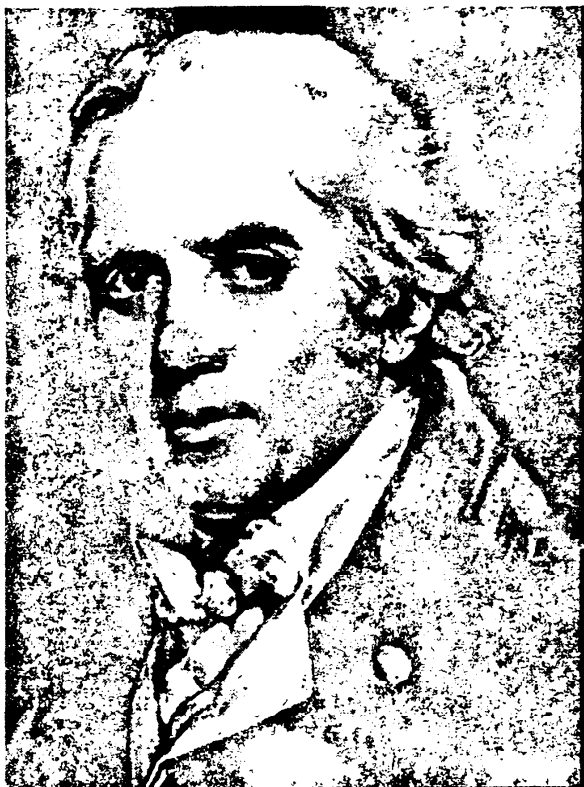
В конечном счете, во всех работах Сэя качество его теоретизирования уступает Смиту по историческому охвату, Рикардо по аналитической строгости и Мальтусу по проникательной критике. Его важность, особенно для французской экономической науки, заключалась в популяризации идей Адама Смита, в распространении английской классической политической экономии на Континенте и сохранении акцента на полезности и спросе в противоположность чрезмерному вниманию англичан к затратам и предложению.

Сэй родился в Лионе, в семье купца-протестанта, и впоследствии ему самому пришлось управлять хлопчатобумажной фабрикой на севере Франции. В молодости он работал на страховую компанию, затем редактировал журнал и, в конце концов, стал членом Трибуната при Консульском правительстве Наполеона. В 1815 году, после падения Наполеона, он стал читать первый публичный курс по политической экономии, что во Франции до этого никогда не делалось. Два года спустя он был назначен на должность профессора экономики промышленности в Консерватории искусств и ремесел, а в 1830 году стал главой первой во Франции

кафедры политической экономии в Коллеж де Франс, Париж. Много раз за свою жизнь он посещал Англию и был близким другом как Рикардо, так и Мальтуса, что, однако, не означало его полного согласия со всеми их доктринами.

Литература

G. Ledue, *Say, Jean Baptiste*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Торнтон

Генри

Thornton Henry

(1760 — 1815)

Работа Генри Торнтона «Исследование о природе и последствиях бумажного кредита в Великобритании» (*Inquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain*, 1802) представляет собой величайшее произведение XIX века по денежной теории, остававшееся непревзойденным до появления работ «Процент и цены» (*Interest and Prices*, 1898) Викселя и «Покупательная способность денег» (*Purchasing Power of Money*, 1911) Фишера. Не говоря уже о том, что он взялся за решение сложной проблемы теории денег той эпохи — вопроса о влиянии бумажных денег на цены при системе, которая запрещает свободный обмен кредитных денег и монет на золото, он ввел в монетарную теорию три оригинальных идеи. Первой из них является фундаментальное разграничение между номинальной и реальной ставками процента, т.е. между фактической рыночной ставкой процента и ставкой процента, скорректированной с учетом инфляции: если темп роста цен составляет 5% в год, то рыночная ставка процента, равная 10%, эквивалентна 5% дохода на вложенные деньги. Таким образом, инфляция имеет тенденцию автоматически увеличивать рыночную ставку процента. Вторая идея заключается в фундаментальном разграничении между рыночной и «естественной» ставками процента, т.е. между рыночной ставкой, по которой можно

занять деньги, и ожидаемой доходностью инвестиций. Последнее разграничение Торнтон использовал для опровержения доктрины реальных векселей, которой придерживался Адам Смит, — взгляда, согласно которому банки не могут вызвать инфляцию, если они ограничиваются кредитованием только тех проектов, которые автоматически самоликвидируются, например, продажей товаров в кредит со сроком погашения 30 дней, т.е. выражаясь языком банкиров, они должны принимать только «реальные» коммерческие векселя и избегать предоставления кредитов на инвестиции в основной капитал. Однако, когда ожидаемая естественная ставка процента превышает рыночную процентную ставку, возникает не насыщаемый спрос на кредиты, и даже банковское кредитование под залог товаров не может предотвратить инфляционный рост цен. Его третьей идеей было положение о том, что инфляция может увеличить выпуск и занятость даже в ситуациях полной занятости за счет непреднамеренных сбережений, т.е. того, что Торнтон обозначил как «присвоение чужого дохода»: инфляция порождает непреднамеренную экономию за счет получателей фиксированных доходов, финансируя таким образом дополнительные инвестиции.

Торнтон родился в 1760 г. в преуспевающей семье банкиров и в 24 года сам получил место в банке. Двумя годами ранее он выиграл выборы в парламент, членом которого он оставался до конца своей жизни. Вступив в брак, он породнился с Уильямом Уилберфорсом, лидером агитационной кампании против рабства, вокруг которого сформировалась группа, получившая известность под названием Клэпхемская секта — евангелическое движение в рамках Англиканской церкви, названное так из-за того, что многие из его участников, включая Торнтона, жили в лондонском пригороде Клэпхем. Торнтон всю свою жизнь был активным членом Клэпхемской секты, занимаясь устройством воскресных школ, отправкой в колонии миссионеров и перепечаткой Библии с целью выпуска в виде дешевых изданий.

Это была одна сторона его жизни. Другой стороной была работа в парламенте в качестве эксперта по проблемам денежного обращения и банковского дела. Он был членом нескольких парламентских комитетов, предоставлявших отчеты о состоянии денежного обращения, и участвовал в написании знаменитого Доклада о слитках 1810 г., определившего характер монетарной теории для

целого поколения. В своей книге он сделал попытку защитить Банк Англии от обвинения в том, что приостановка наличных платежей вызвала избыточный выпуск бумажных денег, что в эпоху наполеоновских войн стало причиной инфляции. Короче, он защищал Банк Англии от «монетаристских» нападок. Однако, ко времени работы в Комитете по ценным металлам его отношение к Банку Англии стало более критичным, и он был готов согласиться, что некоторое сокращение выпуска банкнот было бы желательным. Тем не менее, он никогда не заходил так далеко, как Рикардо, в возложении вины за инфляцию в течение военного времени на безответственную политику Банка Англии.

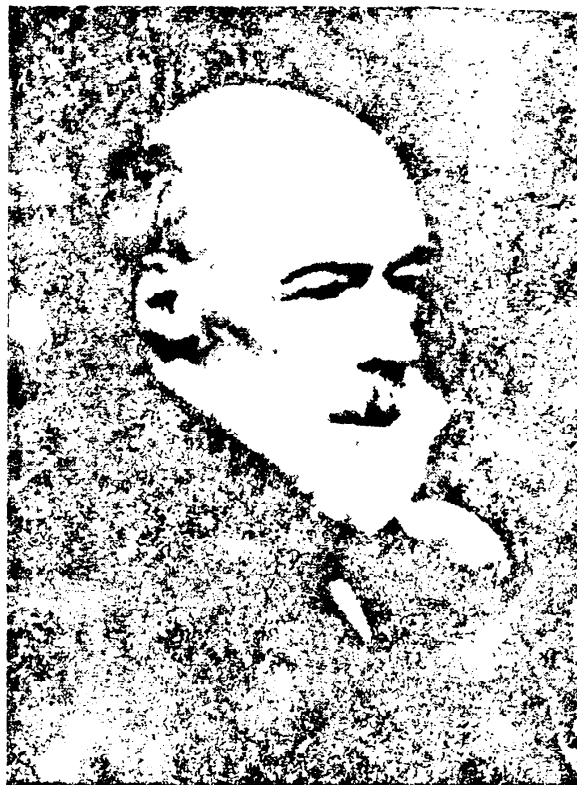
«Исследование» Торнтона было хорошо принято после его опубликования — даже Рикардо* воздержался от его открытой критики, а Джон Стюарт Милль* превозносил его в своих «Принципах политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848). Тем не менее, репутация книги в течение XIX столетия постепенно падала, возможно, из-за того, что ее значительная часть, посвященная институциональной структуре, устарела. Поэтому, когда на исходе столетия Виксель* снова ввел торнтоновское разграничение между рыночной и естественной ставками процента, он обратился за этой идеей к Рикардо, не подозревая, что более ясно она была выражена Торнтоном. Только в XX веке, в основном благодаря усилиям Джекоба Вайнера и Фридриха Хайека «Исследование» было заново открыто как кладезь, содержащий многое из того, что составляет лучшую часть современной монетарной теории.

Литература

T.W. Hutchison, *Thornton, Henry*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Торренс**Роберт***Torrens Robert*

(1780 — 1864)

Роберт Торренс принадлежит к числу тех малоизвестных, но в высшей степени оригинальных английских экономистов, пик творческой деятельности которых приходился на четверть века между смертью Рикардо в 1823 г. и публикацией влиятельной работы Джона Стюарта Милля «Принципы политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848). После завершения в молодом возрасте карьеры профессионального военного, он стал владельцем газеты, членом парламента, пропагандистом программ колонизации Австралии и неутомимым публицистом в области экономических проблем, написавшим почти 100 книг и памфлетов за 84 года своей жизни.

В своем «Очерке о внешней торговле зерном» (*Essay on the External Corn Trade*, 1815) он совершил открытие закона убывающей отдачи одновременно с Рикардо, Мальтусом и Эдуардом Вестом (1782–1828), но совершенно независимо от них. В нем также содержится открытие принципа сравнительного преимущества в международной торговле за два года до его подробного изложения Рикардо в своих «Принципах».

Единственный всеобъемлющий трактат Торренса по экономической теории «Очерк о производстве богатства» (*An Essay on the Production of Wealth*, 1821) был менее оригинален, но все же со-

держал убедительные рассуждения относительно ценности, ренты, прибыли и закона рынков Сея.

Одна из его более поздних приобретших дурную славу идей была изложена в серии писем, перепечатанной в виде книги «Бюджет» (*The Budget*, 1841–42), в которой он показал, что свободная торговля не обязательно является оптимальной для каждого индивида и каждой страны: отдельная страна может изменить условия торговли в свою пользу посредством пошлин на импорт; ошибочно думать, что, когда некоторые страны применяют пошлины, национальное или мировое благосостояние может увеличиваться в результате односторонней, а не взаимной отмены пошлин.

За это опровержение классической рикардианской доктрины свободной торговли Торренс подвергся яростным нападкам, однако его аргументация сохранилась и выжила до настоящего времени как гениальная оговорка в отношении теории, согласно которой свободная торговля представляет собой наилучшую программу действий для каждой страны.

Однако если где-то Торренсу и удалось утвердить свою репутацию, так это в сфере банковского дела. Он был лидером валютной школы, представители которой утверждали, что главной обязанностью Банка Англии в качестве центрального банка является поддержание достаточных резервов золотых слитков с целью сохранения стабильности денежной системы, основу которой в то время составляли монеты, бумажные банкноты и банковские чеки. Согласно ее основному тезису — «валютному принципу», — необходимо обеспечить, чтобы колебания составной валюты были бы такими же, как и колебания металлической валюты, т.е. в соответствии с притоком и оттоком слитков за границу. Способ, который бы это обеспечил, сводился к эмиссии бумажных банкнот строго пропорционально количеству золота в банковской системе.

Закон о банковской лицензии 1844 г., разделивший эмиссионный и банковский департаменты Банка Англии, был законодательным выражением доктрины валютной школы. Торренс написал классическое обоснование этого закона — «Принципы практического использования закона сэра Роберта Пила 1844 г.» (*The Principles of Practical Operation of Sir Robert Peel's Bill of 1844*, 1848).

Литература

L. Robbins, *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* (Macmillan, 1958); B. Corry, *Torrens, Robert*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Тук
Томас
Tooke Thomas
(1774 — 1858)

Томас Тук является основателем антиколичественной теории денег, т.е. он первым выразил взгляд, согласно которому кредитно-денежная политика бессильна во влиянии на цены, т.к. предложение денег зависит от потока денежных расходов и, следовательно, является результатом, а не причиной изменений цен. Не то, чтобы он разработал что-либо похожее на строгую и последовательную аргументацию против количественной теории денег, но все же он предоставил материал, необходимый для такой аргументации, в своих комментариях по поводу исходных данных о ценах, сбору которых он посвятил всю свою жизнь. Его «История цен и денежного обращения» (*History of Prices and the State of Circulation*) впервые была опубликована в виде двухтомного издания в 1838 г., и охватывала период с 1793 по 1837 гг., а впоследствии, в 1857 г., вместе с Уильямом Ньюмарком (1820–82) он ее продолжил, в результате чего она была превращена в массивный шеститомный труд, охватывающий полувековой период с 1793 по 1856 гг.

Хотя понятие индексов уже было изобретено, Тук и Ньюмарк, по существу, не пытались обобщить свои данные в терминах индексов. Тем не менее, их книга вдохновила Джевонса* в начале 1860-х гг. на построение первого индекса ценовых рядов.

Работа Тука по истории цен была неотъемлемой частью его безжалостной критики «валютного принципа», согласно которому предполагалось обеспечить точное совпадение колебания количества банкнот Банка Англии, являющихся частью составной золотобумажной валюты, гипотетическим колебаниям количества металлических денег, так чтобы они автоматически реагировали на приток и отток золота. Он был принципиальным сторонником банковской школы, представители которой отрицали какую-либо необходимость в установленном законом регулировании денежного обращения до тех пор, пока банкноты свободно обмениваются на золото, поскольку то, что называлось «потребностями торговли», обеспечивало автоматический контроль за количеством выпускаемых банкнот, не говоря уже о существовании заменителей банкнот в виде банковских депозитов и других форм кредита.

В двух больших памфлетах «Исследование о валютном принципе» (*An Inquiry into the Currency Principle*, 1844) и «Соображения по поводу Закона о банковской лицензии 1844 г.» (*On Banking Charter Act of 1844*, 1856) он выступает против знаменитого Закона о банках 1844 г., который должен был воплотить валютный принцип. Первый памфлет был опубликован непосредственно перед принятием этого закона, а второй — после того, как его действие было дважды приостановлено ради предотвращения банкротства некоторых банков.

Тук родился в России в 1774 г., его отец был священником англиканской церкви. В России и в Англии он получил домашнее образование, а в возрасте около тридцати лет стал заниматься коммерцией, войдя в качестве партнера в фирму, занимавшуюся торговлей с Россией. Свою деятельность на этом поприще он продолжал до своего ухода в 1836 г. В 1820-х гг., задолго до того, как он стал заниматься историей цен и критиковать господствующую банковскую политику, он приобрел известность как выразитель интересов деловых кругов, стремящихся к снятию торговых барьеров. Он был автором Петиции лондонских купцов в Палату общин, составленной в 1820 г., — одного из первых в Великобритании публичных выражений широкой политической поддержки свободной торговли. В следующем году он вместе с Рикардо*, Мальтусом*, Мак-Куллохом* и Торренсом* основал Клуб политической экономии и был активным членом Клуба до своей смерти в 1858 г.

Помепамыпа

T.E. Gregory, *An Introductory to Tooke and Newmarch's A History of Prices* (London School of Economics, 1828), F.W. Fetter, *Tooke, Thomas*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Тюнен**Иоганн Генрих фон***Thünen Johann**Heinrich von*

(1783 — 1850)

Тюнен — это два, а может быть даже три экономиста в одном: для экономистов-географов он является «отцом» теории размещения экономической деятельности — той отрасли экономической науки, которая изучает роль расстояния и территории в экономической жизни; для экономистов-теоретиков он — один из независимых первооткрывателей так называемой «теории распределения на основе предельной производительности», а для экономистов-математиков и эконометристов — крупный новатор в использовании вычислений для нахождения решений проблем максимизации, многие из которых он впоследствии проверил, используя данные, собранные им в его собственном сельскохозяйственном имении.

Кроме того, он представляет собой один из лучших примеров непризнанного гения в истории экономической мысли. Было много причин, по которым он был пророком без славы в любой стране, и особенно у себя на родине, в Германии. Во-первых, он был либералом и сторонником свободной торговли в ту эпоху, когда либерализм в Германии был предан анафеме. Во-вторых, он был «чистым» теоретиком, превозносившим ньютоновские методы равновесия в анализе социальных вопросов в то время, когда в Германии доминировал антитеоретический уклон исторической школы.

Наконец, он не имел академического статуса и даже университетского диплома. К этим трем причинам мы можем добавить еще три. Его грандиозный шедевр «Изолированное государство» (*The Isolated State*) издавался в виде трех томов и пяти очередных выпусков в течение тридцатисемилетнего периода (т. 1 вышел в 1819 г., его переработанное издание вышло в 1826 и 1842 гг.; часть I т. 2 вышла в 1850 г.; часть II т. 3 вышла в 1863 г.), так что его конечное влияние было сильно отсрочено. Он использовал алгебру и дифференциальное исчисление задолго до того, как математические умозаключения стали приемлемым способом выражения в общественных науках. Наконец, писал он неясно и туманно, постоянно возвращаясь назад и забегая вперед при изложении различных ключевых вопросов, как правило, без предуведомления и объяснения. Даже в науке, настолько известной своими плохо написанными великими книгами, как экономическая теория (например, «Принципы» Рикардо, «Капитал» Маркса, «Элементы» Вальраса и «Общая теория» Кейнса), «Изолированное государство» выделяется, как бесформенный монстр, — не книга, а скорее набор заметок, комментариев, арифметических примеров и математических формул, в которых главные линии рассуждения можно уловить только ретроспективно.

И все же, если использовать эту ретроспекцию, какое чудо эта книга! У многих экономистов XVIII века, включая Кантильона* и Адама Смита*, было что сказать об экономических эффектах размещения в пространстве, но только Тюнел имел достаточную проницательность, чтобы постулировать абстрактную пространственную модель, которая через саму свою структуру выявляет роль расстояния и территории. На первой странице своего «Изолированного государства» Тюнел приглашает нас рассмотреть «идеальное», или «изолированное», или же закрытое государство, — безликую равнину, лишенную дорог или судоходных рек, где единственным транспортным средством являются лошадиные повозки, в центре которой располагается единственный город, производящий промышленные товары и получающий от фермеров с окружающей территории все сельскохозяйственные продукты, — и просит нас поразмышлять над тем, чем в этих обстоятельствах будут определяться цены, получаемые фермерами за их товары, рента за использование различных участков земли и соответствующие схемы использования земли, связанные с этими ценами и

рентой. Своей кульминации эти рассуждения достигают в демонстрации того, что схема использования земли и даже интенсивность, с которой будут культивироваться различные культуры, принимает форму серии концентрических колец, простирающихся вокруг центрального города до самого края изолированного государства. Эта идея закрытой экономики на идеализированном пространстве была радикально новой, что делает совершенно оправданным притязание Тюненна на звание «отца» теории размещения экономической деятельности.

Все это составляет содержание первого тома «Изолированного государства». Только во втором томе Тюнен ставит вопрос о функциональном распределении дохода в соответствии с принципом предельной производительности. Основывая весь анализ на своих собственных эмпирических оценках производственных взаимосвязей в сельском хозяйстве, он предложил чрезвычайно современное изложение теории распределения на основе предельной производительности, в буквальном смысле на 60 лет опередив свое время!

К сожалению, он пришел к убеждению, что в нормальных условиях в капиталистической экономике отсутствие свободной земли должно удерживать заработную плату на низком уровне, и поэтому он начал с анализа экономики участия в прибылях, состоящей из производственных кооперативов, в которых заработная плата, как он утверждал, была бы «естественной заработной платой», превышающей заработную плату, формируемую в режиме частной собственности на капитал. Его формула для этой «естественной» заработной платы, \sqrt{ap} — геометрическое среднее между ставкой заработной платы на уровне минимума средств существования и средним продуктом рабочей семьи, — все время неправильно понималась и высмеивалась, создавая таким образом дополнительную причину пренебрегать его вкладом. И все же, позднее некоторые экономисты превозносили его: Джон Бейтс Кларк* и Виксель* отдали должное его открытию принципа предельной производительности, а Маршалл* выше всего оценил тюненовскую теорию размещения, процента и ренты, что в его случае особенно примечательно, поскольку он вообще не был склонен признавать влияние на себя со стороны других. Тюнен* и Курно*, по существу, единственные экономисты, в отношении которых Маршалл говорил о своей прямой зависимости.

Тюнен родился в 1783 г. на побережье Северного моря в Восточной Германии. Он учился в смешанной школе, оставив ее в 16 лет для обучения на ферме и возобновив учебу в 19 лет, когда начал изучать агрономию в агрономическом колледже. В этом колледже в возрасте 20 лет он написал статью, в которой был представлен набросок его концепции «изолированного» государства — идеи, позднее ставшей краеугольным камнем его главного труда. Не закончив курс обучения, он оставил колледж и стал участником семинара, проводимого Альбрехтом Таером, чей труд «Введение в науку английского сельского хозяйства» (*Introduction to a Knowledge of English Agriculture*, 1798) вызвал к жизни движение за реформу сельского хозяйства в Германии, излагая аргументы в поддержку принципов экстенсивного сельского хозяйства и введения английской системы севооборота. Тюнен стал преданным учеником Таера, намереваясь опробовать его идеи на своей собственной ферме. Отучившись два семестра в Геттингенском университете, он женился, арендовал ферму у своего шурина и начал поиски подходящего имения для покупки. В 1810 г., через несколько дней после своего двадцатисемилетия, он купил крупное поместье к юго-востоку от Ростока (Восточная Германия).

Период времени с 1810 по 1815 гг. он провел, занимаясь, в основном, разработкой базовой системы счетов для своего имения. Вслед за этим первоначальным периодом последовали еще четыре года детальных вычислений, после которых в 1819 г. был быстро написан первый набросок «Изолированного государства» (как раз в то время, когда Рикардо, которого Тюнен в это время еще не читал, работал над вторым изданием своих «Принципов»). В 1824 г. он переработал свой набросок, и только в 1826 г. опубликовал его, с тем чтобы еще раз его переработать для второго издания в 1842 г. Первый том «Изолированного государства» содержал законченный вариант теории ренты и размещения экономической деятельности. Его теория естественной заработной платы была опубликована только в 1850 г. в виде первой части второго тома его труда, вышедшей вскоре после его смерти в возрасте 67 лет. Вторая часть этого второго тома вместе с третьим томом была опубликована посмертно в 1863 г. Эти части до сих пор не переведены на английский язык.

В последние годы своей жизни Тюнен снова стал интересоваться общественными вопросами. Он ввел схему участия в при-

былях для своих арендаторов в поместье, и ему было предложено баллотироваться в либеральную Национальную ассамблею во Франкфурте на Майне — так называемый «профессорский парламент». Он отказался, сославшись на плохое здоровье, и вместо него были избраны два его сына. Он умер в 1850 г. и был похоронен на деревенском церковном кладбище рядом со своим поместьем. На его надгробном камне, в соответствии с его указаниями, выгравирована мистическая формула естественной заработной платы:

$$A = \sqrt{ap}.$$

Литература

P. Hall, *Introduction, Von Thünen's Isolated State* (Pergamon, 1966); A.H. Leigh, *Thünen, Johann Heinrich von*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Тюрго
Анн Роберт Жак
Turgot Anne
Robert Jacques
(1727 — 1781)

Жак Тюрго был лидером физиократов, экономистом-теоретиком, чьи «Размышления о создании и распределении богатства» (*Reflections on the Formation and Distribution of Riches*, 1770) оказали большое влияние на Адама Смита. Кроме того, он представляет собой один из ярких примеров экономиста, определяющего политический курс. При Людовике XV он в течение тринадцати лет (1761–74) был генеральным управляющим округа Лимож. Когда в 1774 г. трон был занят Людовиком XVI, Тюрго получил ключевой пост министра финансов, торговли и общественных работ. Одним из его первых актов было снятие всех ограничений на внутреннюю торговлю зерном во Франции. Затем он перевел известную практику *corvée* (строительство и содержание дорог за счет принудительного труда) в денежные выплаты, распустил все средневековые цеха и установил строгую экономию в отношении государственных расходов.

Эти меры вскоре стали раздражать короля, который уволил Тюрго в 1776 г. и отменил все его указы. Когда в 1789 г. разразилась Французская революция, некоторые восприняли отставку Тюрго за тринадцать лет до этого события как первый конкретный признак общей неспособности монархии проводить реформы, которые бы предотвратили революцию.

«Размышления» представляют собой замечательную книгу, не только содержащую элементы структуры, по которой впоследствии была построена книга Адама Смита «Богатство народов», в частности, концепцию разделения труда, разграничение между рыночной и естественной равновесной ценой товаров и подчеркивание роли объема реальных сбережений как главного фактора темпов роста экономики, но и представляющую собой шаг вперед по сравнению с Адамом Смитом в анализе связи между прибылью и ставкой процента и ясной формулировке закона убывающей отдачи в сельском хозяйстве. Тюрго даже еще более горячо, чем Смит, отстаивал точку зрения, что минимум государственного вмешательства в экономическую жизнь есть наилучшая политика для государства, и, не пользуясь замечательной аналогией Смита с «невидимой рукой», не оставлял никаких сомнений в том, что можно полагаться на рыночные силы в плане автоматического приведения экономики в равновесное состояние. Однако нельзя сказать, что, не пояись Смит, Тюрго обеспечил бы более поздних экономистов всеми составляющими смитианского наследия. Труд Тюрго лишен композиционных достоинств и грандиозного исторического размаха книги Смита, богатства иллюстраций и примеров и эффективной критики государственной политики. Справедливости ради следует сказать, что стиль его рассуждений гораздо больше похож на стиль Рикардо, чем Адама Смита, что стало одной из причин, по которой современные комментаторы (такие как Шумпетер*) ставили его выше последнего.

Литература

W. Stark, *Turgot, Anne Robert Jacques*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); P.D. Groenewegen, *The Economics of A.R.J. Turgot* (Martinus Nijhoff, 1977).

Уикстид
Филип Генри
Wicksteed Philip
Henry
(1844 — 1927)

Если согласиться, что у Джевонса были последователи, то первым из них следует признать Филипа Уикстида. Он родился в Лидсе в 1844 г., получил классическое и богословское образование в лондонском Университи-колледже и манчестерском Новом колледже. Последовав по стопам отца, он стал священником унитарийской церкви. Будучи специалистом в области литературы и философии, он перевел «Физику» Аристотеля и «Божественную комедию» Данте. К экономике он обратился довольно поздно под влиянием кампании, развернутой в 1879 г. Генри Джорджем. Джевонса уже не было в живых, когда в 1882 г. Уикстид прочитал его труд «Теория политической экономии» (*Theory of Political Economy*, 1871). Спустя два года он стал первым английским экономистом, критиковавшим марксистскую экономику с позиций предельной полезности. Бернард Шоу ответил ему, но после встречной реплики Уикстида изменил свои взгляды и объявил себя «убежденным джевонсианцем». Однако, несмотря на критику марксизма, в течение всей жизни Уикстид сохранял симпатию к социалистическим идеалам, хотя и скептически относился к теориям социалистов. Кроме того, Уикстид, подобно многим экономистам XIX века, так и не смог отказаться от веры в национализацию земли.

Его первой публикацией была работа «Алфавит экономической науки» (*The Alphabet of Economic Science*, 1888), краткий учебник новой экономики, который внес большой вклад в популяризацию прилагательного «маржинальный» (предельный) и термина «маржинальный (предельный) анализ». Но только работа «Очерк о координации законов распределения» (*An Essay on the Coordination of the Laws of Distribution*, 1894) принесла ему признание среди профессиональных экономистов. Законы распределения в классической экономике состояли из совершенно отдельных и довольно разнящихся между собой объяснений доходов каждого из трех основных классов — крупных землевладельцев, капиталистов и рабочих — основанных на особых свойствах принадлежащих им факторов производства. Новая экономика стремилась найти согласованное объяснение вклада всех факторов с точки зрения прироста выпуска продукции, который обеспечивается маржинальной (предельной) единицей каждого из факторов. Эта теория предельной производительности уже появлялась в трудах большого числа экономистов в конце 1880-х и начале 1890-х гг., особенно в трудах Эджуорта*, Джона Бейтса Кларка* и Маршалла*, но, тем не менее, оставалась полной загадок. Теория дифференциальной ренты, предложенная Рикардо, оказалась разновидностью теории предельной производительности, в которой переменные единицы составных «порций» капитала и труда применялись к фиксированному количеству земли, а рента образовывалась как остаток, который начислялся интрамаржинальным (не предельным) землевладельцам. Но если теперь мы применим переменные единицы земли к фиксированному количеству капитала и труда, получится ли рента как предельный продукт земли такой же, как и интрамаржинальная рента в работе Рикардо, оставляя процент и заработные платы в качестве остатка?

Разумеется, Уикстид ответил на этот вопрос утвердительно: рикардиянская теория представляет собой просто частный случай более общей теории предельной производительности. В то же время он поставил другой вопрос, который в течение десяти лет или более будоражил теорию предельной производительности: если каждый из факторов производства получает вознаграждение в соответствии с ценностью своего предельного продукта, будет ли сумма этих вознаграждений по предельной производительности в точности равна рыночной цене продукции, не оставляя никакого остат-

ка? И снова Уикстид отвечает утвердительно и пытается продемонстрировать, что только совершенная конкуренция может гарантировать выполнение теоремы о цене продукта как результате суммирования или исчерпания предельных продуктов факторов. Он пришел к выводу, что совершенная конкуренция совместима только с постоянными затратами или постоянной отдачей от масштаба, при которых изменение количеств факторов всегда приводит к одинаковым изменениям в объеме выпуска, и в этом случае действительно справедливо, что общий продукт будет совершенно исчерпан вознаграждениями факторов в соответствии с предельной производительностью. Но ему так и не удалось точно выразить эту идею: он даже не заметил, что постоянная отдача от масштаба подразумевает, что лежащая в основе производственная функция, по определению математиков, является «однородной первой степени». Известную математическую теорему, а именно теорему однородных функций Эйлера, можно использовать для простого, но изящного доказательства теоремы о сложении. Но не Уикстид, а рецензент его книги А.У. Флюкс (1867–1942) заметил эту связь и привел доказательство. Сам Уикстид фактически изъясил теорему о сложении в более поздних трудах в ответ на критику, которая была столь же запутанной, как и его собственное изложение теоремы. Потребовались годы, чтобы выявить все неправильные толкования, которые накопились к тому времени.

Наиболее долго сохраняющим актуальность вкладом Уикстида стала его прекрасная и красноречиво написанная работа «Здравый смысл политической экономии» (*Common Sense of Political Economy*, 1910), которая была еще одной попыткой создания учебника, но на этот раз уже в крупном масштабе. Отчасти книга была попыткой продемонстрировать, что экономика есть нечто более значительное, чем просто научная дисциплина: это теория рационального выбора во всех областях жизнедеятельности человека или то, что современные австрийские экономисты называют «праксеологией». Работа «Здравый смысл политической экономии» также содержит целый ряд уникальных особенностей, таких как обширное применение концепции альтернативных затрат, в соответствии с которой стоимость любого товара равна ценности того, чем приходится жертвовать ради приобретения этого товара, и именно поэтому Уикстид настаивал, что рассмотрение затрат производства как отдельного элемента детерминации цены

в дополнение к спросу вводит в заблуждение: кривые предложения на самом деле являются «обратными кривыми спроса». По этим и ряду других причин книга Уикстида по духу ближе к Менгеру и другим представителям австрийской школы, чем к Маршаллу и Кембриджской школе.

Литература

W.D. Grampp, *Wicksteed, Philip Henry*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Уэйкфилд
Эдуард Гиббон
Wakefield Edward
Gibbon
(1796 — 1862)

Неотъемлемой составляющей доктрин, относящихся к рикардианской экономической теории, было положение, согласно которому предложение капитала, в отличие от предложения труда, никогда не может быть избыточным, поскольку из-за отмены хлебных законов и связанного с этим свободного импорта пшеницы появились неограниченные возможности для прибыльного вложения капитала. Закон рынков Сэя вселял уверенность, что, каковы бы ни были временные трудности, предложение неизменно создает себе спрос. Резкая критика Мальтусом закона Сэя не нанесла серьезного вреда этой вере в способность экономической системы создавать полную занятость труда и полное использование капитального запаса без вмешательства государства. В начале слабость этого положения была более очевидна в отношении труда, чем капитала. Мальтузианская теория народонаселения предполагала, что большое количество труда является излишним, и попытки уменьшить нищету и повысить заработную плату за счет эмиграции уже набирали силу при жизни самого Мальтуса. Даже до смерти Мальтуса в 1834 г., яркий памфлет Уэйкфилда «Письмо из Сиднея, главного города Австралазии» (*A Letter from Sidney, the Principal Town of Australasia*, 1829), фактически написанный в лондонской тюрьме, но подразумевающий в качестве своего авто-

ра английского эмигранта в Австралии, дал новый толчок этим дебатам благодаря содержащемуся в нем предположению, что «систематическая колонизация» могла бы быть ответом на чрезмерное предложение в Британии как труда, так и капитала. Этой и другими своими работами Уэйкфилд вызвал ожесточенные споры, в ходе которых такие стойкие приверженцы противоположной позиции как Торренс* и Джон Стюарт Милль* пришли к убеждению в том, что капитал в Британии действительно становится избыточным и что колонии могут быть использованы для поглощения излишков капитала. В своих «Принципах политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1848) Милль по-прежнему отстаивал закон Сэя, но с той новой осторожностью, которая отражала влияние трудов Уэйкфилда.

Система колонизации Уэйкфилда привела к отказу от более старого взгляда, согласно которому земля должна бесплатно предоставляться эмигрантам в новых странах, а эмигрировать следует только неквалифицированным рабочим или квалифицированным работникам, уволенным в результате технического прогресса. Как утверждал Уэйкфилд, если земля будет предоставляться бесплатно, результатом этого будет возникновение небольших фермерских хозяйств в изолированных поселениях и невозможность появления наемного труда и, следовательно, невозможность развития промышленного производства (как торжествовал Маркс по поводу этого признания Уэйкфилда!). Для исправления этой ситуации Уэйкфилд предложил, чтобы земля на новых территориях продавалась по «достаточной цене» для ограничения доступа к ней, а поступления от продажи земли использовались для финансирования последующей эмиграции добровольных поселенцев с надлежащим распределением по половому, возрастному и квалификационному признаку. Когда колониальное население достигнет величины в 50 000 человек, колонии должна быть предоставлена возможность сформировать собственное правительство. Эти предложения разъяснялись и отстаивались так ярко и красноречиво, что в скором времени они склонили общественное мнение всей Великобритании в сторону более положительного отношения к колонизации Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Уэйкфилд родился в Лондоне и посещал школу попеременно то в Лондоне, то в Эдинбурге. После смерти своей первой жены, он обманным путем устроил свой брак с ее наследницей — де-

вочкой школьного возраста. Брак был признан недействительным, и Уэйкфилд был отправлен в печально известную Ньюгейтскую долговую тюрьму в Лондоне. Его вынужденное бездействие вызвало на свет не только «Письмо из Сиднея», но также и «Факты, связанные с применением смертной казни в метрополии» (*Facts Relating to the Punishment of Death in Metropolis*, 1831), бентамианский трактат по криминологии, в котором был изложен ныне широко обсуждаемый принцип, согласно которому преступников удерживает от преступлений не суровость наказания, а неотвратимость ареста. Короче говоря, не существует дешевого способа предотвратить преступления. В 1834 г., три года спустя после выхода на свободу, Уэйкфилд организовал Ассоциацию Южной Австралии и сумел в течение года убедить парламент дать согласие на создание колонии в Южной Австралии в соответствии с изложенным им планом. В 1838 г. он консультировал Лорда Дарема относительно своего знаменитого «Отчета о делах Британской Северной Америки» (*Report on the Affairs of British North America*), который установил курс Канады на создание собственного правительства. В 1840-х гг. он сыграл схожую роль в колонизации Новой Зеландии и впоследствии выступал в качестве советника правительства новой колонии. Умер он в 1862 г. после продолжительной болезни.

Литература

D. Winch, *Classical Political Economy and Colonies* (Harvard University Press, 1965); R. Lekachman, *Wakefield, Gibbon*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 16, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Феттер**Альберт***Fetter Frank Albert*

(1863 — 1949)

Фрэнк Альберт Феттер был ведущим представителем «австрийской» точки зрения в экономической теории в Соединенных Штатах. Это не значит, что он безропотно одобрял все идеи австрийских экономистов, — напротив, он являлся безжалостным критиком теории процента Бем-Баверка*, — но он последовательно старался применять субъективистский подход ко всем экономическим проблемам, выводя каждый аспект процесса ценообразования из предпочтений потребителей.

Родившись в 1863 г. в Индиане в сельской местности, он закончил Университет Индианы в 1891 г., за чем последовала степень магистра Корнелльского университета в 1892 г. Повторяя путь Джона Бейтса Кларка*, Эли* и немалого числа других американских экономистов того времени, он уехал продолжать учебу за границу, получив докторскую степень в Университете Халле в Германии в 1894 г. Вернувшись в Америку, он успешно преподавал в Индиане (1895–98 гг.), Стэнфорде (1898–1901 гг.), Корнелле (1901–11 гг.) и, наконец, в Принстоне (1911–33 гг.). Он исполнял обязанности президента Американской экономической ассоциации (1912 г.) и получил от Австрийского экономического общества медаль Карла Менгера (1927 г.). Феттер дожил до 86-лет, последняя его статья появилась за несколько месяцев до его смерти в 1949 г.

Хотя он опубликовал два трактата: «Принципы экономической науки» (*The Principles of Economics*, 1904) и «Экономические проблемы» (*Economic Problems*, 1915), а также получившую широкую аудиторию книгу о борьбе с трестами (*trust-busting*), «Маскарад монополии» (*Masquerade of Monopoly*, 1931), его основной вклад проявился в длинной серии журнальных статей, посвященных проценту и ренте, выходивших на протяжении более тридцати лет — с 1900 по 1937 год. В своей теории процента Феттер делал исключительный акцент на положительном временном предпочтении или, по его терминологии, «временной оценке», как единственной причине выплаты процента, и неустанно критиковал все, что расценивал как сползание к теории, связывавшей процент с производительностью. Бем-Баверк действительно пытался убить двух зайцев с помощью предложенных им трех причин процента. Фишер* в работе «Ставка процента» (*The Rate of Interest*, 1907) утверждал в терминах общего равновесия, что процентная ставка детерминируется одновременно бережливостью и производительностью, то есть комбинацией трех причин Бем-Баверка, так что две первые объясняют предложение капитала, а последняя — спрос на капитал. Но Феттера подобные рассуждения не устраивали: снова и снова он настаивал, что факт физической производительности капитала не может служить объяснением процентной ставки как премии за текущие блага или скидки за будущие блага; физическая производительность лишь позволяет обеспечить в будущем больше благ, чем доступно сегодня, при том же объеме ресурсов, но при нулевых временных предпочтениях — т.е. при том допущении, что нам действительно безразличен срок, когда блага станут доступны, — физическая производительность сама по себе не могла бы создать премию на текущие блага. Справедливо, но отсюда не следует обратное: при отсутствии физической производительности капитала временные предпочтения сами по себе не смогли бы создать положительную ставку процента.

Несмотря на то, что Феттер раз тридцать воспроизвел в различных статьях свой взгляд на процент с точки зрения временных оценок, он так и не преуспел в том, чтобы убедить остальных экономистов в своей правоте. Дискуссия о проценте была закрыта, когда Фишер выпустил пересмотренный и дополненный вариант своей более ранней работы «Ставка процента» под заглавием «Теория процента» (*The Theory of Interest*, 1930), где процентная став-

ка была представлена как результат взаимодействия между «принципом готовности» и «принципом инвестиционной возможности». Фишер удовлетворительно показал, что отдельные люди, получая доходы, стремятся последовательно варьировать доступные им в различные промежутки времени суммы дохода, остающиеся на потребление, посредством сбережений и заимствований; возникающая таким образом цена, которая платится за доход сейчас, а не за доход в более поздний срок, и есть ставка процента; она обычно является положительной, но это только потому, что размер заимствования по обыкновению превышает размер сбережения.

В тех случаях, когда Феттер не нападал на Бем-Баверка и Фишера, он критиковал Маршалла*, чьи «Принципы экономической науки» (1890), как ему казалось, воспроизводили худшее из устаревшего теоретического багажа экономистов классической школы. В особенности его не устраивало почтительное отношение Маршалла к мнению Рикардо о том, что рента является исключительным доходом с земли как невоспроизводимого фактора, предложение которого является постоянным. Во-первых, он не соглашался, что в земле как факторе производства имеется нечто особенное; а во-вторых, настаивал (совместно с Джоном Бейтсом Кларком* и Филипом Уикстидом*, что понятие ренты как интрамаргинального (*intramarginal*) избытка, выпадающего на долю фиксированного фактора производства, полностью применимо к любому фактору: рента, говорил он, есть сумма, выплачиваемая за изолированное применение любого допускающего длительное пользование ресурса, доверенного собственником заемщику на некоторый период времени. Из рикардианской теории ренты, продолжал он, неизбежно следует рикардианское заключение, что рента определяется ценой, а не определяет цену, а это, в свою очередь, означает, что в долгосрочном плане цена определяется «реальными издержками» производства. Но, как настоящий «австриец», Феттер отвергал все и всяческие теории реальных издержек, настаивая вслед за Визером* что издержки производства являются просто упущенными альтернативными возможностями и, следовательно, зависят от общей структуры спроса на потребительские товары.

Хотя критика Феттером противоречивых теорий ренты, обнаруженных в «Принципах» Маршалла, попала в цель, следует признать, что он не смог оценить постоянное внимание Маршалла к динамическим силам, управляющим ростом населения и накоп-

лением капитала, которое в значительной мере объясняет странное смещение сравнительной статики и экономической динамики в «Принципах экономической науки». И в этом Феттер тоже проявил себя истинным наследником австрийской традиции, которая неизменно исходила из аксиомы о фиксированном предложении труда и капитала, а весь анализ сводила к исследованию вопроса об эффективности, с которой эти фиксированные факторы производства распределяются между альтернативными направлениями использования.

Литература

M.N. Rothbard, *Introduction to F.A. Fetter*, Capital, Interest, and Rate. Essays in the Theory of Distribution (Sheed Andrews & McMeel, 1971).

Фишер**Ирвинг***Fisher Irving*

(1867 — 1947)

Ирвинг Фишер был одним из величайших и, несомненно, одним из ярчайших американских экономистов, которые когда-либо существовали. Это был писатель и педагог поразительного кругозора и энергии, чьи работы выделяются необыкновенной ясностью изложения, при которой все тонкости обычно откладываются до того момента, пока не будут выведены, с использованием вербальных, алгебраических и геометрических средств, основные принципы. Вдобавок эти работы охватывают полный спектр от математической экономики до математической статистики, от теории ценности и цен до теории капитала и процента. Привычное сегодня различие между запасами и потоками почти полностью обязано своим возникновением его шедевр «Природа капитала и дохода» (*The Nature of Capital and Income*, 1906). Современная теория реальной процентной ставки вытекает из его «Теории процента» (*Theory of Interest*, 1930), пересмотренной версии более ранней книги Фишера «Ставка процента» (*The Rate of Interest*, 1907). Его знаменитый «идеальный индекс» цен — геометрическая средняя двух индексов, в которых в качестве весов при ценах используются показатели выпуска в течение базового года и на конец года, — был обоснован в «Составлении индексных показателей» (*The Making of Index Numbers*, 1922).² Наконец, «Покупательная сила

денег» (*The Purchasing Power of Money*, 1911) обрядила старую количественную теорию денег в новые одежды. Читая сегодня эти книги, надо постоянно помнить о времени, когда они были опубликованы, поскольку они читаются так, как если бы были написаны совсем недавно, и не требуют почти никакой редакции, чтобы соответствовать более поздним теоретическим достижениям.

Ирвинг Фишер родился в зажиточной части Нью-Йорка в 1867 г. и получил степень бакалавра по математике в Йельском университете в 1898 г., за которой последовала докторская степень по экономике в 1901 г. Три года он преподавал в Йеле математику и переместился на факультет экономики в 1895 г., когда приобрел международную известность в качестве автора поразительной по оригинальности докторской диссертации «Математические исследования теории ценности и цен» (*Mathematical Investigations in the Theory of Value and Prices*, 1892), которая содержала, среди всего прочего, проект машины для иллюстрации общего равновесия в экономике, состоящей из многих рынков. Фишер оставался в Йеле до выхода на пенсию в 1935 г. Он был директором фонда Remington Rand (сейчас — Rand Corporation), основателем и президентом Ассоциации исследований по евгенике, Лиги за денежную стабильность и Эконометрического общества, Американской статистической ассоциации и буквально десятков других компаний и агентств.

Целью «Природы капитала и дохода» являлось теоретическое обоснование бухгалтерской науки, как на уровне отдельного предприятия, так и для всей экономики в целом. Фишер определил «капитал» как любой запас (земля, машины, здания, сырье, природные ресурсы, профессиональные навыки), генерирующий поток услуг во времени, а «доход» — как превышение данного потока услуг над объемом, необходимым для поддержания и возмещения этого запаса. Связь между капиталом и доходом выражена в процентной ставке, поскольку ценность капитала есть не что иное, как сегодняшняя ценность потока дохода, который капитал принесет в будущем, т.е. сумма будущих доходов, дисконтированная с учетом текущей ставки процента. Не капитал сообщает ценность доходу, а доход сообщает ценность капиталу, ибо экономическая деятельность по сути своей устремлена к будущему. Отсюда следует, что капитал, строго говоря, является единственным факто-

ром производства, что весь распределяемый доход состоит из процента, так что и заработная плата оказывается лишь процентом на человеческий капитал, и что национальный доход целиком состоит из расходов на потребление. Очевидно, что система национальных счетов в ее современном виде отвергает сознательное игнорирование, в традиции Фишера, инвестиций при измерении национального дохода. Но практически все остальные элементы этой самой блистательной книги из блистательного книжного наследия Фишера приняты без оговорок современной экономической наукой.

Ядром «Покупательной силы денег» (1911), посвященной Саймону Ньюкомбу*, явилось «уравнение обмена»: $MV + M'V' = PT$, где M и M' означают сумму банкнот, металлических денег и банковских депозитов в обращении, V и V' — соответствующие скорости обращения, P — уровень цен (величина, обратная «покупательной силе денег»), а T показывает общий объем сделок, причем все переменные берутся за одинаковый период времени — скажем, один год. Фишер прекрасно понимал, что защитники количественной *теории* денег часто подавали ее не как теорию, а как трюизм. Рассматриваемое как теоретическое предположение, равенство PT и $MV + M'V'$ достигается лишь через посредство механизма, связывающего увеличение запаса M или M' с потоком расходов. Таким образом, во время, пользуясь выражением Фишера, «периодов перехода» между двумя сравнительными состояниями статического равновесия, правая часть «уравнения обмена» не равна его левой части, и именно эта возможность неравенства между ними позволяет действительно говорить о количественной *теории* денег. Он всегда помнил о том, что искомую теорию уравнение обмена в значительной степени скрывает, — например, скрывает роль процентной ставки в так называемом «косвенном механизме», связывающем деньги с ценами, в отличие от «прямого механизма», который действует через реальную ценность денежных остатков, обычно имеющих на руках у экономических агентов. Несмотря на тот факт, что книга не содержит фактически никаких ошибок или упущений и несмотря на пионерные усилия Фишера количественно определить параметры уравнения обмена, баланс аргументации в книге был таков, что создавал впечатление догматической защиты количественной теории денег, минимизируя вес периодов перехода до такой степени, что они практически исчезали из виду. Эта книга так и не разделила безоговорочный

успех других его работ и потерпела полную неудачу в попытке разрешить великий спор о сущности количественной теории денег. Даже современные монетаристы сочли необходимым начать все сначала, сформулировав заново проблему — как же именно увеличение предложения денег воздействует на цены?

«Теория процента» Фишера не претендовала на то, чтобы сказать что-либо новое, и ее значение как книги целиком относится к ее выдающимся педагогическим качествам. Она была посвящена «памяти Джона Рэ и Евгения фон Бем-Баверка, заложивших тот фундамент, на котором я взялся строить», и ее содержание сводилось к демонстрации того, что реальная ставка процента определяется как спросом, так и предложением: спросом на производственные и потребительские ссуды, с одной стороны, и предложением сбережений — с другой. Большая часть книги посвящена теории относительно того, как определяется реальная процентная ставка, но различие между реальной и денежной ставкой процента проводится в начале книги и всплывает снова в заключительных главах.

Три работы Фишера были посвящены проектам денежной реформы: «Стабилизация доллара» (*Stabilizing the Dollar*, 1920), «Штампованная бумажка» (*Stamp Scrip*, 1933) и «Стопроцентные деньги» (*100% Money*, 1935); две другие — «Бумы и депрессии» (*Booms and Depressions*, 1932) и «Инфляция» (*Inflation*, 1933) — имели целью подкрепление его предложений в той же области. «Стабилизация доллара» содержала остроумную схему стабилизации покупательной способности денег в условиях конвертируемого золотого стандарта (*convertible gold standard*) за счет варьирования официальной цены на золото в сторону, противоположную движению индекса цен, — система, которую могла бы принять отдельная страна, дополняя ее гибким обменным курсом своей валюты, или сразу всеми странами при использовании фиксированных валютных курсов. «Бумы и депрессии» и «Штампованная бумажка» развивали старое предложение Сильвио Гезелля (1862–1930) о введении ежемесячного штемпелевания на почте бумажных банкнот, которые без подобных печатей переставали бы служить законным платежным средством; целью данной схемы было противодействие накоплению банкнот «в чулке», чего удалось бы добиться, если бы подобное также распространялось на банковские депозиты, — пункт, который Фишер поспешил отме-

тить. «Стопроцентные деньги» были призваны продемонстрировать, что деловые циклы в основном обязаны своим возникновением банковскому кредиту и способности банков в условиях системы частичных резервов «создавать деньги» по желанию. Предложенное решение проблемы состояло в том, чтобы обеспечить 100-процентное резервирование под принятые депозиты; вкладчики платили бы комиссионные, чтобы покрыть расходы на управление их депозитными счетами, а банкам пришлось бы выдавать кредиты из средств, заимствованных на рынке капиталов. Фишер откровенно признал, что эта идея стара, как само банковское дело; в частности, он сослался на группу экономистов из Чикагского университета, включавшую Генри Саймонса, Фрэнка Найта и Пола Дугласа, которые выступили с подобной схемой лишь двумя годами ранее; она и до сего дня поддерживается многими экономистами, в первую очередь, Милтоном Фридменом.

Сделав в начале жизни приличное состояние благодаря изобретению картотечной системы с использованием видимых шифров, Фишер позднее потратил большую его часть на проведение кампаний в пользу множества идей, которым был страстно предан, включая запрет алкоголя, профилактическое медицинское обслуживание, евгенику, мир во всем мире и систему 100-процентного банковского резервирования. Его огромное влияние среди профессиональных американских экономистов (не говоря о его личном состоянии) рухнуло в 1929 г.: он не только не сумел предсказать крах на Уолл-стрите, но и после его наступления продолжал месяц за месяцем утверждать, что начало нового бума уже за углом. Тем не менее, он продолжал публиковаться до 75-летнего возраста, скончавшись пять лет спустя в 1947 г.

Фишер так и не создал школы. Он имел много учеников, но мало последователей. Многие из его поздних работ были приняты с неодобрением, возможно потому, что имя Фишера все более стала окружать аура чудака. Собратьям-экономистам было трудно удержаться от сомнений относительно взглядов человека, чья книга «Как жить: правила здоровой жизни, основанные на современной науке» (*How to Live: Rules for Healthful Living Based on Modern Science*, 1915) стала национальным бестселлером, переведенным на 10 языков. Возможно, если бы Фишер был более осторожен в своих прогнозах накануне и во время Великой депрессии, его ре-

путация не померкла бы столь драматически в последние два десятилетия жизни.

Литература

J.A. Schumpeter, *Irving Fisher 1867–1947, Ten Great Economists from Marx to Keynes* (Oxford University Press, 1948); M. Allais, *Fisher, Irving, International Encyclopedia of Social Sciences*, vol.5, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Чемберлин

Эдвард Х.

Chamberlin Edward H.

(1899 — 1967)

«Теория монополистической конкуренции» (*Theory of Monopolistic Competition*, 1933) Чемберлина была опубликована за несколько месяцев до «Экономической теории совершенной конкуренции» (*Economics of Perfect Competition*) Джоан Робинсон, и Чемберлин провел остаток своей жизни, совершенствуя этот великий труд и борясь против тенденции к объединению этих двух книг как простых альтернативных изложений одной и той же новой микроэкономики. Годами его упорное настаивание на фундаментальном различии между его подходом и подходом Робинсон было благоприятной мишенью для шуток среди экономистов, особенно когда растущее влияние кейнсианской экономики привело к отнесению всех проблем микроэкономики в категорию меньшей важности. Но со временем упорство Чемберлина победило. Его более проницательный анализ рекламы, дифференциации продуктов и преимуществ местоположения — этих характерных особенностей деятельности современных промышленных предприятий, которые не могут быть объяснены иначе, чем при помощи теории совершенной конкуренции или теории монополии — постепенно убедил коллег-экономистов в том, что монополистическая конкуренция и в самом деле отличается от несовершенной конкуренции. Когда он скончался в 1967 году, многие выдающиеся

ся экономисты приняли участие в публикации сборника статей в его честь под названием «Теория монополистической конкуренции: изучение последствий» (*Monopolistic Competition Theory: Studies in Impact*, 1967) под редакцией Р.Е. Кюне, в котором признавалось, что «Теория монополистической конкуренции» стоит в одном ряду с «Общей теорией» Кейнса как одна из наиболее влиятельных экономических работ XX века.

Под монополистической конкуренцией Чемберлин понимал рыночную структуру, которая сочетала в себе элементы конкуренции (настолько большое число продавцов, что никакая фирма не может действовать в одиночку, независимо от других, свободный доступ в отрасль и так далее) с элементами монополии: покупатели имеют явные предпочтения в отношении дифференцированных продуктов определенных торговых марок от конкретных продавцов, за которые они готовы платить более высокие цены (вспомните о рынке зубной пасты или любой другой розничной продукции). Его анализ показал, что этот элемент монополии не приносит никаких преимуществ в долгосрочной перспективе продавцам в отдельной отрасли промышленности. В долгосрочном плане зарабатывается только нормальная прибыль, но, тем не менее, отрасль достигает состояния равновесия на уровне ниже средних затрат: в отрасли существует слишком много фирм по сравнению с ситуацией совершенной конкуренции, и каждая из них назначает более высокую цену, потому что сама фирма слишком мала для достижения максимальной эффективности. Это так называемое касательное решение было основным эмпирическим следствием теории монополистической конкуренции, которое, как представляется, пролило свет на целое множество наблюдаемых особенностей реального мира. Сам Чемберлин всегда настойчиво утверждал, что касательное решение не является доводом в пользу вмешательства в деятельность отраслей с монополистической конкуренцией: неполное использование ресурсов при монополистической конкуренции — это просто цена, которую мы должны платить за потребительские предпочтения существования разнообразных стилей и торговых марок.

Касательное решение Чемберлина горячо обсуждалось с момента его появления. Сегодня многие экономисты утверждают, что монополистическая конкуренция лишь незначительно отличается от совершенной конкуренции и что они обе игнорируют действи-

тельно важную рыночную структуру в современной экономике, а именно, олигополию или конкуренцию среди производителей, количество которых настолько мало, что их действия взаимозависимы. Хотя совершенно справедливо, что «Теория монополистической конкуренции» содержит краткое упоминание о взаимозависимости в условиях олигополии, это не является основным в книге Чемберлина. Короче говоря, в трактате Чемберлина, по-видимому, неправильно расставлены акценты: монополистическая конкуренция, как определил ее Чемберлин, может быть столь же редкой, как и совершенная конкуренция.

Чемберлин родился в Ля Кунер, Вашингтон, в 1899 году в семье методистского священника. Он учился в средней школе в городе Айова и окончил Университет Айовы в 1921 г. После получения степени магистра в Мичиганском университете он поступил в Гарвард в 1922 году для получения докторской степени. Его диссертация, которая была завершена в 1927 году, содержала все основные элементы его будущей книги и ничего не заимствовала из маршаллианских дебатов в Кембриджском университете, которые впоследствии провели Робинсон по тому же пути рассуждений, что и Чемберлина. В тот же год он начал преподавать в Гарварде и провел здесь всю оставшуюся жизнь, за исключением службы во время войны в Управлении специальных операций (предшественник ЦРУ) и одного года после войны в должности приглашенного профессора в Парижском университете. Он был деканом экономического факультета Гарвардского университета в годы «Золотой эры» (1939–43), когда на факультете работали такие известные личности как Олвин Хансен, Василий Леонтьев, Эдвард Мейсон, Саммер Шлихтер, Йозеф Шумпетер и Фрэнк Тауссиг, а также редактировал издаваемый в Гарварде журнал *Quarterly Journal of Economics* в период с 1948 по 1958 гг. В 1950-х годах он получил почетные степени в ряде университетов и был избран почетным членом Американской экономической ассоциации в 1965 г.

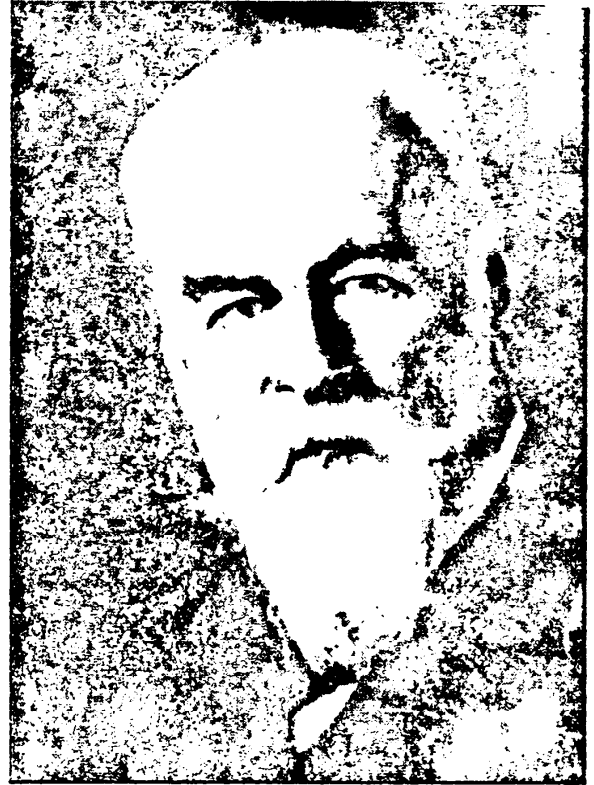
Чемберлин опубликовал достаточно большое количество статей в 1930-х и 1940-х годах по отдельным аспектам теории монополистической конкуренции, многие из которых он включил в последующие издания своего главного шедевра: восьмое, и последнее, издание «Теории монополистической конкуренции» увидело свет в 1962 году. Работа «К вопросу о более общей теории цен-

ности» (*Towards a More General Theory of Value*, 1957) собрала вместе 16 из его наиболее важных статей.

Литература

R.E. Kuenne (ed.), *Monopolistic Competition Theory: Studies in Impact* (Wiley, 1967); J.W. Markham, *International Encyclopedia of the Social Science*, vol. 18, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Шмоллер
Густав фон
Schmoller Gustav
 (1838 — 1917)

Во главе «молодой» немецкой исторической школы, опиравшейся на достижения Ропера*, Гильдебранда и Книса, стоял Густав фон Шмоллер, который буквально руководил всем тем, что происходило в экономической мысли Германии в последней четверти XIX столетия. Молодые немецкие историки-экономисты продолжали верить в достоинства исторического подхода к экономическим вопросам, но отказались от цели выработки всеобъемлющих законов исторического развития, ограничив себя иллюстративными монографиями по конкретным вопросам. Кроме того, по сравнению с ранними экономистами исторической школы, они сделали гораздо больший акцент на постепенные социальные реформы, осуществляемые государственной властью, сформировав в 1872 году влиятельный *Verein für Sozialpolitik* (Союз социальной политики) для выражения своих политических идеалов. С долей иронии их стали называть *катедер-социалистами* (*Kathedersozialisten*, т.е. «социалистами из академической среды»), но в действительности они были социальными реформаторами весьма консервативного толка, близкими монаршей власти и министрам государственного аппарата Пруссии.

Шмоллер родился в Вюртемберге и учился в Университете Тюбингена, закончив его в 1860 году. Он стал профессором полито-

логии и политической экономии в университетах Халле (1864–72), Страсбурга (1872–82) и, наконец, Берлина (1882–1913). Первая публикация Шмоллера имела место в 1870 году и представляла собой книгу по истории мелкого промышленного производства в Германии. В 1870–80-е годы он много публиковался по разнообразным методологическим и историческим вопросам. Его единственной работой, переведенной на английский язык, является «Система меркантилизма и ее историческое значение на примере истории Пруссии» (*The Mercantile System and its Historical Significance: Illustrated Chiefly from Prussian History*, 1897), представляющая собой оправдание меркантилизма как системы государственной политики, вполне разумное для его эпохи. Взгляды Шмоллера на предмет и метод экономической науки были подвергнуты критике Менгером* в его работе «Проблемы экономики и социологии» (*Problems of Economics and Sociology*, 1883). Шмоллер ответил на эту критику в своем собственном журнале, *Jahrbuch fur Gesetzgebung*, после чего Менгер сделал крайне резкий выпад в известном памфлете «Ошибки историцизма в немецкой политической экономии» (*Die Irrthumer Des Historismus in der deutschen Nationalokonomie*, 1884). Шмоллер вновь принял вызов, и именно эта дискуссия вошла в историю под названием *Methodenstreit* (спор о методах), что дало методологии экономической науки плохую репутацию непродуктивного зубоскальства, которая сохраняется до сих пор.

Даже с оглядкой на прошлое нелегко установить, о чем спорили эти два автора. Менгер защищал то, что Маршалл потом назвал «анализом частичного равновесия», основанным на абстрактно-дедуктивном методе. Шмоллер, с другой стороны, придерживался более сложной и неопределенной позиции, согласно которой большая часть традиционной экономической науки оказывалась скорее неуместной, чем ошибочной, а абстрактно-дедуктивный метод — подходящим для будущей фазы экономической мысли, которая наступит спустя десятки лет и, возможно, после скрупулезного сбора огромного количества фактов. Его собственная энциклопедическая работа «Основы общей политической экономии» (*Grundriss der allgemeine Volkswirtschaftslehre*, 1900–04) была фактически довольно традиционной работой, отличавшейся, скажем, от «Принципов» Маршалла только степенью, в которой статистический и исторический материал перевешивал аналитические

разделы. Но какими бы ни были намерения Шмоллера, воздействие его утверждений методологического характера сдерживало развитие экономической теории в Германии вплоть до 1920–30-х годов.

Литература

W. Fisher, *Schmoller, Gustav*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968);

T. Veblen, *Gustav Schmoller's Economics*, The Place of Science in Modern Civilization (Viking Press 1919).

Шпитгоф

Артур

Spiethoff Arthur

(1873 — 1957)

Артур Шпитгоф посвятил всю свою профессиональную жизнь исследованию одного-единственного предмета — экономических циклов. Отправной точкой для него послужили работы Жугляра*, анализ, предпринятый Марксом, работа русского марксиста Туган-Барановского (1865–1919) и посвященные экономическим колебаниям главы книги «Основы» (*Grundriss*, 1900–04) Шмоллера, в написании которых Шпитгоф помогал автору как ассистент. Шпитгоф очень хорошо чувствовал, что все теории экономических циклов, существовавшие на тот момент, не могли удовлетворительным образом объяснить одновременно их периодичность и обусловленность их возникновения самой структурой капиталистической системы. На тот момент было общеизвестно, что экономические колебания присущи промышленности, выпускающей средства производства, в большей степени, чем промышленности, выпускающей предметы потребления, и Шпитгоф всю жизнь стремился построить такую экономическую теорию, которая бы логично объясняла этот феномен. В его трудах заметно негативное отношение к любым вариациям монетарных теорий экономических циклов, которые связывают эту цикличность со стратегией банковского кредитования; автор отдает явное предпочтение «реальным» теориям, объясняющим периоды подъема и спада экономи-

ки колебаниями инвестиций. Тем не менее, концепции самого Шпитгофа достаточно эклектичны и включают практически все гипотезы, высказывавшиеся другими исследователями данного феномена. Он учитывает и неурожай, и денежные факторы, и глубокие изменения в психологической сфере, и несоординированные колебания процессов накопления и инвестирования капитала, и многое другое.

В 1902 году Шпитгоф выпустил свою первую статью об экономических циклах, которая оказалась лишь первой в длинном ряду последующих; а опубликованный в 1923 году в «Словаре-справочнике по общественно-политическим наукам» (*Handwörterbuch der Staatswissenschaften; School Dictionary of Political Science*) очерк «Кризисы» (*Krisen*) подводит итог работы этих двух десятилетий. На английском языке очерк вышел лишь в 1953 году под названием «Экономические циклы» (*Business Cycles*). Также Шпитгоф пытался разрешить старое противоречие между традиционным представлением об абсолютной истинности экономических теорий и концепцией Немецкой исторической школы, согласно которой любые экономические теории могут быть верны лишь для определенного времени и места. В двух статьях, «Исторический характер экономических теорий» (*The Historical Character of Economic Theories*, 1952) и «Чистая теория и экономическая гештальт-теория» (*Pure Theory and Economic Gestalt Theory*, 1953) он сформулировал концепцию экономических стилей, которые применимы для определенных исторических вариаций устройства экономической жизни. Но в сумме все рассуждения в обеих этих статьях сводятся не более чем к защите традиционной позиции Немецкой исторической школы, выраженной новым языком.

Литература

G. Clausen, *Spiethoff, Arthur*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 15, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968)

Шумпетер

Йозеф А.

Schumpeter Joseph A.

(1883 — 1950)

Шумпетер — один из гигантов экономической науки XX века, чье грандиозное видение экономического процесса как единого целого сопоставимо с видением Адама Смита или Карла Маркса. В поразительной книге «Теория экономического развития» (*Theory of Economic Development*, 1912), написанной в раннем возрасте 28 лет, он поставил в центр капиталистической системы вместо марксова жадного капиталиста, ведущего паразитический образ жизни, динамичного, стремящегося к нововведениям предпринимателя. Такой предприниматель ответственен не только за технический прогресс, но и за само существование положительной нормы прибыли на капитал. Проводя различие между «изобретениями» и «инновациями», он подчеркнул тот факт, что научные и технические изобретения ничего собой не представляют, если не будут приняты (внедрены), а для этого требуется не меньше смелости и воображения, чем для самого акта первоначального открытия, сделанного ученым или инженером. Более того, инновации, имеющие значение для экономического прогресса, представляют собой далеко не только новые машины, привлекающие внимание большинства. Они принимают формы новых продуктов, новых источников сырья, новых форм промышленной и финансовой организации, наряду с новыми методами производства.

Часто предприниматель является также капиталистом; тем не менее, в принципе существует множество различий между воплощением новых методов производства и предоставлением капитала, требуемого для финансирования нового предприятия. Капиталист зарабатывает «процент», в то время как предприниматель зарабатывает «прибыль», и без динамических перемен, создаваемых предпринимателем, норма прибыли будет вскоре падать до нуля. Шумпетер сожалел о том, что великие экономисты-классики начала XIX века постоянно смешивали роль капиталиста с ролью предпринимателя. Не в меньшей степени он сожалел о том, что его современники не замечали важнейшей роли инновативного предпринимателя в своей навязчивой сосредоточенности на статических свойствах состояний окончательного равновесия. С тех самых пор его теория предпринимателя стала отправной точкой для всех последующих дискуссий о предпринимательстве.

Он родился и получил образование в Австрии, некоторое время был министром финансов этой страны после Первой мировой войны. В 1932 году он эмигрировал в Америку, где сделал карьеру в новой для себя области — как блестящий преподаватель. Будучи видным сотрудником факультета экономики Гарвардского университета в его золотое десятилетие 1930-х годов, он опубликовал крупное двухтомное исследование под названием «Циклы деловой активности» (*Business Cycles*, 1939), в котором предприниматель снова был поставлен в самый центр событий. Объяснение Шумпетером деловых циклов в этой книге, возможно, не было особенно оригинальным, но он соединил свой взгляд на обыкновенные 7–11-летние циклы производства и занятости Жугляра с объяснением кондратьевских длинных циклов длиной 45–50 лет посредством волн инноваций, следующих одна за другой до тех пор, пока сверхприбыли первоначального инноватора полностью не уничтожатся позднейшими имитаторами. Эта публикация была одной из его наименее успешных книг: на многих его коллег она произвела впечатление слишком поверхностной работы и, более того, устранившейся от причин имевшей в то время место депрессии; кроме того, Шумпетер не имел времени на ознакомление с трудами Кейнса, и книга «Циклы деловой активности» была опубликована как раз тогда, когда Кейнсианская революция делала семимильные шаги.

Однако в 1942 году Шумпетер опубликовал то, что с тех пор стало считаться его шедевром: книгу «Капитализм, социализм и демократия» (*Capitalism, Socialism and Democracy*), которая была в равной степени адресована как здравомыслящим непрофессионалам, так и его коллегам-экономистам. В этой работе он парадоксальным образом отвергал марксистский диагноз неминуемого крушения капитализма и, в то же время, предсказывал почти неизбежное наступление социализма как результат отказа от капиталистических ценностей со стороны интеллектуалов западного мира. Парадокс всегда был его главным оружием, и в этой книге он, безусловно, наслаждался картиной экономической системы, постепенно подрываемой не ее врагами, а ее друзьями. Правда, его предсказания до сих пор не сбылись. Тем не менее, при чтении этой работы сейчас, 40 лет спустя, она все еще невероятным образом выглядит уместной применительно к проблемам сегодняшнего дня.

После массового успеха книги «Капитализм, социализм и демократия», Шумпетер потратил оставшуюся часть своей жизни на превращение ранней работы по истории экономической мысли «Экономические доктрины и метод» (*Economic Doctrines and Method*, 1914) в грандиозную книгу «История экономического анализа» (*History of Economic Analysis*, 1954), которая была опубликована посмертно как законченный труд, за исключением последней главы. Эта работа старого научного стиля — с сотнями доскональных ссылок, невероятной широтой охвата материала, поразительными выводами, — преуменьшающими заслуги Адама Смита* как неоригинального, порицающими Альфреда Маршалла* как сбивающего с толку, и превозносящими Вальраса* как величайшего из когда-либо живших экономистов — продолжает вдохновлять историков экономической мысли как вершина, которую они могут только надеяться достичь.

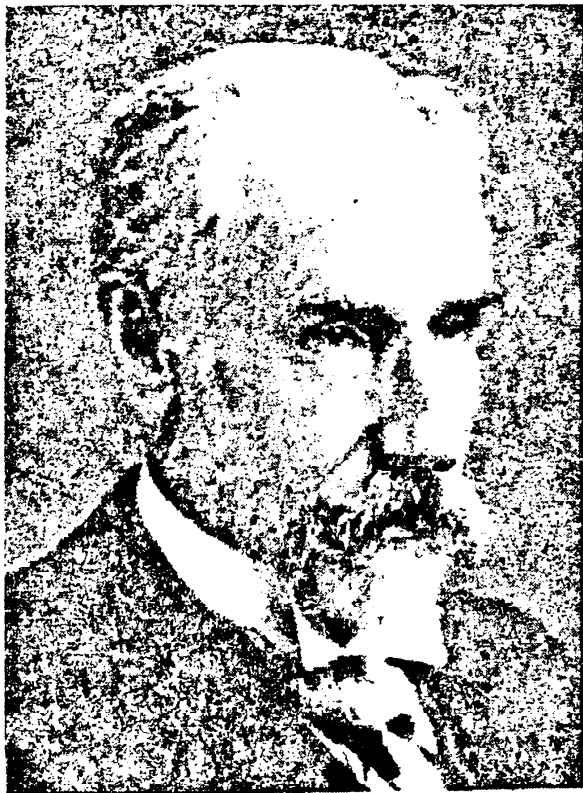
Шумпетер родился в Трише, в Австро-Венгерской империи, в семье высокопоставленного армейского офицера, и в 1904 году закончил Венский университет. Он начал преподавать в 1909 году в Университете г. Черновцы (ныне это Украина), а затем перешел в Университет Граца, что в Австрии. После короткого периода времени, в течение которого он был министром финансов Австрии (1919–20), он стал президентом небольшого немецкого банка в 1920–22 гг. Он впервые посетил США в 1924 году, и вернулся в

Европу в 1925 году, став профессором государственных финансов в Боннском университете. После возвышения Гитлера в 1932 году, он покинул Европу, получив должность профессора Гарвардского университета, на которой он оставался вплоть до своего ухода на пенсию в 1950 году. Он был основателем и президентом Эконометрического общества в 1938 году и президентом Американской экономической ассоциации в 1948 году.

Многие статьи Шумпетера собраны в книгах «Десять великих экономистов» (*Ten Great Economists*, 1951) и «Очерки Й.А. Шумпетера» (*Essays of J.A. Schumpeter*) под ред. R.V. Clemence (1951). До сих пор полезно почитать более ранние его очерки «Кризис государства налогообложения» (*The Crisis of the Tax State*, 1918) и «Империализм и общественные классы» (*Imperialism and Social Classes*, 1919).

Литература

S.F. Harris (ed.), *Schumpeter: Social Scientist* (Harvard University Press 1951); W.F. Stolper, *Schumpeter, Joseph A.*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol. 14, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); A. Heertje (ed.), *Schumpeter's Vision: Capitalism, Socialism and Democracy After 40 Years* (Praeger, 1981); H. Frisch (ed.), *Schumpeterian Economics* (Praeger, 1981).

Эджуорт
Фрэнсис Исидор
Edgeworth
Francis Ysidro
(1845 — 1926)

Фрэнсис Исидор Эджуорт был экономистом для экономистов: почти вся его литературная продукция предназначалась собратьям-экономистам, приобретая вид элегантных технических эссе, посвященных налогообложению, ценообразованию в условиях монополии и дуополии, чистой теории международной торговли и теории индексных переменных. Он все же отважился и на создание одной более масштабной работы, «Математической психологии» (*Mathematical Psychics*, 1881), в которой приложил квантифицированные понятия утилитаристской этики к экономической жизни; цветистая и слегка старомодная проза, которой написана эта книга, изобилующая цитатами из греческих авторов и возникающими по ходу изложения классическими аллюзиями, выдает желание автора выйти на более широкую аудиторию. Работа получилась, однако, глубокой, содержала идеи, которые нелегко воспринимались, и оказалась выше понимания даже многих его коллег. Использованные в ней кривые безразличия лишь постепенно приобрели популярность, а понятие «ядра» меновой экономики только недавно привлекло внимание в связи с развитием теории игр. Он писал в лучшем случае скупо и темно и не стремился к закреплению своего приоритета, в результате чего большая часть его результатов была получена заново людьми, пришедшими к тому

же своим путем, что продолжается до сих пор. Так, Маршалл* испытал решительное влияние Эджуорта в целом ряде технических моментов, и тем не менее Эджуорт всегда относился к Маршаллу как ученик к мастеру. Когда в 1891 году был основан, как орган Королевского экономического общества, *Economic Journal*, Эджуорт стал его редактором, и эту обязанность он выполнял на протяжении 35 лет. Он был, как правило, совершенно беспристрастен, но в ряде случаев все же отверг ценные статьи, которые, на его взгляд, могли повредить репутации Кембриджской школы, возглавляемой Маршаллом.

О лептах, которые Эджуорт внес в развитие экономической науки, можно сказать, что имя им легион, и только недостаток места заставляет ограничиться упоминанием о нескольких: он первым сформулировал законы убывающей производительности в терминах убывания *предельного* продукта переменного фактора, в то время как все, начиная с Мальтуса* и Рикардо*, неизменно формулировали их в терминах убывания *среднего* продукта; он первым определил «обобщенную функцию полезности» — зависимость полезности не только от потребляемого количества данного товара, но и от количеств всех других товаров, потребляемых индивидом, дав, таким образом, исчерпывающее объяснение взаимозаменяемости и взаимодополняемости товаров с точки зрения теории полезности; он также первым предложил кривую безразличия как геометрическое место точек, представляющих комбинации двух товаров, дающие одинаковый уровень общей полезности (начертив эту кривую вверх ногами по сравнению с тем, как она изображается сегодня), а также «контрактную кривую», — геометрическое место точек касания кривых безразличия различных индивидов.

Но его прекраснейший вклад — теория ядра меновой экономики. Вообразите группу торговцев, имеющих некоторые начальные запасы товаров и настроенных на обмен при том, что пока отсутствует рынок или какое-то его подобие; эти торговцы могут действовать поодиночке или могут образовывать блоки или коалиции, чтобы улучшить свое исходное положение; разрешено все, но каждый торговец должен добровольно согласиться принять любой окончательный результат торговли. Затем Эджуорт показывает, что в предельном случае, когда количество торговцев увеличивается, «ядро» окончательного распределения товаров, достигнутого в

результате единогласно согласованной системы сделок, оказывается идентичным тому множеству равновесных запасов товаров, которое генерирует ценовая система в условиях совершенной конкуренции. Эта интуиция оказалась ценной для тех современных специалистов в области теории игр, которые занимались доказательством существования общего равновесия в духе Вальраса.

Эджуорт родился в 1845 году в Ирландии и начальное образование получил дома, а по достижении необходимого возраста смог поступить в Тринити-колледж в Дублине. Из Тринити-колледжа он перешел в Баллиол-колледж в Оксфорде, получив здесь диплом в области филологии в 1865 году. После юридической практики в Лондоне и чтения лекций по английской литературе в Бэдфордском колледже, также в Лондоне, он преподавал в лондонском Королевском колледже сначала логику в должности лектора, а с 1885 г. политическую экономию в должности профессора. В 1891 г. занял должность профессора политической экономии им. Драммонда в Оксфорде, что, как и сегодня, совмещалось с должностью внештатного сотрудника (без преподавательских обязанностей) оксфордского колледжа. Всех Душ. Он покинул университет в 1922 г., но продолжал редактировать *The Economic Journal* вместе с Джоном Мейнардом Кейнсом* до самой своей смерти в 1926 г. в возрасте 81 года.

Помимо «Математической психологии», он опубликовал юношескую книгу по этике и короткую работу по измерению полезности, «Измерение» (*Metrike*, 1887), а также несколько лекций по экономическим аспектам войны во время и сразу после окончания первой мировой войны. Он выпустил сборник своих главных эссе и рецензий в виде трехтомного издания «Работы, относящиеся к политической экономии» (*Papers Relating to Political Economy*, 1925).

Из всех великих экономистов, рассматриваемых в этой книге, он — единственный (за исключением Бернулли и Слуцкого), кто внес свой собственный вклад в математическую статистику. В первом выпуске своего телевизионного сериала «Эра неопределенности» (*The Age of Uncertainty*, 1981) Джон Кеннет Гэлбрейт заметил, что «все народы дали миру видных экономистов, за исключением ирландцев». Неужели он забыл имена Кантильона, Лонгфилда, Кернса, Лесли и особенно Эджуорта?

Литература

J.M. Keynes, *Essays in Biography* (Macmillan, 1933); C. Hildreth, *Edgeworth, Francis Ysidro, International Encyclopedia of Social Sciences*, vol.4, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); J. Greedy, *F.Y. Edgeworth, Pioneers of Modern Economics in Britain*, D.P. O'Brien and J.R. Presley (eds.) (Macmillan, 1981).

Эли

Ричард Теодор

Ely Richard Theodore

(1854 — 1943)

Ричард Эли не был оригинальным мыслителем или талантливым популяризатором, но он был великим педагогом и организатором, который сыграл центральную роль в профессионализации американских экономистов последней четверти XIX века. Родившись в штате (*in up-state New York*) Нью-Йорк в 1854 году, он закончил Колумбийский колледж в 1876. В то время в Америке не существовало такого понятия, как аспирантура (*graduate work*) в области экономики, и, подобно Джону Бейтсу Кларку*, Эли решил провести следующие четыре года в Гейдельбергском университете под руководством Карла Книса (1821–98), одного из вождей «старой» исторической школы. Вернувшись в Америку в 1881 г., Эли поступил в штат только что образованного Университета Джона Гопкинса и быстро написал несколько полемических книг о социализме, рабочем движении и налоговой реформе. В характерной для этого периода работе «Прошлое и настоящее политической экономии» (*The Past and Present of Political Economy*, 1884) он резко противопоставил старой ортодоксии Рикардо и Милля, полностью отвергнутой им, (исключая лишь рикардианскую теорию дифференциальной ренты), «новую» политическую экономию, в которой открыто провозглашалась этическая установка на поддержку бедных и делалась усиленная ставка на индуктивный сбор

фактов. В Висконсинском университете, куда Эли перешел в 1892 г., его участие в реформистском движении имело следствием публичное обвинение в проповеди забастовок и социализма. В результате широко освещавшегося следствия члены правления университета приняли решение о его оправдании и издали декларацию в пользу академической свободы, которой суждено было стать знаковой вехой в истории американской высшей школы.

Несколькими годами ранее, в 1885 г., Эли вместе с другими сторонниками «новой» политической экономии основал Американскую экономическую ассоциацию (АЭА), став ее первым секретарем. Поначалу ассоциация, подобно немецкому *Verein für Sozialpolitik* (Союзу за социальную политику),³ была скорее реформистским инструментом, основанным на определенной точке зрения на роль экономистов в обществе, чем профессиональным объединением экономистов. Но уже к 1892 г., когда Эли оставил должность секретаря, сформировалась та позиция академической нейтральности, которой АЭА придерживается сегодня, и ассоциация быстро увеличила число своих членов, охватив почти всех экономистов-ученых и экономистов-практиков в США. Последующая деятельность Эли, несмотря на президентство в АЭА в 1900–02 гг., была в основном ограничена пределами штата Висконсин. Он все активнее участвовал в деятельности религиозных реформистских организаций, таких, как Христианско-социальный союз, и в своих популярных учебниках для начального уровня «Введение в политическую экономию» (*An Introduction to Political Economy*, 1889) и «Очерки экономической теории» (*Outlines of Economics*, 1893) стремился показать, что «новая» политическая экономия полностью созвучна социально-политическим взглядам просвещенных христиан.⁴ В Висконсинском университете он окружил себя бывшими учениками, такими, как Коммонс*, Фредерик Тернер и Эдвард Росс, каждый из которых позднее создал себе собственное имя в экономике, истории или социологии,⁵ и наладил связи с правительством штата Висконсин во главе с губернатором Робертом Ла Фоллеттом, известным прогрессистом. Возглавляемый Эли факультет экономики, политических наук и истории получил международную известность за работу в области трудового законодательства, экономики землепользования и тарифов на услуги объектов инфраструктуры, — репутация, которая сохраняется по сей день. В возрасте 84 лет Эли написал захватывающе интересную

автобиографию «Земля, что у нас под ногами» (*Ground Under Our Feet*, 1938), увенчавшую список его работ, в котором более 60 книг и сотни статей. Он умер пять лет спустя, в 1943 году.

Литература

A.W. Coats, *Ely, Richard T.*, *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 5, ed. D.L.Sills (Macmillan Free Press, 1968).

Юм**Давид***Hume David*

(1711 — 76)

Если есть хотя бы один экономист до Адама Смита*, которого бы захотелось поставить впереди этого ученого по степени аналитической мощи, историческому охвату и удачному стилю, так это Давид Юм. Однако, он никогда не писал систематизированного трактата по экономике, ограничившись серией эссе по проблемам денег, населения и международной торговли; большинство его работ относятся к области философии, политики и истории. Тем не менее, эти эссе, опубликованные в книге «Рассуждения о политике» (*Political Discourses*, 1752), имели в целом и в частности такое влияние на его личного друга Адама Смита, что они должны стоять в одном ряду с основными экономическими работами XVIII века. Вне всякого сомнения, они отличаются превосходным качеством, что делает их прочтение ценным даже сегодня.

Юм родился в 1711 году в Шотландии, получил домашнее образование, а также учился в Эдинбургском университете. После неудачного опыта работы на промышленника из Бристоля, он оставил Британию и длительное время пребывал во Франции, где почти завершил свою основную работу «Трактат о человеческой природе» (*A Treatise of Human Nature*, 1739). За исключением короткого периода службы в качестве домашнего учителя для шотландского дворянина, он провел остаток своей жизни в исследова-

тельской работе. «Очерки на моральные и политические темы» (*Essays on Moral and Political*, 1741), «Исследование, касающееся принципов морали» (*An Inquiry Concerning the Principals of Morals*, 1751) и «Рассуждения о политике» (*Political Discourses*, 1752) создали ему репутацию как философу, а «История Англии» (*A History of England*, 1754–62) сделала столь же много для его становления как историка. Благодаря его глубокому скептицизму в отношении традиционной христианской аргументации в этике и теологии и его заметной склонности к «эмпирическому методу», легкая атмосфера скандальности окружала все его взгляды, так что, когда он скончался в присутствии Адама Смита и других друзей, на них было оказано существенное давление для получения свидетельства о том, что Юм на своем смертном одре сознался в вере в Бога и загробную жизнь. Адам Смит сопротивлялся этому нажиму и отрицал, что Юм отрекся от своего скептицизма в момент смерти.

Юму принадлежит три или, возможно, четыре особых вклада в экономическую мысль. Первым было его утверждение о так называемом «механизме денежного потока», которое представляло собой ответ на меркантилистское требование о поддержании постоянного положительного сальдо платежного баланса. Используя количественную теорию денег, согласно которой уровень цен в стране изменяется прямо пропорционально предложению денег и обратно пропорционально объему торговли, Юм показал, что приток золота вследствие превышения экспорта над импортом будет автоматически корректироваться за счет роста внутренних цен, тормозящего экспорт и стимулирующего импорт. В условиях свободной торговли платежный баланс любой страны со временем достигнет состояния равновесия, то есть международного распределения денег в соответствии с уровнем развития каждой страны. По причинам, до сих пор не вполне понятным, Адам Смит отказался упомянуть эту аргументацию Юма в своей атаке на доктрину меркантилизма. Тем не менее, механизм денежного потока стал важным элементом классической теории свободной торговли: он был изложен Рикардо*, впоследствии развит Сениором* и снова пересказан Джоном Стюартом Миллем*.

Нельзя сказать того же самого о защите Юмом того, что мы сегодня назвали бы «теорией ползущей инфляции». Конечно, он отрицал, что абсолютный размер национального предложения денег может как-либо изменять экономическую активность, но он

считал, что *постепенное* увеличение предложения денег способно создать дополнительный объем выпуска и занятости. Представители классической экономической теории делали все возможное, чтобы игнорировать этот элемент воззрений Юма, поскольку он вступал в противоречие с их объявлением войны всем денежным панацеям и, как им казалось, имел привкус старых меркантилистских заблуждений.

Третий вклад — это идея о том, что существует неотъемлемая связь между ростом политической свободы в современных коммерциализированных обществах и индивидуализмом и политической децентрализацией, обусловленными ростом торговли и производства; короче говоря, политическая свобода вытекает из свободы экономической. Во всяком случае, для Адама Смита важность этого положения была настолько высока, что он цитировал его несколько раз.

Последним вкладом было известное утверждение в «Трактате о человеческой природе», что, говоря современным языком, «вы не можете выводить долженствование из существования» — все явления мира не могут привести вас к моральному или этическому утверждению. Именно это философское уточнение лежит в основе хорошо известного разделения между позитивной и нормативной экономической теорией, которое в явном виде появилось уже в 1830-х годах в трудах Сениора.

Литература

E. Rotwein, *Hume, David*, International Encyclopedia of the Social Sciences, vol.6, ed. D.L. Sills (Macmillan Free Press, 1968); *Editor's Introduction*, David Hume: Writings on Economics, ed. E. Rotwein (University of Wisconsin Press, 1955).

Предметный указатель

- Laissez-faire* (принцип невмешательства государства в экономическую деятельность), 20, 172
- Временное предпочтение, 25, 27–8, 258, 314–5
- Доктрина фонда заработной платы, 28, 131
- Классическая экономика, 53, 280
- Количественная теория денег, 16, 75, 132, 175, 177, 229, 296, 319, 344
- Маржинальная революция, 210–1
- Марксизм, 39, 41–2, 182–3, 307
- Меркантилизм, 130, 190–2
- Механизм денежного потока, 192
- «Окольное» производство, 15, 26, 29
- Парето-оптимальность, 234–5
- Предельная полезность дохода, 36–7
- Предпринимательство, 288, 332–333
- Принцип акселератора, 15, 139
- Совершенная конкуренция, понятие, 139, 140, 337–8
- Теория капитала, 27–9, 135–6, 258–9
- Теория общего равновесия, 17, 117, 318
- Теория паритета покупательной способности, 118–9
- Теория предельной производительности, 17–8, 58, 85–6, 134–5, 179, 196, 223, 235, 302, 307–8
- Теория ренты, 99
- Теория роста, 173–4, 181, 203
- Теория ценности на основе предельной полезности, 33–4, 78, 89, 169–70, 179–80, 212–3, 277
- Утилитаризм, 31
- Физиократия, 128–30
- Ценообразование на основе предельных затрат, 162
- Экономика благосостояния, 240–2
- Экономическая теория социализма, 18, 157–8
- Экономические циклы, 15–6, 52–3, 94, 107–8, 219, 223–4, 330–1

Б 70 *Марк Блауг 100 великих экономистов до Кейнса.* / Пер. с англ. под ред. А.А. Фофонова. — СПб. : Экономическая школа. 2008. 352 с. ISBN 978-5-903816-01-9

Автор книги — известный британский историк экономической мысли Марк Блауг — рассказывает в форме небольших и увлекательно написанных очерков о жизни и творчестве 200 наиболее известных экономистов. Каждый очерк содержит в себе информацию об основных этапах жизни и творчества экономиста, а также емкую и проницательную характеристику его творчества.

Книга адресована студентам и аспирантам экономических дисциплин, которые сталкиваются в своей работе с фамилиями известных экономистов, но не совсем хорошо представляют себе, почему эти экономисты известны и каковы их основные идеи. Преподавателям эта книга также поможет быстро уточнить биографическую информацию или узнать квалифицированное мнение известного историка экономической мысли о содержании или значении той или иной идеи, концепции, теории, школе и т. д.

Марк Блауг

100 ВЕЛИКИХ ЭКОНОМИСТОВ ДО КЕЙНСА

Редактор А.И. Варковецкая, Е.В. Рощина

Художник Г.О. Вельте

Корректор С.Р. Хабирова

Директор по производству В.В. Бабич

Технический редактор Т.В. Валерианова

Компьютерная верстка А.Ю. Павлова

**Подписано в печать 14.12.07 Формат 70X100 1/16.
Усл. печ. л. 28,38. Уч.-изд. л. 13,75. Тираж 1500 экз.
Заказ 4552**

ООО «Экономикус»

192007, Санкт-Петербург, ул. Тамбовская, д. 22, лит. А, пом. 8Н

**Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

«Финансовый менеджмент» Бриггем Ю., Гапенски Л. / *Пер. с англ. под редакцией В. В. Ковалева*, в 2-х т. 2005. т. 1 — 528 с. т. 2 — 672 с.

«Причина правил. Конституционная политическая экономия» Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен. Выпуск 9 серии «Этическая экономия: исследования по этике, культуре и философии хозяйства» / *Пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева*. 2005. 272 с.

«Персонал для организации: научный подход к поиску, отбору, оценке и удержанию сотрудников» Б. Шнайдер, Н. Шмитт / *Пер. с англ. под ред. Н.В. Гришиной и М.Б. Курбатовой*. 2004. 560 с.

Серия «Вехи экономической мысли». Выпуск 4. **«Экономика благосостояния и общественный выбор»** *Под ред. А.П. Заостровцева*. 2004. 568с.

«Экономический анализ права» Р. Познер / *Пер. с англ. под ред. В. Л. Тамбовцева*, в 2-х томах. 2004. т. 1 — 544 с., т. 2 — 464 с.

«История экономического анализа» Й. Шумпетер / *Пер. с англ. под ред. В.С. Автономова*, в 3-х т. 2004. т. 1 — 552с. т. 2 — 504с. т. 3 — 736с.

50 лекций по микроэкономике. Учебник для ВУЗов, в 2-х томах. 2004. Т. 1 — 624 с. Т. 2 — 776 с.

Словарь Коллинза по экономике / *Пер. с англ. под ред. П. А. Ватника*. 2004. 752 с.

Микроэкономика В. М. Гальперин, С. М. Игнатьев, В. И. Моргунов. Учебник для ВУЗов, в 2-х томах. 2004. Изд. 2-е, испр. Т. 1 — 349 с. Т. 2 — 503 с.

Для приобретения этих изданий просим Вас:

1. Сообщить о сделанном заказе в заявке произвольной формы, указав точный почтовый адрес (по почте, факсу, электронной почте).
2. Перевести сумму заказа «НОУ «Институт «Экономическая школа» на р/с 40702810600009021367 в ЗАО «Балтийский Банк», Санкт-Петербург, кор. счет 30101810100000000875, БИК 044030875, ИНН 7816076906, Код по ОКОНХ 92110, Код по ОКПО 34379175

Наш адрес: 192241, С.-Петербург, Пращская ул., д. 30, корп. 1.
Издательство «Экономическая школа».

Тел. (812) 269-4686, 108-7674. Факс (812) 108-7673,

E-mail: sales@ise.spb.ru; economics@mail.rcom.ru

Internet: <http://www.ise.spb.ru>

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

«Построение систем управления затратами» Р. Каплан, Р. Купер / Пер. с англ. под ред. И.Н. Баранова, 2005, в 2-х т., 980 с.

Уникальное для российского рынка бизнес-литературы издание представляет собой учебник гуру управленческого учета Р. Каплана и Р. Купера, в котором вопросы создания современных систем управления затратами на предприятиях иллюстрируются многочисленными деловыми ситуациями (кейсами).

В книге анализируются недостатки традиционных систем управленческого учета и показывается, каким образом может быть построена система управления затратами, удовлетворяющая требованиям организаций различных типов. Основное внимание авторы уделяют описанию системы управления затратами по операциям (activity-based costing), ее использованию для принятия текущих и стратегических решений.

Показывается, каким образом может быть организована взаимосвязь управления затратами и системы бюджетирования, описываются особенности управления затратами на этапе разработке продукта и его вывода на рынок. Большое внимание уделяется управлению затратами в сфере услуг, анализируются новые подходы к расчету затрат для целей принятия решений.

Данное издание представляется собой первый учебник продвинутого уровня в области управленческого учета, выходящий на русском языке. Он представляет особый интерес для слушателей программ МВА, студентов управленческих, финансовых и учетных специальностей, а также – благодаря наличию множества кейсов – для руководителей и специалистов экономических служб предприятий, решающих задачу создания современной системы управления затратами.

Для приобретения этих изданий просим Вас:

1. Сообщить о сделанном заказе в заявке произвольной формы, указав точный почтовый адрес (по почте, факсу, электронной почте).
2. Перевести сумму заказа «НОУ «Институт «Экономическая школа» на р/с 40702810600009021367 в ЗАО «Балтийский Банк», Санкт-Петербург, кор. счет 30101810100000000875, БИК 044030875, ИНН 7816076906, Код по ОКОНХ 92110, Код по ОКПО 34379175

**Наш адрес: 192241, С.-Петербург, Пращская ул., д. 30, корп. 1.
Издательство «Экономическая школа».**

Тел. (812) 269-4686, 708-7674. Факс (812) 708-7673,

E-mail: sales@ise.spb.ru; economics@mail.rcom.ru

Internet: <http://www.ise.spb.ru>; <http://www.economicus.ru>

Economicus

Серия англо-русских словарей

Серия словарей *Economicus* — это новое поколение словарей, построенных по единой лексикографической концепции и отличающихся широким охватом современных терминов из области экономики, бизнеса и смежных дисциплин. Серия выпускается совместно Институтом «Экономическая школа» и компанией *ABBY Software House*.

Словари серии построены по единой лексикографической концепции. В каждой статье предлагается точный перевод термина, краткое исчерпывающее толкование, примеры употребления, полезные ссылки на другие статьи. В словарях нашли отражение профессиональный жаргон и разговорная лексика, снабженные соответствующими пометками.

Словари серии:

1. Маркетинг и торговля (12 тыс. ст., 648 с.)
2. Менеджмент и экономика труда (8 тыс. ст., 576 с.)
3. Бухгалтерский учет и аудит (6 тыс. ст., 416 с.)
4. Финансовый менеджмент (7,5 тыс. ст., 496 с.)
5. Финансовые рынки (11 тыс. ст., 672 с.)
6. Экономика, социология, политология (10 тыс. ст., 648 с.)
7. Государственное управление и финансы (10 тыс. ст., 672 с.)
8. Международная экономика и бизнес (8 тыс. ст., 576 с.)
9. Банковское дело (8 тыс. ст., 608 с.)
10. Страхование (6 тыс. ст., 416 с.)

<http://dictionary.economicus.ru>

Аналитическая школа

— это проект, нацеленный на раннее развитие у студентов способностей самостоятельного, корректного, фундаментального аналитического мышления, отвечающего современному уровню науки. Для участия в *Аналитической школе* необходимы желание, светлая голова и возможность посещать еженедельные семинары.

- Если Вы учитесь в экономическом вузе или на экономическом факультете;
- Если взаимосвязь получаемых по разным предметам знаний не очевидна;
- Если Вам хочется попробовать свои силы в решении реальных проблем, не дожидаясь, пока будут пройдены все предметы и сданы все экзамены,
— приглашаем Вас стать участником *Аналитической школы*!

Студенты и преподаватели из других городов также могут принять участие в работе *Аналитической школы* в заочной форме. Для этого им нужно связаться с нами по электронной почте: ivanov17@online.ru.

<http://www.economicus.ru>

Эта книга — дополнение к моей работе «100 великих экономистов после Кейнса», и, подобно ей, адресована тем, кто изучает экономическую науку впервые, кто слушает учителей, небрежно роняющих имена Рикардо, Вальраса и Маршалла, и хочет получить краткую информацию о жизни и идеях этих великих экономистов прошлого.

Почему только 100 имен, а не 200 или 300? Число 100 является произвольным: мы должны чем-то ограничиться, а 100 - хорошее круглое число. Тем не менее, удивительно, что числа 100, по-видимому, вполне достаточно, чтобы охватить всех первоклассных и даже второразрядных экономистов прошлого, предшественников Кейнса, включая его самого.

М. Блауг

ISBN 590381601-0

5 785903 816019